

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ И УПРАВЛЕНИЯ
им. К.Г. РАЗУМОВСКОГО (ПКУ)

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМЕНИ Д.С. ЛИХАЧЁВА

**ПУТЬ ДУХОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ –
ИМПЕРАТИВ
РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ.**

Чтения памяти И.А. Ильина

Москва
«Снежный Ком»
2024

УДК 1(091)
ББК 87.3
П90

Утверждено к печати Ученым советом МГУТУ
им. К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет)
28.11.2024

Составитель *Д.М. Володихин*

Редактор *Э.С. Новикова*

Путь духовного обновления – императив русской классической философии. Чтения памяти И.А. Ильина: Сборник статей / Составитель Д.М. Володихин. – М.: «Снежный Ком М» (ИП Штепин Д.В.), 2024. — 244 с. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6052481-2-5

Издание представляет собой сборник научных статей по материалам докладов, сделанных на всероссийской с международным участием научной конференции «Путь духовного обновления – императив русской классической философии», посвященной 70-летию со дня смерти великого русского философа Ивана Александровича Ильина. Конференция прошла в Москве 16 мая 2024 года. К докладам участников конференции добавлены публикации известных российских философов и публицистов, посвященные интеллектуальному творчеству И.А. Ильина.

УДК 1(091)
ББК 87.3

© коллектив авторов, 2024
© МГУТУ им. К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет), 2024
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д.В.), 2024
© Оформление: Юлия Голуб, 2024

ВВЕДЕНИЕ

Всероссийскую с международным участием научную конференцию «Путь духовного обновления — императив русской классической философии», посвященную 70-летию со дня смерти русского философа Ивана Александровича Ильина (1883-1954), 16 мая 2024 года провели в МГУТУ имени К.Г. Разумовского.

Организатором мероприятия выступил МГУТУ в сотрудничестве с Институтом философии РАН и Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. Модераторами конференции были руководитель центра наследования культуры Института Наследия, ведущий научный сотрудник Юрий Закунов, и научный сотрудник Института философии РАН Александра Вакулинская.

На мероприятии обсудили философское и публицистическое наследие Ильина, включающее 33-томное собрание сочинений, основные постулаты его философской доктрины.

По словам Юрия Закунова, «Высокий статус конференции во многом обязан активному участию в ней ведущего научного сотрудника отдела культурологии Института Наследия, профессора Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Юрия Лисицы, который с 1993 г. по настоящее время составил, прокомментировал и написал предисловия к 33-м томам Собрания сочинений И. А. Ильина, последние из которых продолжают выходить в издательстве Института Наследия. Как представитель наследников И. А. Ильина он принимал участие в государственно-церковной акции по перезахоронению останков И. А. Ильина и Н. Н. Ильиной в некрополе Донского монастыря в Москве, а также в акции Российского Фонда Культуры по передаче Архива И.А. Ильина из Мичиганского штатного университета в МГУ имени М. В. Ломоносова».

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Организатор:

Московский государственный университет технологии и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ).

Соорганизаторы:

Институт философии Российской академии наук
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Председатель программного комитета:

МИРОНОВ Арсений Станиславович — доктор философских наук, ректор МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ).

Сопредседатели программного комитета:

ВОЛОДИХИН Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, проректор по научной работе МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ).

Члены программного комитета:

ФЕДОРОВ Борис Константинович — кандидат экономических наук, советник при ректорате МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ).

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич — доктор философских наук.

ЗАКУНОВ Юрий Александрович — кандидат философских наук.

СЕМИНСКАЯ Эльвира Саитовна — начальник отдела конгрессно-выставочных мероприятий МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ).

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. ЧАСТЬ 1.

Главные фундаментальные основы философии И.А. Ильина (*Homo sapiens* VS *Homo spiritus*)

Лисица Юрий Трофимович — докт. физ-мат. н., профессор
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного универ-
ситета, г. Москва

И.А. Ильин и Н.А. Бердяев: спор об обуздании зла

Катасонов Владимир Николаевич — докт. филос. н., доктор
богословия, профессор ОЦАД имени святых равноапостоль-
ных Кирилла и Мефодия

И. Ильин о творческом духе России

Фарах Сухейль — докт. филос. н., академик РАО, профес-
сор Ливанского государственного университета, президент
Открытого Международного университета «Диалог цивили-
заций»

Философия как духовная инициация в концепции И.А. Ильина

Даренский Виталий Юрьевич — докт. филос. н., доцент,
старший научный сотрудник НИЦ «История казачества»
МГУТУ им. К.Г. Разумовского

Апологетика И.А. Ильина

Полозова Ирина Владимировна — докт. филос. н., профессор
кафедры философии Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Место естественно-правовой концепции Ивана Ильина в истории российской философии права

Окара Андрей Николаевич — канд. юр. н., директор Центра
восточноевропейских исследований, г. Москва

«Уведи меня из политики, дай мне вернуться навсегда к философии...»: публицистика И.А. Ильина и его политическая работа в Германии

Вакулинская Александра Ивановна — канд. филос. н., научный сотрудник Института философии РАН

Триады в философском наследии И.А. Ильина

Закунов Юрий Александрович — канд. филос. н., ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

Философия сказки И.А. Ильина

Чернова Анастасия Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы МГУТУ им. К.Г. Разумовского

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. ЧАСТЬ 2.

Русский национализм И.А. Ильина: мифы и реальность

Кулешов Михаил Станиславович, независимый исследователь русской политической мысли

Мнимое право на предательство: И. Ильин — Л. Толстой

Кацапова Ирина Анатольевна — канд. филос. н., ст. научный сотрудник Института философии РАН

Философия Гегеля в прочтении И.А. Ильина

Авдеева Людмила Ростиславовна — канд. филос. н. научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Сопряжённые пути познания: Ильин и Гегель

Шарипов Алексей Михайлович — канд. ист. н. Союз писателей России, сопредседатель Международного Ильинского комитета, г. Москва

**Волевая природа власти в политической философии
И.А. Ильина**

Шашкин Павел Александрович — канд. филос. н., ст. науч. сотрудник Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, г. Москва

Концепция созидания в философии И.А. Ильина

Гладышева Елена Васильевна — канд. филос. н., доцент МИРЭА — Российский технологический университет, г. Москва

**Сценарий благоустройства России с помощью Запада:
критика Ильина и гностические корни идеи**

Ииценко Нина Сергеевна — канд. филос. н., доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «ЛГАУ имени К. Е. Ворошилова», г. Луганск

**Этико-эстетические ценности «Поющего сердца»
И. А. Ильина**

Сагач Галина Михайловна — докт. пед. наук., докт. теологии, докт. философии (Словацкая Республика), профессор кафедры педагогики и психологии «Херсонская Академия непрерывного образования»; Лелека Наталья Витальевна — доцент кафедры вокала и хоровых дисциплин ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет»

Облака: Ксенофан и Иван Ильин

Океанский Вячеслав Петрович — докт. филос. н., заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства Шуйского филиала Ивановского государственного университета (Шуя), Океанская Валентина Вячеславовна — студентка Института классического Востока и Античности НИУ ВШЭ (Москва)

**Патриотизм и общественность (на материалах текста
И.А. Ильина «Путь духовного обновления»)**

Тонковидова Анна Викторовна — ст. преп. кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар

Володихин Д.М.
Volodikhin D.M.

**И.А. ИЛЬИН И ТЕНДЕНЦИЯ К КОНСЕРВАТИВНОМУ
ПОВОРОТУ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУЧНЫХ
ДИСЦИПЛИНАХ (ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ)**

**I.A. ILYIN AND THE TREND TO A CONSERVATIVE
TURN IN THE HUMANITIES SCIENTIFIC
DISCIPLINES (PHILOSOPHY, HISTORY, PHILOLOGY)**

Творчество И.А. Ильина имеет значение помимо интеллектуальных и научных достоинств его трудов — как в академическом плане, так и в сфере общественных дискуссий. Иван Александрович — один из величайших русских философов XX века, может быть, вершина того айсберга, который вырос на основе генерализующих, тяготеющих ко всеобщему синтезу исследований в сфере гуманитарных наук на отечественной почве. Синтез И.А. Ильина имеет консервативную основу, притом глубинный фундамент ее, несомненно, составлен из блоков ортодоксальной христианской религиозности. Можно сказать, Ильин повсюду и везде в своих трудах продвигает идею великого возвращения к традиционным ценностям, прочерчивая пути движения гуманитарной мысли по ландшафтам исторически сложившегося православия.

Оттого-то академический разбор смыслов, которыми наполнены тексты Ильина, совершенно недостаточен. Необходимо сказать и нечто принципиально иное. А именно: И.А. Ильин — человек-знамя. В этом состоит громадная дополнительная ценность корпуса его сочинений и самой его жизни.

После многих десятилетий ярко выраженного засилья левой мысли, левых по происхождению и сути идей в русской философии, истории, в отечественных филологических исследованиях туда возвращается здоровый фундаментальный консерватизм. Иначе говоря, постепенный переход от бездумного строительства все новых и новых

конструкций на основе дурно понятого западного авангарда гуманитарной научной сферы к разумной «контрреформации». Внимание к источнику, к почве, к действительно существующим в обществе практикам неформального корпоративизма, противостоящего атомизации, к традиционным узлам, скрепляющим социум, к конфессиональной (если не сказать прямо, христианской) подложке классических образцов гуманитарной мысли — всё это составляет заявленный в заголовке консервативный поворот. Но пока во главе этого поворота не хватает по-настоящему крупных личностей, олицетворяющих его на протяжении хотя бы века.

И.А. Ильин давно ушел из жизни, но его творчество и есть тот самый флаг, который должен стоять на пиках консервативного края, ныне медленно возрастающего. Его известность, его признанность, популярность его трудов, высокий авторитет Ильина как личности дают силу нынешним исследователям и мыслителям гуманитарного направления, принявшим знак русского консерватизма, творить без оглядки на шаблоны левизны. Работы и судьба Ильина и есть то самое средоточие, которое жизненно необходимо русской консервативной мысли в гуманитарной сфере. Следует безоговорочно признать это.

Что же касается обвинений в «фашизме», которые летят в Ивана Александровича с разных сторон, то и это показатель его творческой силы, его духовной авторитетности. Развязные молодчики, питающиеся левыми убеждениями, хотели бы спилить великое дерево своими лобзиками. Ильин... это так неудобно! Ильин — великий, Ильин — консерватор, а само это соединение — творческого величия и консерватизма — разрушает монополию левизны в гуманитарной мысли. Иван Александрович никогда, ни единой секунды не был фашистом, неоспоримый факт. А вот попытки объявить его таковым — это всего лишь признак ярко выраженного у левых мыслителей стремления вытолкнуть великих консерваторов из пантеона славы на лоне русской интеллектуальной деятельности. Покойный Ильин заработал ушаты клеветы... за свой масштаб, за свой калибр.

Был бы мельче — его бы не трогали. Но Ильин — глыба, которую не сдвинешь вот так просто, отсюда и накал беспочвенных обвинений.

Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет) провел конференцию, посвященную И.А. Ильину, ставя перед собой задачу: обновить популярность трудов Ивана Александровича, заставить «старое золото» ярче сиять. Это не случайное и не спонтанное решение. Это позиция.

Консервативный переворот должен продолжаться. Ярчайшая его фигура — Иван Ильин, великий русский философ. И разобьются о скалы его трудов бешеные волны недобросовестной критики.

Сведения об авторе

Володихин Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, доцент, профессор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, проректор по научной работе Московского государственного университета технологий и управления (Первый казачий университет). E-mail: volodih@mail.ru

About the author

Volodikhin Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Faculty of History of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Vice-Rector for Research, Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГОСТИ КОНФЕРЕНЦИИ

Смолин М.Б.
Smolin M.B.

РУССКИЕ: МОНАРХИСТЫ ИЛИ РЕСПУБЛИКАНЦЫ ПО ИВАНУ ИЛЬИНУ?

RUSSIANS: MONARCHISTS OR REPUBLICANS ACCORDING TO IVAN ILYIN?

*У каждого народа своя форма государственности
и свои предпочтения в принципе власти.*

Народная душа и государственная форма

У большинства людей нет четких политических убеждений, и они руководствуются в политических вопросах больше не логикой, а интуицией и психологическими поведенческими установками, которые зачастую восходят к значительно более глубоким пластам национального типа, чем любые интеллектуальные выкладки. Давайте попробуем разобраться, какая форма власти, исходя из реалий нашей жизни, подходит для современной России. И кто мы такие, по своему психологическому восприятию власти — монархисты или республиканцы?

Прежде чем отправиться в это психолого-социологическое путешествие в наше бессознательное коллективное «я», надо указать на один миф, который часто связан в нашем сознании с монархией.

Большинству кажется, что главная разница между монархией и республикой — это временное или пожизненное нахождение у власти. На практике же это не является главным и даже существенным различием.

История знает и избираемых императоров, и чередующихся через определенный срок между собой монархов в одном государстве, и пожизненных генсеков (Сталин, Брежнев),

и президентов, которые правили десятилетиями, вплоть до своей смерти. Есть даже пример династий республиканских правителей (Алиевы в Азербайджане, Ли в Сингапуре, Буши в США, что-то подобное задумывается в Белоруссии).

Да, по идее, монарх правит бессрочно, он пожизненно государь. Но ведь в реальной жизни эта идея «пожизненности» имеет существенные «ограничения» в воле его врагов. Иностранные правительства могут организовывать заговоры, революционеры — осуществлять революции, а «тираноборцы» — устраивать царевубийства. Более существенные различия между монархией и республикой — не в сроках пребывания у власти, а в глубоких различиях самих монархических и республиканских мировоззренческих и психологических предпочтениях, которые в свою очередь соединяются или не соединяются с тем народным психологическим типом, формируемым у народов их национальной историей.

Об этом образно сумел сказать Иван Ильин: «У всякого народа своя особая «душа», и помимо нее его государственная форма непостижима. Потому так нелепо навязывать всем народам одну и ту же штампованную государственную форму».

Действительно, здесь значительно более важными являются, с одной стороны, историческая действительность, сложившаяся в той или иной стране, а с другой стороны — те религиозно-психологические особенности народного менталитета, которые сформировались в этих исторических реалиях. Именно эти народные взгляды первичны в вопросе выбора политического идеала властвования в том или ином государстве.

Олицетворение власти. Свойственно ли нам иметь во главе государства человека, а не систему учреждений?

Монархическому сознанию необходимо, свойственно, в отличие от республиканского, олицетворять власть и государство. Христианство, давшее миру Откровение о Личном Боге, значительно усилило необходимость олицетворения, персонализации государства и власти. Но поэтому

кризисные явления в европейском христианстве параллельно развили и кризис в монархической государственности. Как писал Иван Ильин: «Процесс олицетворения (персонификации) состоит в том, что нечто неличное (в данном случае — государственная власть), или сверхличное (родина-отечество), или многоличное (народ, объединенный в государство) переживается как личное существо».

Итак, монархическое сознание ищет для олицетворения нации и государства образы героев, подвижников из прошлого и хочет и в настоящем видеть реальных людей, которые во власти персонифицировали бы собою власть и народ.

Для республиканского сознания личность в истории и личность во власти всегда находятся под подозрением. Республиканец доверяет значительно более учреждениям, коллективу и старается личность во власти обставить законодательными ограничениями так, чтобы свободы ее проявления было как можно меньше. Чтобы сама личность была максимально растворена в бюрократическом учреждении, и её предпочтения не играли бы никакой роли.

Здесь, как кажется, мы значительно более монархисты, чем республиканцы. Наше доверие к личности и желание видеть перед собою человека во власти, а не бездушную бюрократическую машину, безликое учреждение достаточно явственно.

Особая связь с Небом. Свойственно ли нам думать об особом предназначении власти?

Чувствуем ли мы сегодня священность власти и особость личности Правителя?

Для монархического восприятия власти свойственен особый, религиозный взгляд на власть в государстве.

Республиканец прагматически сух и рассудочно бесчувственен к власти и уж тем более к личности во власти. Смотреть на власть как на начало священное, а на личность во власти — как на «помазанника», предназначенного свыше, человека особого совершенно не характерно для республиканского сознания.

Христианская традиция сообщения особой благодати для управления государством в акте священного миропомазания, идущая ещё из Ветхого Завета, глубоко религиозно соединена с монархическим отношением к власти. Идея власти Божией Милостью, царское величие, «сердце Царево в руце Божией» — все это характерное монархическое осмысление власти.

Понятно, что этот пункт связан напрямую с религиозностью нашего общества.

Здесь уместно вспомнить опрос ВЦИОМа «О каком начальнике мы мечтаем?» 2010 года. В нем на вопрос о религиозности начальника только 8% твердо высказали свое желание иметь своим начальником нерелигиозного и неверующего человека. Тогда как 30% так же твердо заявили, что хотели бы иметь религиозного, верующего человека своим начальником. Остальные высказались неопределенно.

Я бы трактовал эти цифры следующим образом. Люди, желающие видеть своим начальником неверующего человека, — это в политическом плане люди республиканского сознания, а желающие иметь верующего начальника, — склонные к монархическому менталитету.

Конечно, с проведения опроса прошло уже достаточно много времени, но, думаю, цифры если и меняются, то, скорее всего, вторая растет, а уменьшается цифра не определившихся в этом вопросе.

Интересно, что в нашей стране и Пасху считают наиболее важным праздником от 31 до 35% опрошиваемых (ВЦИОМ: «Пасха — третий по значению среди российских праздников»). А для 9-12% — это не праздник. Праздники, занимающие места выше, — это 9 мая и Новый год.

Так что взгляд на начальство земное и на начальство Небесное (и Его Праздники) вполне сходятся по процентам.

**Воспринимаем мы власть рассудочно или чувственно?
Патриархальное доверие или принципиальное недоверие**

Подходим мы в наших решениях по вопросам, имеющим отношение к нашей власти, интуитивно-чувственно или рационально-рассудочно?

Для монархического восприятия власти характерен подход в стиле «сердцем чую», часто носящий иррациональное, не поддающееся разуму, сверхразумное восприятие. Власть для монархиста — сложная земная институция, земное подобие Божьего Небесного Величия, испытывающее особое влияние свыше, связанное с предками. Для республиканца все это слишком сложно, власть для него — система земных учреждений, дело рук человеческих, как правило, сомнительных, а часто и обвиняемых во всевозможных преступлениях республиканской логикой.

Для монархического чувства власть глубоко связана с патриархальностью, семейственностью и даже патриониальностью, то есть, когда власть является «хозяином», «собственником» государства. Государство осмысливается как семья, в которой властитель является «отцом нации». И эти понятия, в свою очередь, переносятся и в семейные отношения. «Пока люди будут жить семьями, — утверждал Иван Ильин, — и притом единобрачными (моногамия!) и особенно едино-отеческими (моноандрия!), до тех пор в человеческой душе будут вновь и вновь оживать от самой природы вложенные в нее монархические тяготения».

Для большинства современных граждан России семейные ценности остаются органическими, примерно 78% из них считают обязательным вступление в брак, причем официально оформленный (ВЦИОМ: «Не хочу учиться, хочу жениться, или о возрасте вступления в брак»).

Эта цифра разделяющих семейные ценности неплохо параллелится с цифрами, набранными Путиным (почти 77%), которого некоторые небезосновательно называют «отцом нации», «хозяином» государства. Люди семейные голосуют за патриархальное доверие власти, остальные же высказывают типично республиканское принципиальное недоверие.

Идея ранга или идея равенства? Люди разнокачественны или равноценны

В этом пункте мы, пожалуй, сталкиваемся с самыми сложными, требующими определенной осмысленной убежденности понятиями. Здесь мы как общество более всего потеряли со времен Монархии.

Дело в том, что большевики, кроме национального геноцида, провели в нашем обществе ещё и классовый стратцид, то есть сознательно уничтожали верхние слои (страты) русского общества. Стремление к декларируемому на словах равенству в коммунистической практике привело к кровавой зачистке всей русской элиты, сформированной многовековым историческим отбором, на основе службы Государю, Родине и нации.

Эта идея службы, идея отбора лучших для этой службы и называется Иваном Ильиным идеей ранга. «Ранг есть прежде всего вопрос качества, — пишет И.А. Ильин, — и притом подлинного качества; признание ранга есть потребность искать и находить качественное преимущество, придавать ему полное значение, уступать ему жизненную дорогу и осуществлять это не только в повседневной, но и в государственной жизни».

Республиканское сознание, особенно радикально левые его направления, культивируют идею равенства как идею равноценности всех людей, то есть их одинаковость.

Это примерно такая же странная позиция, как утверждать, что справедливость сводится только к тому, чтобы у каждого в кармане было одинаковое количество рублей.

Люди по своей природе не рождаются равноценными по своим талантам, не бывают одинаковыми по своим духовным и волевым качествам. При этом человек ко всему прочему ещё и не имеет возможности выбирать ни страну, ни социальную группу, ни семью, ни религиозно-культурный мир, в котором он появляется на свет. Всё органическое бесконечное разнообразие его внутреннего мира (его задатков) и не менее сложное многообразие внешнего мира, в который он попадает не по своей воле, — все это никак

не может создавать инкубаторские, искусственные состояния равенства и равноценности.

И это не значит, что такое положение дел в монархии создает закрытые «касты» с отсутствием социальных лифтов, без какого бы то ни было «доступа» к высшим слоям общества. В основном это является лишь республиканской пропагандой. История говорит об обратном. Монархи, наиболее развитые и склонные к активной созидательной деятельности, организуют наилучшие системы выявления наиболее одаренных, талантливых людей и приобщают к государственной деятельности, возводя их из низших слоев общества в высшие государственные ранги.

Как утверждал Иван Ильин: «Уже Апостол Павел предупреждал верующих против эгалитаризма: «Звезда от звезды разнится в славе» (1 Кор 15:39—44): именно «равенство» людей перед лицом Божиим обнаруживает их неравенство в деле подлинного христианского качества. Возможно, что влияние христианства укрепило бы эгалитарное тяготение массы, если бы Апостолы и отцы Церкви не выдвинули новое учение о новом неравенстве и не установили необходимости земного ранга, а также учения о нарочитой призывности и помазанности царей».

Монархическое восприятие склонно культивировать идею ранга, иерархии, предметно обосновывая привилегии в зависимости от тех обязанностей, которые следуют из положения того или иного человека в обществе, увязывая его права с теми обязанностями, которыми он «повинен» Государю и стране.

«Справедливо, — говорит Иван Ильин, — чтобы люди, совершившие однородные преступления, одинаково привлекались к суду, чтобы люди с одинаковым доходом платили одинаковый подоходный налог. И в то же время справедливо, чтобы беременные женщины имели известные привилегии; чтобы преступники и душевнобольные были лишены права голоса; чтобы государственные должности давались талантливым, умным и честным людям и т. д. **Привилегии должны быть предметно обоснованы**».

В этом пункте о ранге и о людской разнокачественности надо констатировать, что именно его туманность для большинства наших граждан и порождает большинство наших социальных болезней. Болезней, которые рождаются в республиках легче, чем в монархиях именно из-за формально демократического взгляда на формирование властных слоев. При демократии в политическом и финансовом высших классах немислимо культивирование христианской честности, служебной чести, внимания к качеству, рангу, отбору лучших. При безрелигиозности республиканского мировосприятия эти понятия не имеют признанной метафизической укорененности в демократических обществах. Нет веры — нет и культивирования требуемых ею качеств человека.

Доверяем мы власти или считаем такое доверие опасным? Любовь или недоверие

В этом пункте «царистская» сущность граждан России выглядит наиболее выпукло.

Для республиканского менталитета «доверие к главе государства», доверие к власти, властным институтам является не только неуместной, противоестественной, но даже и опасной вещью. Республиканец принципиально с подозрением относится к власти и обставляет её всевозможными законодательными и учрежденческими противовесами. Все эти идеи «разделения властей», всевозможные «политические противовесы» — все это находится в арсенале республиканского недоверия к власти.

Недаром идеально республиканским государством считается Швейцария — федерация, которая продолжает называться конфедерацией, где нет де-юре ни столицы государства, ни самого главы государства. А управление осуществляет Федеральный Совет из семи советников, двое из которых поочередно исполняют обязанности президента и вице-президента Швейцарской конфедерации. При этом «президент» является лишь «первым среди равных» из этих семи советников и имеет лишь представительские функции.

В этой «идеально» республиканской системе ставить вопрос о доверии к власти просто бессмысленно, так как ее как бы нет. Ее даже не с кем персонифицировать, там одни учреждения, советы, законы, гарантии, ограничения, договоры. Люди во власти находятся лишь формально, поскольку без людей вовсе обходиться ещё не научились.

Республиканское сознание само повиновение власти считает «унизительным» и хочет максимально его микшировать, свести на нет.

Республика строится на принципиальном недоверии к власти.

Есть ли что-либо похожее в нашем русском менталитете? Мне кажется, что русская история не смогла бы длиться на протяжении вот уже второго тысячелетия на евразийском пространстве, если бы не колоссальное доверие русских людей к своим Государям. Та русская готовность к самопожертвованию, которая многократно засвидетельствована в русской истории, и национальный талант «подчинения» или, по-другому говоря, «дисциплины» просто не могли бы сформироваться в русском народе, если бы в нем не было глубокого доверия к своим державным вождям.

По сути, Монархия, и в особенности Русская Монархия, всегда держалась любовью подданных к Своему Государю.

«Иметь Государя, — как писал Иван Ильин, — возможно любовью, сердцем, чувством. Кто любит своего Государя, тот имеет его действительно, по-настоящему; и тем строит свое государство... **Монархическая верность есть такое состояние души и такой образ действия, при котором человек соединяет свою волю с волею своего Государя, его достоинство — со своим достоинством, его судьбу — со своей судьбою.** Верность монархиста есть прямое последствие его доверия к монарху и прямое проявление его любви к Государю».

В современной России деятельность института президента поддерживают 83—84% населения (ВЦИОМ: «Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных

институтов, рейтинги партий»). Большого доверия к власти сложно представить.

Мы центростремительны или центробежны в своих политических устремлениях?

Наше современное неприятие разделения Большой России в 1991 году, идеи Русского мира, идеи собирания русских земель характеризуют большинство наших граждан как людей с центростремительной государственной ориентацией.

По опросу ВЦИОМа, 63% респондентов считают, что «Русский мир» существует, а 66% считают, что в «Русский мир» входят все территории, на которых живут русские, в том числе и за границами России (ВЦИОМ: ««Русский мир» и как его понимать?» 2014 год). Вне России большинство опрошенных назвало следующие территории, входящие в понятие «Русский мир»: Донбасс, Приднестровье, русские общины в Германии, Великобритании, Франции, США, Израиле. Отдельно были названы территории Северного Казахстана, Абхазии и Южной Осетии.

Центростремительность монархизма в данном случае характеризуется лояльностью и ответственностью перед главою государства, в умении ценить дисциплину и субординацию.

Республиканцы готовы, как показала русская история, рисковать самим государством ради достижения своих партийных целей. И в 1917-м, и в 1991-м они ради власти раскалывали наше государство. Республиканское стремление вмешиваться в государственные дела, часто гипертрофированное ложное самоощущение важности своих инициатив нередко приводили в нашей истории к безответственным республиканским решениям, подрывавшим основы государственности.

Государство-корпорация или государство-учреждение?

Как писал Иван Ильин: «Государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты учреждения с чертами корпорации: оно строится и сверху, и снизу,

и по принципу властной опеки, и по принципу выборного самоуправления. Ибо есть такие государственные дела, в которых необходимо властное распоряжение; и есть такие дела, в которых уместно и полезно самоуправление».

Монархическая идея культивирует в истории «государство-учреждение», строившееся через законы и указы Верховной власти. Для республиканского сознания характерна идея «государства-корпорации», формирующего свою жизненную парадигму через договоры и голосования. Излишняя свобода в республиканском государстве сразу же порождает коррупцию, анархию и произвол.

Сама история создала предпосылки для определения органичного сочетания идей учреждения и корпорации при строительстве русского государства.

Громадные размеры территории, малая плотность населения, заглавные мировые роли на международной арене, разнородный национальный состав страны — всё это предпосылки для совершенствования государственности в форме учреждения, администрирования.

И для всего этого сложнейшего историко-культурного и административно-территориального организма под названием Российская Федерация логично было бы культивировать монархическое правосознание. Правосознание, которое, как показано в этой статье, и в демократических одеждах носит глубокие психологические монархические установки.

Сведения об авторе:

Михаил Борисович Смолин - профессор МГИК, доцент МГУ, кандидат исторических наук.

About the author:

Mikhail Borisovich Smolin - professor at the Moscow State Institute of Cinematography, associate professor at Moscow State University, candidate of historical sciences.

Смолин М.Б.
Smolin M.B.

ПОЧЕМУ НЕВОЗМОЖНО ПОДДЕРЖАТЬ ДУГИНА?

WHY IS IT IMPOSSIBLE TO SUPPORT DUGIN?

Если хоть на секунду серьёзно отнестись к развернувшейся полемике вокруг Ивана Ильина, то необходимо было бы констатировать, что и левые, и те, кто им отвечал, не избежали политического клейма — «фашисты». У нас почти все споры начинаются и заканчиваются этой глупейшей «констатацией». Любой оппонент объявляется «фашистом», лишь на том основании, что просто не согласен с предъявленным обвинением. Таким образом, в российских спорах довольно быстро все оказываются «фашистами», предателями, врагами и в конечном итоге людьми достойными политической или даже физической смерти.

Имя Ивана Ильина стало заложником, с одной стороны, ненависти левых ко всему русскому, а с другой — административного решения пристегнуть к его славе недавно ставшего любезным власти Дугина. Обвинения Ивана Ильина в фашизме, конечно же, столь же абсурдны, как и появление рядом с ним человека, радикально не разделяющего его мировоззрение.

Ситуация крайне невыгодная прежде всего для самого Ивана Ильина, который не был фашистом, точно так же как не был евразийцем, национал-большевиком, софиологом, эзотериком или ценителем сектантской метафизики.

Иван Ильин давно умер и не может протестовать против происходящей несправедливости. Но живущие вполне могли бы легко сами разрешить создавшуюся несообразность.

Самым благородным выходом из создавшегося положения, могущим вызвать искреннее уважение был бы добровольный отказ Дугина от такого несуразного назначения. Странно встать под знамена того имени, которое тебе глубоко антипатично и идеалы которого ты не исповедуешь в своей жизни. Но, видимо, академическое положение — та

мечта, ради которой Дугин готов смириться со своим новым абсурдным положением.

В этом смысле поддержать Дугина как главу Высшей политической школы имени Ивана Ильина так же невозможно, как было бы невозможно согласиться с назначением Проханова главой Богословской комиссии РПЦ, Прилепина председателем Литературной премии имени Достоевского или, скажем, Гоблина во главе Общества ревнителей памяти Белой армии имени генерала Дроздовского. Хотя системный абсурдизм нашего времени, надо признать, вполне может явить к жизни даже и вышеперечисленные извращения.

Далее я приведу несколько цитат из дугинских томов «Русского Логоса», посвящённых России, чтобы не показаться голословным. И предлагаю самим читателям попробовать оценить эти тексты в сравнении с христианским мировоззрением Ивана Ильина.

О Православии и Русской Православной Церкви:

В Русской Православной Церкви с XVIII столетия «грань между ортодоксией и ересью была размыта, поскольку само синодальное православие не было и отдаленно ортодоксией... носителями непрерывной традиции остались лишь старообрядцы»¹.

По Дугину произошёл «разрыв с христианской и — ещё более глубоко (?) — с индоевропейской составляющей»².

«Официальная Церковь, — утверждает ноомах, — была уже даже не никонианской и новообрядческой, но синодальной, основу учения которой составляла смесь латинских и протестантских представлений»³, при чём «между извращённым христианством Синода и стихией скопческой ереси возникало некоторое ноологическое пересечение»⁴. То есть некая похожесть.

---

¹ Дугин. Русский Логос. Т. II. С. 550.

² РЛ II. С. 552.

³ РЛ II. С. 550.

⁴ РЛ II. С. 551.

О Святителе Филарете (Дроздове). По Дугину «он был представителем типичного археомодерна в сфере религии»⁵. «В таком православии не было места ни старчеству, ни глубинной созерцательной метафизике»⁶.

Учение о Софии для Дугина стало «высшим достижением русской мысли»⁷ и является тайным именем «русской идентичности»⁸. София для него «представляет собой прыжок за пределы Божества. Этот прыжок и становится первым тактом создания космоса как софиологической драмы... Отражающую и опровергающую одновременно вечность Бога»⁹. Какое это имеет отношение к христианской мысли оставляю судить самим читателям...

О Российской Империи и её Императорах:

Описание Российской Империи подводится под вполне себе марксистское «верхи неспособны, низы недовольны». «Утратившая все основные признаки священной православной Империи» Россия внедряла «все более и более развитые технически, все более оптимизированные и рационализированные стратегии нещадной эксплуатации народа»¹⁰.

По Дугину, «монарх» олицетворял «Капитал», а дворяне выполняли «функции буржуазии как армии Капитала»¹¹.

Так, Император Александр II «миссию, непосредственно касающуюся самой сути русского Логоса... безнадежно провалил»¹². Мало того, и его убийство есть лишь результат его «ошибок»: «сама гибель царя-освободителя от рук народников, которые всю свою программу и идеологию строили как раз на освобождении крестьян, стала возможной

---

⁵ РЛ II. С. 596.

⁶ РЛ II. С. 596.

⁷ РЛ III. С. 614.

⁸ РЛ III. С. 615.

⁹ РЛ II. С. 704–705.

¹⁰ РЛ II. С. 539.

¹¹ РЛ II. С. 540.

¹² РЛ II. С. 617.

лишь в результате фатальных ошибок в проведении этой реформы»¹³.

Константин Победоносцев ничего не понимал и содействовал революции, так как занял «жесткую позицию в отношении старообрядцев и русских сектантов»¹⁴. По всей видимости ему, как обер-прокурору, надо было награждать медалями сектантов.

Императору Александру III досталось от нашего ноомаха, по геополитической части. Он не разбирался в соотношениях Суши и Моря, и связался с Францией, «что и стало причиной конца Российской Империи»¹⁵. Интересно, что Сталину союз с атлантистскими странами США и Великобританией Дугиным не ставится в вину.

Но наибольшей критике подвергся Император Николай II. Ноомах возвёл на него многословные уничтожающие обвинения. Император, по Дугину, только и отметился в жизни Империи, как совершением ошибок: «отказался от идеологического усилия по спасению государства, Церкви и народа и тем самым предопределил их конец»¹⁶; «был не той фигурой, которая требовалась русской истории»¹⁷; «протест слышал, но не понимал ни его значения, ни его симптоматики, ни его символизма»¹⁸; не стал «полноценным диктатором»¹⁹; при нём была «провальная и бездарная внутренняя политика... в сочетании с ещё более провальной геополитикой, венцом чего стало присоединение России к Антанте и вступление в войну с Германией и Австро-Венгрией»²⁰; «как правитель и царь он был одним из худших в русской истории, выказывая там, где надо было проявить покорность тонким силам Провидения, и наоборот, полагаясь на Божию волю там,

---

¹³ РЛ II. С. 622.

¹⁴ РЛ II. С. 628.

¹⁵ РЛ II. С. 631.

¹⁶ РЛ II. С. 671.

¹⁷ РЛ II. С. 671.

¹⁸ РЛ II. С. 673.

¹⁹ РЛ II. С. 674.

²⁰ РЛ II. С. 677.

где надо было действовать решительно и самостоятельно»²¹; «фактически именно Николай II совершил и геополитическое, и идеологическое самоубийство»²²; «Николаю II была доверена миссия катехона, с которой он не справился»²³; «ничего не сделал для русского Логоса»²⁴; «оказался совершенно не подходящей личностью»²⁵.

Сам Дугин предлагает нам вернуться к Серебряному веку и софиологии, чтобы вступить в некий воображаемый Бронзовый век, важнейшей сердцевинной которого станет «Царство Земли», очень похожее на разновидность то ли социализма, то ли хилиазма, то ли их какого-то мыслимого только самим Дугиным сочетания.

В отличие от стройных и логичных сочинений Ивана Ильина, многостраничные тексты Дугина являются не столько войной разума, сколько всё той же игрой в традицию. В которой к своей синкретической игровой идеологии, включающей геновский традиционализм, консервативную революцию, национал-большевизм и неоевразийство, Дугин теперь добавил ещё и софианство.

В этой истории искренне жалко одного Ивана Ильина. Остальные занимаются мировоззренческим блудом и потаканием Смуте.

Сведения об авторе:

Михаил Борисович Смолин — профессор МГИК, доцент МГУ, кандидат исторических наук.

About the author:

Mikhail Borisovich Smolin — professor at the Moscow State Institute of Cinematography, associate professor at Moscow State University, candidate of historical sciences.

---

²¹ РЛ II. С. 677.

²² РЛ II. С. 679.

²³ РЛ II. С. 679.

²⁴ РЛ II. С. 681.

²⁵ РЛ II. С. 682.

Холмогоров Е.С.
Kholmogorov E.S.

УРОКИ ИВАНА ИЛЬИНА

LESSONS OF IVAN ILYIN

«Кто любит Россию, тот должен желать для неё свободы; прежде всего свободы для самой России, её международной независимости и самостоятельности; свободы для России — как единства русской и всех других национальных культур; и, наконец, — свободы для русских людей, свободы для всех нас; свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности» - эти слова Ивана Ильина прозвучали в послании Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г. В этой формуле — краткая формулировка национальных целей и задач России.

Иван Александрович Ильин был, несомненно, одним из крупнейших русских философов первой половины XX века. Его место в русской философии первоначальное было определено его масштабным трудом под названием «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Это, в принципе, лучшая интерпретация «Философии Гегеля» за всю историю изучения этого выдающегося немецкого мыслителя. Это огромный труд, который читается, безусловно, немного непросто, как и многие другие философские труды, но он не оставляет никакого сомнения в том, что Ильин действительно крупная величина в русской философии.

За периодом изучения Гегеля последовал новый период самостоятельного, самобытного творчества Ильина, который приходится на период эмиграции. В эту эмиграцию его насильственно выслала советская власть. Ильин был арестован ЧК в 1921 году, однако по каким-то причинам его не расстреляли. Возможно, советская власть к этому моменту уже боялась каких-то скандалов в Европе, с которой пыталась наладить отношения. Существует легенда, что выпустить

Ильина и выслать его из страны вместо того, чтобы расстрелять за его белогвардейские взгляды распорядился лично Ленин, которому нравилась работа Ильина о Гегеле, но, по моему, это переоценка степени интеллектуальности Ленина.

Иван Александрович в 1921 году на так называемых «философских пароходах» оказался на территории Западной Европы. Он осел в Германии, где превратился, во-первых, в практического философа, который изучает актуальные проблемы общественной жизни, во-вторых, в политическое, идейного, национального идеолога, который был связан с выдающимся лидером русской белой эмиграции бароном Врангелем.

Наиболее значимый вклад Ильина в русскую и мировую философию — это его работа «О сопротивлении злу силой». Это опровержение построений Льва Толстого о необходимости непротивления злу силой и так далее, очень популярного в России в начале XX века непротивленческого так называемого направления.

Здесь нужно понимать контекст, касающийся взглядов Толстого. В связи с чем появилась эта теория? Она появилась в связи с террором народовольцев против русских государственных деятелей в конце XIX века. В результате этого террора был убит, например, царь-освободитель Александр II, после чего группа цареубийц была казнена. Именно в этом контексте граф Толстой начал распространять идею, что насилию не надо противиться насилием. Фактически это звучало так, что «пожалейте и отпустите». Всегда одностороннее непротивленчество, обращенное к русскому государству, начинало усиленно звучать в те моменты, когда его атаковали революционные террористы. И закончилось это, как известно, победой революционных террористов.

Ильин, взяв за основу опыт белого движения, в сопротивлении тому, что белые, безусловно и однозначно считали злом, разрушением единой и неделимой России, то есть большевизмом, провел теоретическую работу, можно ли сопротивляться злу силой. И показал очень наглядно, что можно и нужно, потому что если силой злу не сопротивляться,

то оно расплзется и захватит все вокруг себя, и тот, кто не сопротивляется станет соучастником этого зла. Причем Ильин четко проговаривает, что есть насилие — абсолютно искусственное, злокозненное, злодейское навязывание другим людям своей воли. А есть принуждение — навязывание людям определенных этических правил общества извне, если они не хотят действовать изнутри. То есть там, где не действует самопринуждение человека, там должно действовать внешнее принуждение.

А если самопринуждение человека не действует в том смысле, что он начинает причинять зло, насилие, боль, мучить других людей, то в этом случае принуждение к нравственному поведению может доходить и до того, что такого злодея придется нейтрализовать полностью, то есть убить. Потому что это та цена, которую общество должно заплатить за добродетель остальных.

«Государство призвано сопротивляться злу силой. Его призвание не в том, чтобы проповедовать добро и вызывать в человеческих душах умиление, — это призвание семьи и церкви, — но в том, чтобы пресекать противозаконные и злые дела всюду, где это необходимо. К этому деятельность государства не сводится; но это пресечение несомненно входит в его обязанности. Отказаться от этого значило бы предать слабых на угнетение или на растерзание сильным; или же предать свой народ на порабощение и эксплуатацию иностранцам. Человек имеет право прощать свои обиды, но не чужие страдания. Он имеет право жертвовать собою и своим имуществом, но не своими братьями и не своей родиной» - такова основа ильинской философии государства, выраженная в работе «Основы борьбы за национальную Россию».

Почему некоммунисты называют Ильина «фашистом»? Коммунисты называют «фашизмом» любую попытку, любое намерение сопротивляться коммунистам силой. Коммунистам сопротивлялись многие. Это нормально и естественно для человека сопротивляться коммунистическому перевороту. Несомненно, среди сопротивлявшихся коммунистам

было и немалое число фашистов (тех, кто сам называл себя так). Иногда они сопротивлялись, доходя до крайне жестоких и даже гнусных средств. Но коммунисты именно каждого сопротивляющегося им считают «фашистом». Абсолютно любого. Берешь оружие чтобы остановить коммунистов - значит фашист.

И в этом смысле Ильин с его концепцией сопротивления злу силой - очевиднейший для них «фашист», один из ведущих теоретиков фашизма. Ведь он всегда говорил о том, что коммунизму как злу надо сопротивляться силой. При таком понимании коммунистами природы фашизма никакого способа доказать им, что Ильин - не фашист попросту не существует. Коммунисты, конечно, никогда не признают, что они, как и гитлеровцы, были для Ильина двумя формами радикального зла.

Да, радикального злодея придется устранить насилем. Радикальные и злодейские политические формы тоже надо устранять насилем, с чем Ильин был полностью согласен, например, в ходе Второй мировой войны, когда считал, что германский нацизм должен быть безоговорочно уничтожен всеми государствами, которые с ним сражаются.

Ильин активно действовал в русской эмиграции, провозглашал идеи русского национализма.

Приведу цитату Ильина: «Национальное чувство есть любовь к историческому облику и к творческому акту своего народа. Национализм есть вера в его духовную и инстинктивную силу, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к творческому расцвету моего народа в земных делах и в небесных свершениях. Национализм есть в созерцании своего народа перед лицом Божиим. Созерцание его истории, его души, его талантов, его недостатков, его духовной проблематики, его опасностей, его соблазнов и его достижений. В национализме есть система поступков, вытекающих из-за этой любви и веры, из-за этой воли и этого созерцания. Вот почему истинный национализм можно описать как духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ — к духовному расцвету».

Когда утверждают, что якобы Ильин поддерживал каким-то образом немецких национал-социалистов, имеется в виду по большей части одна его единственная статья, написанная в первой половине 1933 года, когда национал-социалистическое правительство только абсолютно законно, на парламентских основаниях пришло в Германии к власти. Ильин тогда написал статью «Национал-социализм. Новый дух», посвященную тому, что в Германии пришли к власти настоящие патриоты и консерваторы Германии. Так думало в этот момент подавляющее большинство самих немцев, которые искренне считали, что, конечно, Гитлер в оппозиции говорил много разного, но сейчас он придет к власти, образумится и будет нормальным, консервативным, национальным государственным руководителем.

Мода на Гитлера в Европе существовала до самого начала Второй мировой войны. Огромное количество консервативно настроенных людей в самых разных странах говорили, что в Германии развивается экономика, решены проблемы безработицы, немцы восстанавливают по-настоящему свою политику великодержавия. Почти никто не думал, что все это закончится большой агрессивной войной, где будут взяты Варшава, Прага, Париж, будут бомбить Лондон, рваться к Москве. Впрочем, некоторые на Западе считали, что Гитлер будет рваться именно к Москве, а Запад от этого никак не пострадает.

«Государство не есть система внешних явлений, поступков и событий. За каждым явлением скрыт дух, который все определяет. Вильгельм Молчаливый, ведущий свои полки за свободу Нидерландов — герой, а Квислинг, ведущий свои полки на предательство Норвегии — злодей. Александр Второй, объявляющий войну за балканских славян — совершает великое дело, а Гитлер, порабощающий свой народ, чтобы поработить своими рабами другие соседние народы — творит преступление в истории человечества.

Государство есть явление целевое. Цель приемлется волею, а воля определяется любовью и духом. Явления могут быть с виду похожи, а на самом деле одно будет радостным

событием истории, а другое скверным злодейством. Важно вот что: Что любил? Чего добивался? Чего хотел? Куда ведешь? Любишь свой народ, бережешь его, растишь его культуру и веру — или тиранствуя, мучаешь его, злоупотребляешь им, ведешь его на мучительное оскудение и в прорву духовной пошлости? Это не только не безразлично, в этом все. Каждый новый успех тирана может терзать сердце патриота. Прекрасно, когда народ отражает и поражает векового врага; ужасно, когда его победа изливается на мельничное колесо планетарного злодейства. Нужно ослепнуть, чтобы этого не понимать.

И еще: бывают такие видимые «успехи», которые не только не нужны преуспевающему, но опасны и может быть гибельно для него. Захваты Гитлера в Европе в 1937—1939 году только казались успехами, на самом же деле были для его страны опасны, а для него самого гибельны. Наполеон, вторгаясь в Россию, начинал свою погибель; возвращаясь с острова Эльбы — доканывал себя. Судьбы мира в руке Божией; нам долго многое остается недоступным. Но возможно и предвидение. Так я с самого начала гитлеризма в Германии предвидел, что будет мировая война, нападение на Россию и потеря войны для Германии. В те страшные дни, когда германцам удалось ворваться во Францию и весь честный мир трепетал за Францию и ее судьбу, я предсказывал моим швейцарским друзьям, что Германия будет побеждена и разбита. Ныне это стало фактом. Латинская пословица говорит: *quos vult perdere dementat*. И вот Германии было предназначено впасть в преступное безумие и злодейство — и пасть. Такая судьба не есть ее исключительное достояние в истории.

Я никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать национал-социалистам... Они — враги России, презиравшие русских людей последним презрением; они разыгрывали коммунизм, как свою пропагандную карту. Коммунизм в России был для них только предлог, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания. Германский империализм прикрывался антикоммунизмом. История знает другие случаи, когда революционная экспансия прикрывалась империализмом.

Боже мой! Чему тут можно сочувствовать? Как можно подобное одобрять или участвовать?» - так осмыслял Ильин феномен гитлеризма в письме Шмелеву от 2 июля 1945 г.

Иван Ильин был в числе тех людей, которые с самого начала говорили, что вся эта гитлеровская авантюра закончится плохо. Он в начале года написал первую часть позитивной статьи о национал-социализме, а второй части за ней никогда не последовало. Потому что буквально в течение нескольких недель Ильин разобрался с подлинным лицом гитлеровщины и стал ее непримиримым врагом. Уехать русскому эмигранту, хорошо укорененному в Германию, было непросто.

«Туземцы той страны, где я постоянно живу, поступили так со мною. За то, что я

а) нисколько не сочувствую ни разговорам, ни планам об отделении Украины;

б) категорически отказался насаждать антисемитизм в русской эмиграции;

с) абсолютно никакого сочувствия не обнаружил и не обнаружу к насаждению их партии среди русских эмигрантов» - писал Ильин Ивану Шмелеву в октябре 1934 г.

История Ильина в 1933-1938 годах — это история его непрерывных преследований германскими властями. На него писались доносы, его арестовывало Гестапо, его вызывали на допросы, его вызывали к Розенбергу, который требовал от него, чтобы Ильин признал, что Украина — это независимое государство и должно быть освобождено от власти России, на что Ильин сказал ему: «Украина не в моей власти, но на ее отделение от России я никогда не соглашусь». «Ну тогда вы не сможете работать в Германии», — сказали ему в ведомстве Розенберга. Ивану Александровичу в 1938 году пришлось со страшными приключениями перебираться в Швейцарию.

Для Ильина абсолютно неприемлема готовность части эмиграции согласиться на расчленение России «в оплату» за «услуги по освобождению от коммунизма». В 1941,

незадолго до начала Великой Отечественной войны, он пишет текст «К расчленителям России»:

«Говоря о России, я имею в виду не отвлеченное представление о мощном государстве, не совокупность территорий, не идею русского империализма, а живой народ, уходящий своими корнями в тысячелетнее прошлое и тянущийся своими растущими ветвями в тысячелетнее будущее. С этим народом я сросся в одно; его дух — в моей душе, его кровь — в моих жилах, его слова — в моей речи. Я возник из его недр. Его горе — мое горе; его крушение — мое крушение; его ликование — мой праздник; его гибель — моя смерть заживо. И вот этот народ есть единство, живое священное единство. И расчленять его — нельзя. А если он будет расчленен, то он будет стремиться к воссоединению. И тот, кто его расчленил, вступит с ним в вековую, непримиримую борьбу».

Вскоре после этого началась Вторая мировая война, и в этой войне Ильин занимает вполне определенную, однозначную позицию. Это позиция антигитлеровская, прорусская, пророссийская, но и в каком-то смысле просоветская.

В сентябре 1941 он пишет тезисы о войне и о неизбежности поражения Германии.

«1. У России может быть много неприятелей в мире, но враг у нее один. Это есть единственный враг, который хотел бы и мог бы завоевать ее, расчленил и поработить».

2. Тягостно и опасно, что борьбу с этим врагом Россия должна вести, находясь в состоянии коммунистического тифа, не преодолев его и не оправившись от него. Однако сильный реактив войны может и должен помочь в этом преодолении.

3. Все разговоры о том, что эта война по намерениям вторгающихся имеет смысл «крестового похода» против коммунизма, суть разговоры лживые или глупые — лживые у пропагандирующих, глупые у доверяющих. Война эта ведется не с коммунистами ради их «идейного свержения», а с Россией. Коммунистам для того и помогали захватить власть, для того и поддерживали 24 года, чтобы вывести

Россию из классического фронта 1914-1917 годов, ослабить ее и подготовить к завоеванию. Таков же был смысл пакта о ненападении в 1939 году. Таково же было и предложение неожиданного парашютиста в Глазго: не желаете ли заключить мир за счет пространства на востоке.

4. Что Россия для выздоровления от коммунистического тифа нуждается в военном потрясении, ясно уже давно. Это военное потрясение началось при сравнительно благоприятных условиях.

а). Оно могло бы начаться не в контексте мировой войны, а один на один. Или — при условии нападения еще и с Дальнего Востока. Было бы несравненно хуже.

б). Оно могло бы начаться на условиях гнилой сдачи — уступки Украины и Кавказа, вовлечения красной армии в войну с Индией. Было бы бесконечно хуже и позорнее.

с). Оно могло бы начаться без польских, балтийских и финских подступов, приобретенных за последние полтора года. Было бы хуже.

д). Оно могло бы начаться без финского урока. Было бы хуже».

В швейцарской прессе Ильин публиковал под псевдонимом, так как под псевдонимом он мог высказываться гораздо свободней, потому что Швейцария в тот момент была напичкана германскими агентами, в том числе гестаповцами, абверовцами. Если бы он под собственным именем писал бы какие-то совсем резко антигерманские вещи, скорее всего его просто убили бы.

Публикации Ильина имеют вполне определенный смысл и характер. Вот несколько цитат: «Русские воюют на собственной территории и за собственную страну, ведь русский народ ощущает себя подвергшимся нападению и считает, что находится в состоянии обороны». Или вот: «Россия сможет бороться до тех пор, пока хватит сопротивляемости ее армии и организаторской власти советского правительства. Страна слишком велика, чтобы ее можно было захватить. Существует огромный тыл с действующей военной промышленностью». То есть победить Россию в принципе нельзя.

Ильин объяснял это швейцарским читателям. Швейцарские газеты, разумеется, читали и в Германии. Представьте себе, Германия, воюющая с Советским Союзом страна. И в этот момент в швейцарской газете немец может прочесть такое. Или: «Западная европейская стратегия соотносится с русской национальной как мелкое европейское пространство с огромным азиатским, как горная страна с континентальной равниной, как каменная культура с культурой деревянной, что Россия будет воевать до конца. Врагу остается пустая безжизненная территория, где за каждым кустом будут мерещиться партизаны, которые так или иначе обречены на смерть и хотят подороже продать свою жизнь».

Ильин склонял к сдаче русским в плен тех немецких солдат, которые могли бы прочесть эти газеты. Например, у него там были такие фразы: «С гневом ожидали в России врага, но с состраданием относились к пленным». То есть, если ты сдашься в плен, значит, все у тебя будет более-менее неплохо, и, действительно, немцы через какое-то время стали достаточно охотно сдаваться.

При этом Ильин несмотря на категорическое, полное неприятие большевистской, сталинской власти, подчеркивал, что во время войны все русские должны быть лояльны верховному государственному командованию. Он так описал: «Русские народные массы временно примирились с навязанной им тоталитарной государственной формой как целесообразным орудием войны, чем дальше во времени и пространстве заходила война, тем заметнее пробуждался национальный русский инстинкт самосохранения, тем сильнее становилась решимость русского народа обороняться от врага, и тем больше воюющей народной массы учились подчиняться дисциплине национального военного верховного командования, не обращая внимания на партийный режим».

В логике Ильина получается следующее: русский народ подчиняется Сталину как верховному главнокомандующему, а не как лидеру партии. При этом он подчеркивал уроки Первой мировой войны, которые были страшными

для русского народа, и состояли в том, что значительная часть народа, поддавшись агитации революционеров, фактически дезертировала с фронта. И это закончилось распадом государственности, революцией, гражданской войной, огромными смертями от голода и эпидемий. То есть, значительная часть народа в этот момент физически погибла, и первопричиной этого было именно дезертирство.

Ильин подчеркивает: «В воспоминаниях народа о Первой мировой войне дезертирство, которое обернулось страшным возмездием, продолжавшимся целых 25 лет, побуждало мысль о том, что эту войну надо лояльно довоевать до конца».

Констатировал Ильин, что Германия является главным историческим врагом России, просто потому что мы соседи, и у Германии есть вот этот вот импульс, попытка захватить территорию России на востоке, жизненное пространство, о котором говорил Гитлер.

Ни о каком одобрении Ильиным коллаборационизма по отношению Германии всех этих красновских движений, власовских движений говорить не приходится. Наоборот, он написал очень резкие статьи о том, что те, кто сейчас служат в пользу Германии, фактически начинают новую русскую гражданскую войну. Он никогда не сочувствовал в этом смысле власовцам, сочувствовал он исключительно тем людям, которых угнали в Германию насильственно. В этом смысле говорить от хотя бы малейшей двусмысленности позиции Ильина в годы Великой Отечественной войны абсолютно невозможно.

Те, кто смеет говорить, что Ильин — это аналог Бандеры и Шухевича, - это, люди, которые вообще не читали Ильина, хотя все его труды, в том числе статьи и письма времен Великой Отечественной войны, опубликованы и очень хорошо известны.

Ильин спорил со своим другом, писателем Иваном Шмелевым, который пережил чудовищную трагедию в Крыму в 1920 году. Был расстрелян его сын, белый офицер, в ходе страшного геноцида, который устроили Землячка и Бела Кун

в Крыму. Он не мог большевикам этого простить. Поэтому у него в 1941 году были иллюзии, что придет немецкий рыцарь и освободит Россию от этого гнета ужасных большевиков. Ильин ему писал, что германцы идут исключительно для того, чтобы уничтожить и расчлениить Россию. И поддерживать, и сочувствовать им из ненависти к большевикам, из той вот чудовищной боли, которая душила тогда Шмелева, ни в коем случае невозможно и не нужно.

После войны Иван Александрович составил, наверное, самый замечательный сборник своих трудов, а это такое двухтомное сочинение, собрание статей под названием «Наши задачи». Это фактически такой настоящий план переустройства послебольшевистской России, посткоммунистической России, где он говорил о том, что нам нужна сильная, четкая, авторитарная государственная власть для того, чтобы перевести нацию, находящуюся в совершенно хаотическом и растерянном состоянии, к возможности возвратиться к монархии.

Он писал о том, что необходимо создание новой национальной элиты, которая прежде всего ставила бы интересы России. Он предупреждал о том, что Запад является уже врагом России, при том, что Ильин никогда не был славянофилом, антизападником, антиевропейцем.

Чем дальше, тем больше Ильин приходил к выводу, что западная мировая закулиса — это собрание ненавистников России, которые желают ей всего плохого. Он так писал: «Европейцам «нужна» дурная Россия, варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчлениить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; религиозно-разлагающая, чтобы влиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованное» пространство, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии».

Одна из замечательнейших работ Ивана Александровича этого периода, это статья «Что сулит миру расчленение России?», в которой он, в частности, подробно предупреждал Запад о том, что попытки отчленить от России Украину закончатся глобальной геополитической катастрофой.

Самое важное в «Наших задачах» это, конечно, последовательная идеология русского национального возрождения. Как основа наборов текстов, они для русского национализма остались и остаются одними из базовых.

Скажем, его жесточайшая критика федерализма, любых теорий составления России из разных самостоятельных государств и полугосударств, является просто образцовой. Ильин чётко показывает, как государствовед, как выдающийся политический мыслитель, что любая такого типа федерализация ведёт к дезинтеграции и к распаду, к увеличению автономии этих политических единиц, вплоть до взаимоотталкивания.

Важны совершенно образцовые рассуждения Ильина о национальном авторитаризме, что, понятное дело, никакой демократии, к которой звали тогда всевозможные керенские, сбитые лётчики, хотевшие всех сбить ещё раз, в постбольшевистской России не может быть по определению, потому что это будет разгул либо толпы, либо всё тех же перековавшихся красных. Соответственно, единственный строй, который постбольшевистской России подходит — это разумный национальный авторитаризм, который постепенно осуществлял бы национальное воспитание страны, в том числе в направлении к какой-то подлинной демократии.

Ильин является, с одной стороны, монархистом, а с другой стороны он, несомненно, либерал, в том смысле, что он сторонник широкой гражданской свободы. Его представления о которой были совершенно не обскурантистскими. Он и по своей политической философии один из немногих русских консерваторов, кто не выходит из славянофильской традиции, напротив — он последовательный защитник Петра, осуществлённой им вестернизации и модели просвещения. Ильин ориентирован на идеал петровской России

и великой России, которая продолжилась бы. В этом смысле он продолжатель линии Каткова и Столыпина.

Ильин — философ неравенства и аристократизма. Он говорит, что единственной миссией демократии, возможного демократического процесса является выделение элиты, выделение лучших, что власть всё равно не могут осуществлять все, власть могут осуществлять только лучшие.

Россия оказалась страной без элиты, страной с разгромленной элитой, уничтоженной, вырезанной, деградировавшей. И, соответственно, единственным способом восстановить полноценную русскую нацию является создание новой национальной элиты. Определённые элементы демократического процесса нужны не для того, чтобы определять бюджет или что-то ещё подобное, а именно для того, чтобы в этом демократическом процессе на всех фронтах выделились лучшие люди, которым можно было бы передать страну.

Ильин рассчитывает на определённое возникновение русской аристократии снизу, поскольку, аристократия сверху была практически уничтожена.

Нам нужен аристократический политический режим, который, в конечном счёте, при благоприятных условиях, выйдет к монархии, и в то же время нам надо определённый демократический процесс, результатом которого должна стать полноценная национальная аристократия и элита — таков каркас ильинской идеологии, которая, при этом, в целом, безусловно является последовательным русским национализмом.

Ильин одна из базовых фигур для русского национализма, он говорит о нём открыто, никогда не стесняясь употребляет слово национализм, который у него, в большей степени, гражданский, чем узкоэтнический..

У Ильина достаточно много общего с Устряловым. Они похожего типа люди — оба с большим интересом к праву, из одних и тех же исходных идейных кругов. Но если Устрялов пошёл по линии апологетики большевизма, как аналога Французской революции, то,

соответственно, Ильин пошёл по линии последовательного антибольшевизма. В результате прожил на 17 лет дольше. Оба лежат на Донском кладбище, но один торжественно перенесённый туда Путиным, в могиле, являющейся центром национального почитания, очень важного национального культа, тогда как другой закопан где-то в безымянном рву за крематорием, потому что его хозяева-большевики его, в конечном счёте, уничтожили. Это такой наглядный урок, как надо и как не надо.

Конечно, идеи Ильина, они чрезвычайно важны для последовательного восстановления сильной, могучей, основанной при этом на праве. Один из важнейших элементов его философии — это важность права, закона, приоритета права. Отказ от такого правового нигилизма, который очень часто у нас в русской мысли наблюдается. Его идеи нам чрезвычайно нужны сегодня для того, чтобы действительно строить ту Россию, которая преодолевает, наконец-то, проделанное в 1991 году расчленение врагами нашей страны.

Не случайно, что именно слова Ивана Александровича Ильина увенчали историческую речь президента России В.В. Путина, посвященную воссоединению Новороссии: «Если я считаю моей Родиной — Россию, то это значит, что я по-русски люблю, созерцаю и думаю, по-русски пою и говорю; что я верю в духовные силы русского народа. Его дух — мой дух; его судьба — моя судьба; его страдания — моё горе; его расцвет — моя радость...».

Сведения об авторе:

Егор Станиславович Холмогоров — исторический и политический публицист, член Союза писателей России.

About the author:

Egor Stanislavovich Kholmogorov is a historical and political publicist, member of the Russian Writers' Union.

Даренский В.Ю.
Darensky V.Yu.

ЗАЩИТА И.А. ИЛЬИНА ОТ ДУРАКОВ

DEFENSE I.A. ILINA FROM FOOLS

Как бесноватых корежит возле чудотворной иконы, точно так же глупых и бездарных людей корежит рядом с умными и выдающимися. В последнее время эта закономерность очень ярко проявляется по отношению к великому русскому философу И.А. Ильину. Хотя мне уже приходилось писать на эту тему, к сожалению, приходится к ней возвращаться по одному вопиющему поводу. Недавно в неосоветской клоаке — газете «Завтра» — вышла статья, автора которой я даже побрезгую упоминать, «Большие раздоры. У каждого свой Ильин». Даже на фоне других мусорных текстов, наполняющих этот бюллетень пенсионеров, этот перл об И.А. Ильине выделяется своей особой глупостью и невежеством. В стиле парткомовского доноса автор вещает об И.А. Ильине: «Для его философии характерен ряд опасных положений».

Конечно, не стоило бы и обращать внимания на такую мерзость, но, к сожалению, её читают и она усугубляет и без того чудовищное невежество народа с «лучшим в мире образованием». Кроме того, я как профессиональный философ обязан защитить своего коллегу И.А. Ильина от обычных дураков.

Вот один из них, автор упомянутой статьи, выделяет пункт 1 — «Ильин и гегельянство». Здесь просто необходим ликбез. И.А. Ильин никогда не был гегельянцем: даже в свой ранний период, когда написал одну из лучших в мире книг о Гегеле. А поздний Ильин вообще был антигегельянцем почти во всех аспектах своей философии. Но это больше для специалистов.

А для массового читателя нужно разъяснить ложь и дикушность фразы: «В философии Гегеля есть одна, на наш взгляд,

достаточно опасная вещь: тезис о единстве и борьбе противоположностей». Во-первых, «тезис о единстве и борьбе противоположностей» был в марксизме, а не у Гегеля. Но автор статьи Гегеля никогда не читал, откуда ему это знать? Но дальше идет вообще запредельная дикость: диалектику противоположностей он понимает как «переход добра во зло». Такой бред бывал в марксизме, но у Гегеля его нет. Впрочем, к И.А. Ильину это отношения все равно не имеет.

Далее автор статьи уже откровенно и нагло лжет, говоря об И.А. Ильине: «Он абсолютизирует силу, а через это незаметно абсолютизирует и насилие. Для него оно не печальная необходимость павшего мира, связанная с грехом, а своего рода ценность, “православный меч”. Ильин не доверяет любви, считая её немощной и слепой». Ничего подобного у И.А. Ильина нет и близко. Автор И.А. Ильина либо вообще не читал, а пересказывает с чужих слов (я в этом абсолютно уверен), либо что-то и читал, но по своей тупости просто ничего не понял. Ценность «православного меча» у И.А. Ильина действительно есть, и его учение полностью соответствует учению свв. отцов Церкви о праведной войне. А слова о том, что И.А. Ильин якобы «абсолютизирует насилие» и «не доверяет любви» — это либо сознательная ложь, либо просто шариковская глупость и неспособность понимать серьезные философские тексты.

Пункт 2 — «Превознесение отдельного. Национализм и индивидуализм» — уже по своему названию является полностью лживым: Ильин не превозносил «отдельное», не был ни националистом, ни индивидуалистом. Автор явно не знает его текстов и поэтому просто лжет, и пишет чушь. А если и знает какие-то фрагменты, то дает им совершенно идиотскую интерпретацию. Вот пример: «Ильин в своей философии культивирует индивидуализм, в том числе в религиозном учении. Вот что он пишет в “Аксиомах религиозного опыта”: “Основанием всякой религиозной веры является личный религиозный опыт человека, а источником — пережитое в этом опыте Откровение”. Отметим, это откровение — личное. На наш взгляд, любой протестант

подписался бы под такой формулой». Да, под этой формулой подписался бы не только протестант, но и православный, буддист, мусульманин, язычник и даже атеист (если последний хоть немного знает, что такое религия вообще). Потому что речь тут идет об аксиомах любого религиозного опыта. Без личного откровения религия не существует как таковая. Как не существует она и без соборного опыта веры, и об этом тоже много сказано в той же книге И.А. Ильина, но поскольку автор доноса её не читал, то он об этом даже не знает.

Пункт 3 — «Антикоммунизм Ильина» — уместен только на уровне доноса в партком, но сам по себе он не имеет смысла, поскольку антикоммунистами были все без исключения выдающиеся русские мыслители. Однако и здесь стоит оценить степень глупости «аргументов» автора: «Только слепой и неправдивый мог не заметить тех глубинных положительных изменений, которые внёс социализм... ликвидация безграмотности... сокращение детской смертности, индустриализация, огромные научные и культурные успехи». На самом же только слепой не может не видеть, что все эти изменения в XX веке происходили во всем мире, и социализм здесь вообще ни при чем. Без катастрофы 1917 г. и «социализма» все эти процессы происходили бы в России намного быстрее и без убийства миллионов людей.

Такая же степень глупости автора и в его заявлении об И.А. Ильине: «Не более правдивы и его высказывания о “злом меньшинстве”, что поставило на колени “добродушное большинство” народа». Нет, эти слова как раз очень правдивы, более того, они и раскрывают главную тайну «революции».

Либо глупость, либо запредельное уже лицемерие автор грязного опуса демонстрирует, когда пишет о ненависти Ильина «к Русской Православной Церкви в России, которой он отказывает в подлинности и духовности, в самом статусе Церкви и считает её антихристовым явлением». На самом же деле, когда И.А. Ильин писал о порабощении Церкви в России, он защищал Церковь от этого рабства, а вовсе не «ненавидел» Её. То же самое тогда писали и все выдающиеся церковные деятели русского Зарубежья.

Особо бесят автора доноса слова И.А. Ильина о том, что большевики «не поняли, что частная собственность так же присуща человеку, как душа и тело, и что важнейшее в собственнике — его культура и руководящая им социальная (не социалистическая!) волевая идея». Степень глупости комментария к этим словам впечатляет: «В православном предании это называется “маманизм”, служение мамоне, или золотому тельцу». Автору для начала стоило бы хоть немного ознакомиться с тем, что в Православии называется «служением мамоне». Это привязанность к земному благосостоянию и забвение жизни вечной. От формы собственности она не зависит, но именно это «служение мамоне» является «религией» социализма и главной сутью безбожной идеологии в СССР. А та собственность, о которой говорит И.А. Ильин, — это синоним свободы и ответственности человека перед Богом.

Ну и конечно, не обошлось тут и без пресловутого «фашизма» И.А. Ильина, как же без этого? Автор судит о статье 1933 г. «Национал-социализм. Новый дух», в которой есть такие слова: «“Новый дух” национал-социализма имеет, конечно, и положительные определения: патриотизм, вера в самобытность германского народа». Естественно, в духе комсомольского негодования автор тут же выносит вердикт И.А. Ильину: «Фошизд!» Хотя автор статьи, кажется, обременен какой-то научной степенью, однако явно не имеет представления о том, чем научное исследование исторических явлений отличается от навешивания идеологических ярлыков. На самом же деле слова И.А. Ильина — это абсолютно точное объяснение того, почему в Германии — культурнейшей стране Европы — национал-социализм пользовался мощной и восторженной поддержкой подавляющего большинства народа. И почему Вермахт за недели разнес в пух и прах лучшие европейские армии вкупе с красной и дошел до Москвы и Волги. Кто действительно хочет это понять, тот поймет и истинность слов И.А. Ильина о национал-социализме. Кроме того, статья эта была написана в 1933 году и была посвящена только вопросу о том,

как национал-социализм пришел к власти. Еще было очень далеко до войны.

В 1934 г. гитлеровская власть запретила И.А. Ильину преподавание, и до выезда в Швейцарию он был под надзором гестапо. А приехав в Швейцарию при помощи композитора С. Рахманинова, И.А. Ильин там сразу опубликовал серию антинацистских статей. В частной переписке, которая будет скоро опубликована, И.А. Ильин называл гитлеровцев «новыми большевиками».

Автор пишет о нацизме: «Известно, во что обошлось это “творчество” человечеству — более 50 миллионов убитых и убийство христианской Европы». И даже в таком вопросе он умудрился солгать, ведь «убийство христианской Европы» было совершено не нацистами, а безбожниками-леваками, сторонниками «социализма». И не менее известно, чем обошлось «творчество» социализма «в отдельно взятой стране» — теми же самыми более 50 млн убитых и убийством христианской России.

Откуда берется такая глупость, которую демонстрирует эта очередная помойная статья против И.А. Ильина и другие, ей подобные? Важно понимать, кто вообще занимается подобной шариковской «критикой» И.А. Ильина. Дело в том, что И.А. Ильин — это человек классической русской культуры, он стоит в одном ряду с Пушкиным и Достоевским. А его нынешние «критики» — это «новые варвары», продукт советской интеллектуальной и нравственной деградации народа. То есть это совершенно несоизмеримые величины.

И.А. Ильин, как и А.И. Солженицын, — один из тех великих русских людей, которые не позволят всему народу превратиться в шариковых.

Сведения об авторе:

Даренский Виталий Юрьевич — доктор философских наук

About the author:

Darensky Vitaly Yurievich — Doctor of Philosophy

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ
УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ**

Вакулинская А.И.
Vakulinskaya A.I.

**«УВЕДИ МЕНЯ ИЗ ПОЛИТИКИ, ДАЙ МНЕ
ВЕРНУТЬСЯ НАВСЕГДА К ФИЛОСОФИИ»:
ПУБЛИЦИСТИКА И.А. ИЛЬИНА И ЕГО
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ГЕРМАНИИ**

**«TAKE ME AWAY FROM POLITICS, LET ME RETURN
FOREVER TO PHILOSOPHY»: I.A. ILYIN'S
JOURNALISM AND HIS POLITICAL WORK IN GERMANY**

Аннотация:

В биографии И.А. Ильина несмотря на пристальное внимание к его трудам, в частности публицистике, с 90-х гг. до сих пор существует несколько белых пятен, раскрытие которых могло бы прояснить причины написания тех или иных статей, которые некоторыми исследователями (впрочем, никогда серьезно творчеством мыслителя не занимавшимися) интерпретируются весьма превратно. В рамках публикации рассматривается вопрос о взаимодействии мыслителя с представителями Армии (с 1924 года объединённой в Русский Общевоинский Союз), ближайшим кругом барона П.Н. Врангеля на историческом отрезке с 1923 по 1934 год, который ныне практически не освещен за исключением исследований историков В.Г. Бортневского, И.Р. Петрова и О.И. Бейды. Более подробно воспроизводятся условия политической работы Ильина в Германии с начала 1933 года, дается пояснения появлению той или иной публикации в печати. В основание статьи, которая является фрагментом нашего исследования, посвященного полной биографии И.А. Ильина, легли архивные материалы из различных фондов города Москвы, а также немецких архивов, часть из которых вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: белое дело, ближайшее окружение П.Н. Врангеля, идеология, фашизм, национал-социализм, публицистика И.А. Ильина, антикоммунизм.

Abstract: in the biography of I.A. Ilyin, despite the close attention to his works, in particular journalism, since the 90's there are still several white spots, the disclosure of which could clarify the reasons for writing certain articles that are interpreted very incorrectly by some researchers (however, never seriously engaged in the work of the thinker). The publication examines the issue of the thinker's interaction with representatives of the Army (since 1924 united into the Russian General Military Union), the closest circle of Baron P.N. Wrangel in the historical period from 1923 to 1934, which is now practically not covered except for the studies of historians V.G. Bortnevsky, I.R. Petrov and O.I. Beida. The conditions of Ilyin's political work in Germany since the beginning of 1933 are reproduced in more detail, and explanations are given for the appearance of a particular publication in the press. The article, which is a fragment of our research dedicated to the full biography of I.A. Ilyin, is based on archival materials from various funds in the city of Moscow, as well as German archives, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: white case, P.N. Wrangel's inner circle, ideology, fascism, national-socialism, I.A. Ilyin's publicistic activity, anti-communism.

Считается, что среди русских мыслителей, которые были высланы на борту знаменитого «философского парохода», самыми известными в первые годы постсоветской России были имена И.А. Ильина и Н.А. Бердяева. Но если из творчества Бердяева особой популярностью среди читателей пользовались его философские эссе, то среди наследия Ильина, как правило, на первое место ставилась его политическая публицистика (зачастую статьи из сборника «Наши задачи» (1956), большую часть которых Ильин вовсе не планировал опубликовать), что во много предопределило

то положение, которое стали отводить творчеству мыслителя в современной России. Увы, такая популярность практически с самого начала привела к тому, что положительные или же негативные отзывы на труды Ильина предопределялись не содержанием той или иной работы (которые иногда и вовсе не читались «рецензентом»), а той политической позицией, которую занимал критик. С момента, когда цитаты из работ Ильина стали звучать уже от представителей нынешней власти, в русских и иностранных СМИ можно было обнаружить прямые отсылки к мнимым симпатиям философа к фашизму и жестким мерам решения общественных проблем.

Несмотря на то, что архив философа возвращен в Россию, а большая часть наследия мыслителя опубликована в томах собрания сочинений, творческая биография И.А. Ильина восстановлена лишь фрагментарно. До сих пор существуют белые пятна, которые год от года становятся предметом для спекуляций всё тех же критиков. Как правило, распространившиеся в последнее время обвинения мыслителя в симпатиях к фашизму (а если быть точнее, к нацизму) строятся исключительно на специфическом прочтении статьи «Национал-социализм. I. Новый дух», опубликованной в газете «Возрождение» 17 мая 1933 г., а далее логика обвинителей подстраивает известные факты жизни философа под определенную версию, зачастую доходя до намеренных искажений текстов и исторических фактов. В рамках данной статьи мы обратимся не только к причинам, побудившим И.А. Ильина написать вышеупомянутую статью, но также попробуем дать описание той деятельности, которой философ посвятил свои силы на протяжении первых 12 лет пребывания в Германии. Отметим, что данная деятельность, как и принципиальная позиция Ильина, стали причинами, по которым последовали дальнейшие ограничения на работу, вызовы в гестапо.

Уже в конце сентября рокового 1934 г. в письме к своему другу композитору Н.К. Метнеру Ильин, выехавший за пределы Германии в Югославию, описывает свое увольнение

из бывшего Русского Научного Института в Берлине, который к тому моменту уже носил название «Общество попечения (союз в поддержку) Русского Научного Института», а также дает описание своего психологического состояния: «И, что всё отвратнее, что косвенно в этом участвует и тот господчик, который годами называл меня “другом” и “учителем”, с которым мы вместе красную книгу написали и т.д. (Старички оказались оба не у дел). От этой подлости я иногда задыхаюсь целыми днями. Я пытаюсь подготовить себе новое жилище в новой стране. Но там всё висит на волоске и моментами надежды нет. У меня бывают дни прямого отчаяния — мне нечего больше делать, я не умею устраиваться в жизни, меня всегда устраивал Господь! Чую я, что Он уведит меня из этой богопротивной страны нового большевизма. Но не вижу, ни куда, ни когда. За 3—4 месяца я сравнительно спокоен; хотя и то уже с проглоченными унижениями для самолюбия. Но потом — не вижу ничего. И я только об одном молю Его: уведи меня из политики, дай мне вернуться навсегда к философии... <...>. Я чувствую себя приблизительно так как между 1918—1922 годом: и тот же террор! Но, если бы Вы знали, сколько такта я проявил за эти годы, сколько смирения, самоотверженной предметности. Достаточно Вам сказать, что в Лиги Нации швейцарец Мотта говорил только что против большевиков по моей шпартгалке! Но обо всем этом не говорите никому!»²⁶

В том же письме к Метнеру Ильин писал о том, что он в течение 12 лет работал над тем, чтобы предупредить Германию об опасностях большевизма. Обратим внимание также на то, что в письме из Белграда от 2 октября 1934 г. к И.С. Шмелеву, соратнику философа (знакомство и сотрудничество с которым отчасти было продиктовано необходимостью найти среди представителей интеллигенции сторонников идеалов Белого движения), мыслитель, также упоминающая о специфике своего положение в Германии, упоминал: «Я никогда не хотел и не хочу делать политической карьеры.

---

²⁶ НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп.5. Ед. хр. 48. Л. 9.

И всякую реальную политическую комбинацию непременно и неизбежно передал бы русским патриотам-непредрежденцам. Я ни о чем так не мечтаю, как уйти совсем от политики и дописывать начатые мной семь книг. <...>. Я сделал все, чтобы не упустить для России ни одной возможности; но теперь там делать нечего. Русская национальная карта там бита; из эмигрантов преуспевают — политически одни прохвосты»²⁷.

Как можно заметить, в приведенных письмах Ильин жаловался друзьям на усталость от политической работы, сообщал о накопившемся желании писать задуманные книги. Но о какой же политической работе шла речь? И о каких патриотах-непредрежденцах упоминает философ? Забегая вперед, отметим интересный факт: именно в связи с Русским Научным Институтом Ильин оказался ввязан в политическую работу во имя интересов национальной России, которая и привела его к последующим разочарованиям в успехе этой работы в Германии, совместно с Германией, несмотря на установившуюся антикоммунистическую власть еще в 1934 году, чего нельзя сказать о некоторых русских эмигрантах, которые еще достаточно долго питали иллюзии насчет происходящего.

Позывной «Белый»

В научной литературе практически не было продолжено исследование, начатое когда-то историком В.Г. Бортневским²⁸, благодаря которому впервые была опубликована переписка И.А. Ильина с П.Н. Врангелем. В преамбуле к этой переписке Бортневский указывал на то, что через несколько лет после заочного знакомства с Главнокомандующим Ильин войдет в ближайший круг сторонников Врангеля, которым будут предприниматься попытки по налаживанию

---

²⁷ Ильин. И.А. Собр. Соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934). М.: Русская книга, 2000. С. 491.

²⁸ *Бортневский В.Г.* И.А. Ильин и П.Н. Врангель: 1923–1928 гг. // Избр. труды. СПб, Изд-во С.-Петер. ун-та, 1999. С. 125–132.

общей борьбы с большевизмом. В этот круг также входили генералы А.А. фон Лампе и П.Н. Шатилов, А.И. Гучков, Е.В. Саблин, А.П. Полуниин. Отметим, что начало переписки было положено в связи с желанием Врангеля, озабоченного судьбой «учащейся молодежи», устроить 300 человек юнкеров в высшие учебные заведения. Рекомендацию обратиться к ученым-организаторам Русского Научного Института, в том числе и к И.А. Ильину, дал А.И. Гучков (проживавший в Берлине). В письме от 13 февраля 1923 г. Гучков писал Врангелю касательно Ильина: «На него особенно большая надежда, это он явится *Lebenswerker*-ом в той несколько инертной среде, которую представляет наша профессура, он уже и теперь, в первичных стадиях дела, оказал ему большие услуги. По отношению к нему возьмите особенно теплые ноты»²⁹.

Ильин вместе с высланными из России коллегами по философскому цеху прибыл в Германию в октябре 1922 года. Несмотря на приглашения П.И. Новгородцева и П.Б. Струве, основавшихся в Чехии, приехать в Прагу, где был уже организован Русский юридический факультет, Ильин, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк предпочли остаться в Германии, «...где русского духовно-культурного очага еще нет, где его надо создать, где для этого уже открыты и разработаны все пути и возможности и где [они — А.В.] уже каптированы целым рядом переговоров и соглашений»³⁰. Известно, что бывшие депутаты 1-ой и 2-ой Думы П.Б. Струве и П.И. Новгородцев, как и почивший в 1920 г. в Новороссийске Е.Н. Трубецкой, примкнули к Белому движению практически с самого его начала. В книге О.Д. Волкогоновой «Бердяев» можно встретить упоминание о «смотре» философов, который состоялся в начале января 1923 года на квартире Н.А. Бердяева по инициативе П.Б. Струве (сын которого Г.П. Струве непосредственно

---

²⁹ Цит. по: Бортневский В.Г. И.А. Ильин и П.Н. Врангель: 1923–1928 гг. С. 125.

³⁰ *Ильин И.А. Собр. Соч. Дневник. Письма. Документы (1903–1938)*. М.: Русская книга, 1999. С. 115.

был причастен к подготовке этого «смотра»³¹). Безусловно, целью такого собрания было заручиться поддержкой прибывших интеллигентов для последующей идейной борьбы в среде русской эмиграции. В своем дневнике начальник гражданской части канцелярии Врангеля Н.Н. Чебышев упоминая о собрании на квартире у Бердяева фиксировал: «Приехавший из Праги Струве устроил у Н.А. Бердяева собеседование по поводу доклада Изгоева о белом движении, которое он отвергает. Струве нужно было подкрепление себя другими, думавшими как он. Были Струве, Шульгин, Лампе, Бердяев, Ильин, Ландау, Ольденбург, Трубецкой (С.Е.), Биккерман, Франк и я. <...>. Струве волновался так, что побледнел. Произвел впечатление. Изгоев отказался от мысли печатать свое письмо»³². Немного подробней о содержании письма Изгоева писал генерал А.А. фон Лампе (который впоследствии возглавит II-ой отдел РОВС в Берлине): «Изгоев читал свое открытое письмо к Струве, в котором главное было обвинение в отсутствии у белых общей идеологии (причем было обнаружено и незнание белого движения, так как в него попали и эсеры, и Скоропадский и “добровольческое командование”, которое спорило о подчинении себе украинских казачьих частей!!)»³³. Во время дискуссии между Струве и Бердяевым, который занимал пореволюционную позицию и был противником каких-либо попыток продолжения борьбы за возвращение России (уповая только на духовную эволюцию русского народа). В пылу спора, перешедшего на крик, у Бердяева случился свойственный ему приступ, сопровождающийся нервным тиком. Струве как мог успокоил своего друга, но впоследствии его отношения с Бердяевым дошли до разрыва. Иной была эволюция в отношениях Струве и И.А. Ильина, позиция которого по вопросу, вынесенному на обсуждение была другой.

---

³¹ См.: *Волкогорова О.Д.* Бердяев. М.: «Молодая гвардия», 2010. С. 254.

³² ГА РФ. Ф. 5955. Оп.1. Ед. хр. 4. Л. 122.

³³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 10. Л. 40.

Неутомимый Струве, издававший в России журнал «Русская Мысль», с 1921 года возрождает свой проект в эмиграции. На страницах эмигрантской «Русской Мысли» в первые годы после высылки будут выходить публикации И.А. Ильина, посвященные не только вопросам правосознания, но и Белой идее. После создания в 1925 г. газеты «Возрождение», главным редактором которой до 1927 г. был Струве, Ильин был в числе постоянных корреспондентов этого издания, делая перерыв лишь на период существования своего «Русского Колокола» (1927—1930). По всей видимости, совместная работа Струве и Ильина началась еще в Москве. Среди мемуаров Ильина есть запись, в которой он описывал как весной 1918 г. к нему не сговорившись пришли знакомые между собой П.Б. Струве и генерал для поручений при Л.Г. Корнилове полковник Голицын, сообщивший как о смерти Корнилова, так и том, что есть необходимость информирования двух «командированных с юга», которые собирались работать с Савинковым, чтобы поднять север против большевиков; впоследствии Страдецкий и Перхуров, которых Ильин связал с «московской офицерской организацией» действительно смогли организовать восстание в Ярославле³⁴.

Через пару месяцев после встречи у Бердяева в письме к Врангелю от 1 апреля 1923 г. фон Лампе сообщал о сложившемся у него мнении касательно профессора Ильина и иных представителей прибывшей в Берлин группы интеллигенции: «Эту группу совместно с Н.Н. Чебышевым я изучал довольно долго и должен признаться, что открыл в ней больше отрицательных, чем положительных сторон. <...>. ...о профессоре Ильине. Его я считаю наиболее ярким из положительных сторон группы высланных и идейных сторонников не только белого движения, но и нашей армии и, пожалуй, даже больше армии, чем всего движения. С момента его прибытия в Берлин он все время работает совместно со мной

---

³⁴ Ильин И.А. Собр. Соч. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 348–349.

и Н.Н. Чебышевым и в общественных, а тем более научных кругах его авторитет приносит армии громадную пользу»³⁵. Далее Лампе отмечал, что к личности Ильина они с Чебышевым подошли достаточно критично. Действительно, в записях дневника, относящихся к январю 1923 года, можно встретить достаточно критические размышления фон Лампе касательно того, что Ильин сообщал ему о происходящем в Москве: «Они нас очень долго расспрашивали про Армию и ее жизнь, я им много рассказывал! По их словам, все пять лет их профессорская колония жила борьбой против большевиков, что мыслили тоже “по белому” и т.д. Он мне казался искренним, но потом мысль о том, откуда он платит за квартиру 60 000 марок, то есть пять долларов, испортила настроение, да еще совпадение, что его дом принадлежит родному брату Троцкого!»³⁶. Прокомментируем, что при работе с архивом мыслителя стало известно, что прежде чем покинуть Советскую Россию, Ильину удалось совершить несколько банковских переводов общей суммой 135 тысяч рублей в Германию на свое имя³⁷, не исключено, что при себе семья могла иметь наличные деньги в валюте. В период до высылки философ получал достаточно приличный оклад в Институте научной философии³⁸, куда перевели непартийных профессоров упраздненного историко-филологического факультета Московского Университета, осуществлял переводы на русский язык работы Эльцбахера «Анархизм», Фрейда «Культурная мораль пола и современная нервозность», публикацию своих работ, за которые должен был получать гонорар. При этом в период с 1918 по 1922 гг. философ был арестован 6 раз и 5 из них отпущен на свободу за неимением доказательств, хотя в небольших мемуарных записях, которые сохранились в архиве Ильина, присутствуют

---

³⁵ ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 11. Л. 100-101.

³⁶ ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 10. Л. 42.

³⁷ См.: НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп.7. Ед. хр. 6. Л. 7-8.

³⁸ См.: Бердникова А.Ю. Иван Александрович Ильин // Институт научной философии. Начало. М., 2021. С. 128-143.

свидетельства той помощи, которую мыслитель оказывал пособникам Добровольческой Армии, а также свидетельства о благоволении к нему со стороны гепеу как к «гегельянцу»³⁹. Значительно позже в письме от 10 января 1924 г. к российскому дипломатическому представителю в Париже В.А. Маклакову, критиковавшему то, что было сделано Врангелем при эвакуации из Крыма, Н.Н. Чебышев упоминая об Ильине писал: «Там он [И.А. Ильин — А.В.], просидевший все белое движение в Москве за чтением лекций в красном университете, философски обосновывает то, что белое движение победило. Я отвык от философии, предпочел бы видеть самими глазами реальные результаты победы, но вот тебе взгляд, логически, научно защищаемый, не только метафизика, но и несомненно умного человека, совсем не зараженного нашим добровольческим исступлением»⁴⁰.

Что касается совместной работы Ильина с фон Лампе и Чебышевым с начала 1923 года, то речь шла не только о возможности устройства юнкеров на правовое отделение Русского Научного Института, об осведомлении о настроениях в профессорской среде, но и о возможности выступления в печати в защиту идеи белого движения, позиции, занимаемой Врангелем и его сторонниками. Так в письме к Чебышеву от 13 января 1923 года фон Лампе (под именем Л.Г. Семенова) писал о том, что Ильин попросил снять с публикации от «Нового Времени» свою статью⁴¹, опасаясь, что ее появление вместе с речью Обера, освещающей дело Конради⁴², может иметь негативные последствия для оставшейся в Москве матери. Стоит отметить, что вновь

---

³⁹ *Ильин И.А. Собр. Соч. Письма. Мемуары (1939–1954). М.: Русская книга, 1999. С. 351, 372–373.*

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 5955. Оп.1. Ед. хр. 12. Л. 144.

⁴¹ Возможно, что подразумевался вышедший в 1923 г. отдельной брошюрой текст лекции «Проблема современного правосознания».

⁴² После данного выступления в суде Обером была основана антибольшевистская организация (Лига Обера), с которой впоследствии взаимодействовали соратники Врангеля.

прибывшие из Советской России отделяли себя от находящихся в эмиграции с начала революции. В дневнике фон Лампе отмечал, что такой «снобизм» был свойственен и Ильину: «Вечером был на лекции Ильина. Его лекция⁴³, копия того, что он читал в Москве поражает своим бесстрашием, но ответ на замечания оппонентов мне не понравился разделением на “нас” — эмигрантов и “нас” — высланных»⁴⁴.

Примерно 23 января того же года, приглашенный к Лампе, чтобы дать комментарий относительно того, насколько точны сведения о прибывших «из Совпедии» профессорах из статьи «Нового Времени», Ильин, раскритиковав публикацию, но отметив и верные места, пояснял молчание прибывших о том, что происходит в Советской России тем, что они стараются не навредить оставшимся, приведя в пример газетную болтливость П.Н. Милюкова, погубившую Помгол С.Н. Прокоповича, также упомянув, что нововысланные обусловились хранить молчание не менее полугода. Видимо, впоследствии Ильину было сделано предложение, скорее всего, касающееся публикации для «Белого Дела» (изначально задуманного под названием «Архив русской революции»), на которое он сразу не решился. В письме к Чебышеву от 7 октября 1923 г. А.А. фон Лампе сообщал о визите Ильина после возвращения последнего в Берлин, указывая: «...о содержании переданного мною Вашего письма он предпочел не говорить... подождем!»⁴⁵. Однако уже в 27 декабря в письме к Чебышеву сообщается о том, что «в том сборнике статей, который будет сопровождать наше издание, будут участвовать Струве, проф. Ильин, Мережковский, Бунин, Куприн, Шмелев, Арцыбывшев, Сергей Горный, Лукаш, Яблоновский»⁴⁶. Но, судя

---

⁴³ Имеется в виду лекция, ставшая статьей, «Проблема современного правосознания».

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 10. Л. 55.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5955. Оп.1. Ед. хр. 12. Л. 326.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 5955. Оп.1. Ед. хр. 10. Л. 171.

по тому, о чем упоминал в своей книге В.Г. Бортневский, в октябрьском письме фон Лампе речь также могла идти и о создании секретной антибольшевистской организации на территории России, которая бы велась в соответствии с предложенной А.И. Гучковым структурой организационных центров, при условии согласия на это Врангеля⁴⁷. Данную догадку также подтверждает наличие «Записки о политическом положении»⁴⁸ И.А. Ильина, которая была переписана и отправлена А.А. фон Лампе 31 октября 1923 г. Врангелю вместе с письмом-характеристикой философа⁴⁹, где фон Лампе указывал: «Я лично выше всего ставлю в Ильине его “белизну”, сохраненную им в чистом виде во время пятилетнего сидения в Совдепии. Кроме того, с моей точки зрения, он выдающийся человек по его индивидуальности, энергии и даже осведомленности»⁵⁰. Но данная работа, по словам В.Г. Бортневского не была запущена в связи с тем, что Врангель не хотел переходить дорогу Великому князю Николаю Николаевичу. Под ведомством великого князя уже работал П.А. Кутепов, которому была поручена «разведка внутри России, пропаганда, информация»⁵¹.

По всей видимости, Ильин воодушевившись положительным откликом на свою записку от Врангеля, решил предпринять дополнительные меры конспирации. В своем дневнике фон Лампе отметит в июле 1924 года: «Интересно, что он НЕ подписывает своих писем...»⁵². Действительно, письмо от 23/30 июля, присланное философом из Австрии, в котором он делится впечатлениями о происходящих в среде русской эмиграции событий, обращается к Лампе с просьбой срочно связаться с главой Организации защиты

---

⁴⁷ *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 34–35.

⁴⁸ *Ильин И.А.* Собр. Соч. Дневник, письма, документы (1903–1938). С. 214–223.

⁴⁹ Там же. С. 537–539.

⁵⁰ Там же. С. 537.

⁵¹ *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 41.

⁵² ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 12. Л. 8

интересов русских беженцев в Германии, бывшим дипломатом С.Д. Боткиным по поводу визы в Италию, подписано не было. Впоследствии свои письма философ подписывал как «Белый», так его впредь именовал Лампе в докладах Врангелю. В конце упоминаемого письма была приписка: «Напишите мне все, что можно об Обере. Стоит ли с ним связываться»⁵³.

Из сводки, подготовленной фон Лампе становится известно, что к моменту 25 июля 1924 г. в Берлине возникла инициативная группа Оберовский организации, вошедшей в связи с Женевским центром и парижской русской группой. Их ядром стали вторниковые совещания, организованные с начала осени 1923 г. при Земском Союзе под началом А.С. Хрипунова, Ф.В. Шлиппе и князя С.Е. Трубецкого (на тот момент уже находящегося в Париже). Ранее фон Лампе совместно с Хрипуновым, А.И. Бунге, С.С. Ольденбурггом еще 30 октября 1923 г. обсуждали организацию «Внепартийного национального объединения русских в Германии», в основу которого легли бы стремление к России, основанной на национально-исторических основах, «работа против III интернационала и содружество со всеми, кто против него борется»⁵⁴.

Разрозненные силы эмиграции, ожидающие падения большевиков, предпринимали попытки объединений вокруг того или иного представителя рода Романовых, которые остались в эмиграции. К 1923 году было два явных кандидата — это Великий князь Кирилл Владимирович и Великий князь Николай Николаевич, о готовности подчинения которому высказался Врангель. Это заявление Врангеля «вовсе и не означало перехода Армии и его лично на позиции политического монархизма и предрешения будущего государственного устройства России. Однако многие (и левые, и правые!) восприняли это заявление именно так,

---

⁵³ Там же. Л. 226.

⁵⁴ Там же. Л. 44

а не иначе»⁵⁵. Иной силой, поддерживающей кандидатуру Великого князя Николая Николаевича, был Высший Монархический Совет во главе с Марковым 2-ым, который стоял на четких позициях монархизма. В письме от 26 ноября 1923 г., хранящемся в архиве Чебышева, сообщается о том, что Ильин «глубоко разочарован в Маркове 2-ом и его политикой. Давно пора!»⁵⁶. Ранее от того же корреспондента в письме от 21 ноября Марков 2-ой и вовсе определяется как «настоящий большевик»⁵⁷.

Интересно, что статьи и выступления Ильина, стоящего на тех же непредрешенческих позициях, что и Врангель, еще с самого начала 1923 года стали одиозно трактоваться представителями левого крыла антибольшевистского лагеря эмиграции, которые, по воспоминаниям С.Д. Боткина, мнили себя единственными спасителями России. Как отмечалось фон Лампе, авторитет Ильина для общественной и научной среды был достаточно высок, поэтому неудивительно, что представители пореволюционного левого крыла эмиграции, к числу которых также примыкали Н.А. Бердяев (на тот момент уже переехавший в Париж), З.Н. Гиппиус, решили наброситься на книгу мыслителя «О сопротивлении злу силой», вышедшей в июне 1925 года, в предисловии к которой было указано посвящение Белой Армии. Содержание рецензий Бердяева и Гиппиус с последующими выводами о том, что отныне Ильин больше не может считаться философом, или же о том, что идеи, изложенные в книге, противоречат христианскому учению, у читавших работу могут вызвать только недоумение, так что предположение о том, что сказалось отличие политических, идейных позиций по поводу перспектив падения большевизма в России, выглядит достаточно убедительным. Рецензии Гиппиус и Бердяева появились только в 1926 году. К этому времени также относится публикация первого тома «Белого Дела», в котором вместо

---

⁵⁵ *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 31.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5955. Оп.1. Ед. хр. 12. Л. 220.

⁵⁷ Там же. Л. 221–222.

введения, по настоянию редактора тома Шиллинга, была помещена статья Ильина «Белая Идея», где мыслитель писал: «По глубокому смыслу своему белая идея, выношенная и созревшая в духе русского православия, есть идея религиозная. Но именно поэтому она доступна всем... Это есть идея борьбы за дело Божие на земле; идея борьбы с сатанинским началом в его личной и общественной форме...»⁵⁸.

В апреле 1926 года также произошло значимое для всей антибольшевистской эмиграции событие — Российский Зарубежный Съезд, проходивший во Франции, целью которого было объединение всех эмигрантских сил. Во главе Съезда стояли П.Б. Струве и Н.Н. Львов, председателем группы от Берлина был И.А. Ильин, выступивший со своей речью о монархии, которая впоследствии была опубликована на страницах «Возрождения» — «официальной газете» Съезда под названием «Речь И.А. Ильина». К тому времени представители чинов РОВС в связи с приказом №82 не могли принимать участие в различного рода политических собраниях, разве что как частные лица. В письме к Врангелю от 14 декабря 1925 г. Ильин обращается с «деловым» предложением собрать в Париже на период Зарубежного съезда В.Х. Даватца, Н.Н. Чебышева, Н.Н. Шебеко, В.В. Шульгина, а также разрешить А.А. фон Лампе, который на тот момент уже возглавлял II-ой отдел РОВС, присутствовать на Съезде. В ответном письме Врангель указывает на занятость В.Х. Даватца и ссылается на принятый приказ, касательно фон Лампе⁵⁹. В дневнике последнего, читавшего о Съезде в эмигрантских газетах, можно найти записи, касающиеся Съезда, а также о том, что о прошедшем мероприятии говорил И.А. Ильин.

Вернувшись со Съезда, философ рассказал о реакции присутствовавших на его речь, о чем генерал писал в дневнике: «Речь Ильина имела большой успех — даже

---

⁵⁸ Ильин И.А. Собр. Соч. Т.9–10. М.: Русская книга, 1999. С. 306.

⁵⁹ Подробнее см.: Ильин И.А. Собр. Соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М.: Русская книга, 1999. С. 239–241.

республиканский М.М. Федоров, полу-социалистический Бурцев и др. приветствовали царя в описании Ильина! Даже Вишняк из Дней признавал его, но только говорил, что это утопия! Что же — и это шаг к эволюции! Построение речи Ильина было правильное — не давать правым брать патент на монархизм и вырвать его себе...»⁶⁰. Также Ильин упоминал, что на съезде ему довелось познакомиться с генералами П.Н. Шатиловым, Е.К. Миллером и А.П. Кутеповым. Лампе фиксировал в дневнике его рассказ: «Шатилов долго говорил с Ильиным — ему понравился деловитостью, но... к себе не позвал, как заметил Ильин, чтобы он сказал, если бы узнал, что и вообще-то любезность к нему Шатилова подготовлена моим письмом к последнему...! Миллер, так тот просто ничего не нашел, что сказать представленному ему Ильину..! А Кутепов “прервал прием, вышел и расцеловался с ним”...»⁶¹. Все же, результаты Съезда не принесли долгожданного единства русской эмиграции, а вопреки ожиданием стали фактором еще большего разрыва между разными политическими лагерями. Попытка объединиться под знаменем Великого Князя Николая Николаевича, который находился под полным влиянием марковцев, при этом отказываясь от принятия каких-либо серьезных и давно ожидаемых от него шагов по руководству эмигрантскими силами, провалилась с треском. Монархисты, желавшие перехватить национальное знамя начали все более агрессивно относиться к Врангелю и его ближайшему кругу.

До начала Зарубежного съезда А.А. фон Лампе, И.А. Ильин, ученик П.Б. Струве русский экономист В.Ф. Гефдинг и Ко создали внепартийное национальное объединение, председателем которого значился Ильин. После Съезда объединение провело несколько заседаний, на одном из них было решено создать отдельную «белую группу», чтобы отмежеваться от сторонников ВКНН, при этом сохранить видимую лояльность.

---

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 25. Л. 26.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 25. Л. 24.

На страже антикоммунизма

В своей книге «Загадка смерти генерала Врангеля» В.Г. Бортневский писал, что «в архивной коллекции генерала Врангеля обширно представлена секретная переписка с ... сораотниками по общему делу, касающаяся “собственных средств” и “самостоятельной борьбы”. Нередко авторы использовали только одним им понятные намеки и недоговоренности. Интенсивно в разных странах шел поиск платежеспособных покровителей, стоявших на антибольшевистской платформе и понимавших бесперспективность проводимой под началом Великого князя работы. Налаживались новые и укреплялись старые связи и контакты с сотрудниками заграничных секретных служб и военных учреждений. Международная обстановка, осложнение отношений между Англией и Германией, вселяла некоторые надежды на возможность нового интереса к русской антибольшевистской “карте”»⁶². Вышеприведенное описание как раз относится ко времени после Зарубежного съезда, когда один за другим следовали печальные известия из СССР.

7 июня 1927 г. на вокзале в Варшаве юношей с явными антибольшевистскими взглядами Борисом Ковердой был «казнен» революционер, большевик П.Л. Войков, на тот момент исполнявший обязанности советского представителя в Польше. В качестве реакции на данное убийство, которое советская власть расценила как политическое, а не личное, 10 июня в Москве были расстреляны 20 белогвардейцев и иных контрреволюционных лиц, находившихся в тюремном заключении. Спустя несколько дней ряд европейских стран, в том числе Англия и Германия, выступили с критикой таких действий советской власти, в связи с чем распространение коммунистической пропаганды в Европе признавалось недопустимым. Еще в конце мая Англия и вообще разорвала дипломатические отношения с СССР. Нельзя не отметить, что данные изменения в политической жизни стран Европы были весьма радостно восприняты русской

---

⁶² *Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля. С. 56.*

эмиграцией. Русский вопрос вновь становился на повестку дня. В своем дневнике А.А. фон Лампе 25 июня 1927 г. писал о произошедших изменениях в Германии: «Немцы продолжают проявлять особенно повышенный интерес к нам — начинается это с обхода всех не только существующих организаций вроде внепартийного объединения, но даже и немедленного реагирования и на объявление о предполагаемой организации...»⁶³. В данный период фон Лампе, Ильин и Гефдинг старались наладить контакт с немцами, причастными к властным кругам. В своей книге В.Г. Бортневский писал о том, что в начале июля 1927 г. И.А. Ильин направился к генералу Врангелю с секретными бумаги, порученными фон Лампе. Философ «сделал личный доклад Главнокомандующему о проведенных ими в Германии тайных “свиданиях” с весьма влиятельными людьми. “Коротко сводя все — все понимают, что сдвигаться надо, бояться пропустить момент, но еще больше боятся продешевить, а по современному безволию, в силу всех этих опасений, могут пойти на наилучшее — нейтралитет! Одно, что несомненно их расшевелит в русском вопросе, это заинтересованность англичан. При упоминании об этом обстоятельстве все собеседники не выдерживают и выказывают повышенную нервность и необычайную готовность по всем вопросам...!»⁶⁴. В этот же приезд, по всей видимости, Ильин обсуждал с Врангелем программу своего журнала «Русский Колокол», издание которого стало возможно благодаря меценатской помощи, приехавшего из Советской России Николая Громова. О периоде жизни «Русского Колокола» стоит писать отдельно, здесь лишь укажем, что после выявления того, что операции А.П. Кутепова «Трест» была большевистской уловкой, чешский политический деятель К.П. Крамарж стал оказывать поддержку Ильину в издании его журнала, который продержался до 1930 г. Журнал был создан с целью политической

---

⁶³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 62.

⁶⁴ *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 64–65.

пропаганды как среди эмигрантов, так и на территории СССР. Также «после ... памятной встречи Врангель отправляет 4 июля письмо А.И. Гучкову, в котором просит его содействовать согласованию национальной работы И.А. Ильина в Германии и Е.В. Саблина — в Англии, поскольку “при условии отсутствия единого национального центра (что, к сожалению, приходится признать) работа на местах должна вестись частным почином, по возможности, конечно, согласованно между собой”»⁶⁵. В начале 1928 г. Врангелем и его соратниками все так же продолжалась работа по поиску новых нескромпоментировавших себя связью с ВКНН (что было тождественно связи с большевистской агентурой), сил для ведения антикоммунистической работы. 15 февраля Врангель даже составил небольшую записку, в которой описывалась схема для ведения переговоров с государственными, политическими и финансовыми деятелями Германии⁶⁶.

25 апреля 1928 г. от быстротечной болезни внезапно умирает генерал П.Н. Врангель. Для его ближайших помощников эта смерть стала практически крушением всех надежд относительно национального будущего России. В сочувственном письме, отправленном баронессе О.В. Врангель Ильин писал: «ушел мой герой, мой рыцарь, мудрый и вдохновенный. Угас Божий луч. Не в кого верить, некому помогать. Страшно за Россию»⁶⁷. Но тем не менее, работа ближайшего окружения Врангеля, в частности в Германии под началом А.А. фон Лампе и И.А. Ильина, была продолжена в том же направлении в знак памяти о почившем. В настоящее время до сих пор достоверно неизвестно была ли смерть Врангеля, вызванная отравлением туберкулином⁶⁸, делом рук советской агентуры, но безвре-

---

⁶⁵ *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 65.

⁶⁶ Там же. С. 80.

⁶⁷ *Ильин И.А.* Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 258.

⁶⁸ Болезнь, смерть и погребение Главнокомандующего Русской армии генерал-лейтенанта барона Петра Николаевича Врангеля в Брюсселе. Брюссель, 1928. С. 8.

менный уход главнокомандующего навряд ли можно объяснить лишь нервным истощением. Впоследствии советскими агентами в 1930 г. был убит глава I отдела РОВС А.П. Кутепов, а в 1937 г. похищен и доставлен на территорию СССР (где впоследствии расстрелян в 1939 г.), сменивший Кутепова на посту главы РОВС генерал Е.К. Миллер.

С осени 1928 года и по конец 1932 И.А. Ильин часто выступал в Германии с антибольшевистскими лекциями и докладами⁶⁹, которые читались им для участников русско-германского клуба, союзов домовладельцев, союзов землевладельцев, крестьянских союзов, католических и евангелических союзов, курсах повышения квалификации чиновников при правительстве фон Папена и Шлейхера. В письмах к Крамаржам Ильин сообщал о напряженном чтении советской литературы (брошюр, газет, стенографических отчетов съездов), политической литературы коммунистов. Философ признавался в утомительности этого занятия. Также в письмах к Ментнерам Ильин часто упоминал о том, как изнурительна для него работа по составлению «антибольшевистских» брошюр, которыми он занимался вместе со своими знакомыми, требующих погружения в советскую реальность. К примеру, в майском письме 1929 г. философ писал: «Я для немецкого сборника (под моей редакцией) много изучал советские дела и обстоятельства; в общем — такой удручающий кошмар и гнусь — что хочется плакать и биться головой о стенку»⁷⁰. В письме от 29 июля 1930 г.: «Я долго не писал Вам, потому что меня просто не было... Был задерганный и переутомленный политик, надрывающийся над непосильной задачей и забросивший на чердак свое собственное духовное естество»⁷¹. В письме от 21 декабря 1930 г.: «К сожалению, надо мной все время (с 20 сентября) висела

---

⁶⁹ Подробнее см.: *Ильин И.А. Собр. соч.: Мир перед пропастью. Ч. 3: Аналитические записки и публицистика (1928–1941)*. М.: Русская книга, 2001. С. 493–497.

⁷⁰ НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп.5. Ед. хр. 43. Л. 8.

⁷¹ НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп.5. Ед. хр. 44. Л.2.

очень трудная и нравственно мучительная работа (сборник статей о современной России на немецком языке); в октябре и ноябре эта работа сделалась совсем сумасшедшей... Однако работу продолжал; теперь она кончена, книга вышла, 36 печатных листов; что еще лучше, это что книга “идет” и покупается»⁷².

Соратник Ильина фон Лампе, посещавший некоторые из многочисленных выступлений Ильина в Германии писал об одном из докладов, прочитанных философом осенью 1928 г.: «Я был на докладе И.А. Ильина — он весь ноябрь ездит по Германии с такими докладами и делает, конечно, большое дело, потому что немцы всё время не понимали, чем грозит им то, что происходит в России... правда и после докладов они сравнивают, что, де мол, у них происходит тоже самое, путая все потому, что наш кровавый коммунизм им практически незнаком, а их холодный коммунизм где-то в корне имеет аналогичное с нашим происхождение»⁷³. Впоследствии в качестве небольших статей из-под пера фон Лампе на страницах «Возрождения» появлялись заметки о том или ином прошедшем докладе Ильина в Берлине. В письме от 10 ноября 1928 г. к некоему Алексею Степановичу генерал отмечал: «Выступления И.А. Ильина продолжают в течение всего ноября по провинции, где он тоже говорит перед тысячными аудиториями — я ценю весьма высоко. Важно даже не то, что он говорит, а важно то, как его слушают. По-видимому, терпение немецкой буржуазии начинает переполняться... пора бы!»⁷⁴.

В «слабой книжке Киша» «Гитлер и другие» (1934) есть фрагмент, где упоминается участие И.А. Ильина на одном тайном политическом съезде: «Еще в 1930 году Папен собрал в “Клубе господ” необычный съезд. За пышным обедом встретились, сверкая лысынями, барон фон-Гайль, старый граф Вестари — бывший вершитель судеб вильгельмовской

---

⁷² Там же. Л. 3.

⁷³ ГАРФ. Ф. 5953. Оп.1. Ед. хр. 36. Л. 20.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 5953. Оп.1. Ед. хр. 36. Л. 149.

Германии, генерал фон-Шлейхер и другие генералы и князя. Представляет князь Левенштейн. Он дает слово докладчику, который выделяется среди прусских юнкеров во фраках. На нем расейская поддевка. Он говорит, шевеля седеющей славянской бородой. Прусские юнкера услышали от белогвардейского профессора Ильина зловещую речь. Они увидели в судьбе русских помещиков призрак своей судьбы. Ильин говорил, как о варварстве, о поместьях, превращённых в совхозы и колхозы.

— Большевики вырывают корень, последнюю надежду России! Они ликвидируют ку-ляка! — кричал профессор, подделываясь под немецкий выговор слова «кулак».

— Барбарай! — кричала публика.

В прениях участвовал епископ Шрейбер и Франц фон-Папен. Они кричали:

— Цивилизационные народы должны протянуть друг другу руки и двинуться крестовым походом на Восток! Мы не можем стесняться средствами, когда речь идет о спасении культуры!

— Браво! — кричала публика.

Папен стал душой чёрного интернационала. Он рассылал во все стороны письма и циркуляры. Он особенно нажимал на французских католиков и вёл среди них агитацию за франко-германский военный союз против СССР. Заняв место канцлера, Папен пошёл по дороге «Клуба господ». Свою частную миссию он сделал государственной. Вот-вот фантазия охваченных страхом перед революцией юнкеров станет реальностью. Франц фон-Папен уничтожит очаг мировой революции»⁷⁵.

Стоит отметить, что Ф. фон Папен был ставленником правительства П. фон Гинденбурга, который, как верно подчеркивается даже в этом «памятнике истории», терпеть не мог «превосходного ефрейтора». Впоследствии Папен, ранее относившийся к партии Центра, поддерживаемой католиками и консерваторами, благодаря влиятельному

---

⁷⁵ Кииш ГИ. Гитлер и другие. М., 1934. С. 4.

лоббированию К. фон Шлейхера, в 1932 г. был назначен рейхсканцлером с целью формирования коалиции в Рейхстаге и, естественно, эту завидную должность он вряд ли бы кому-нибудь уступил добровольно. Но политика Германии стремительно менялась чуть ли не каждый месяц.

В архиве Ильина имеется черновик доклада⁷⁶, прочитанного на заседании «Клуба господ» 14 марта 1930 г. Выступление было посвящено не только экономической составляющей политики большевиков, о чем упоминал в книге Киш, но также вопросам нового поколения революционеров, выросших на большевистской идее, подавления частной инициативы во всех сферах жизни общества, насильственного переселения, преследования церкви и веры. В приветственном слове Ильин выражал признательность за то, что судьба его Родины и ее беспрецедентной трагедии стала также проблемой, значимой для мировой общественности, и вопросом, обсуждаемым в европейских кругах. Неудивительно, что именно в эту организацию был приглашен для выступления Ильин, по всей видимости, рекомендованный Вернеру фон Альвенслебену, с которым «работал» фон Лампе. О связи Ильина и фон Альвенслебена упоминает также И.Р. Петров⁷⁷, ссылающийся на архивный документ, в котором речь идет о встречах философа и немецкого бизнесмена в доме Скоропадского, у которого часто на обедах бывал тот же А.А. фон Лампе. В это время под редакцией Ильина была подготовлена книга «Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве» (1931), обличающая ужасы коммунистического режима в России. В архиве мыслителя сохранилось письмо от В. фон Альвенслебена⁷⁸, в котором тот сообщает, что от-

---

⁷⁶ НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 329.

⁷⁷ Подробнее см.: *Петров И.Р.* Между антибольшевизмом и Гитлером. Уточняя биографию Ивана Ильина / Радио Свобода* (17 октября 2022) // URL: https://www.academia.edu/104561174/Иван_Ильин_Julius_Schweichert_Alfred_Normann *По решению Минюста России включено в реестр иностранных агентов

⁷⁸ НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 315. Л.1.

правил книгу «Мир перед пропастью» пастору Каасу, члену партии Центра, с целью продемонстрировать угрозы большевизма, риски осуществления которых нависли над Германией, что могло бы спровоцировать внешнеполитические шаги против СССР. Однако сотрудничества с католиками у Ильина не вышло. Из дневника фон Лампе известен факт, что фон-Шлейхер, к концу 1932 г. года назначенный рейхсканцлером, отдал распоряжение закупить книгу «Мир перед пропастью» военным библиотекам Германии.

Несложно представить, что такая политическая нагрузка действовала в ущерб планам по написанию философских трудов. В письме от 10 апреля в юбилейный для Гегеля 1931 г. Ильин отмечал: «Я еще третьего по дороге говорил на большом съезде о “пятилетке и демпинге”, а здесь пятого начал курс о философии Гегеля по-немецки. Это окутание из омота в омут — очень утомляет. В душе щелкает семафор — новые рельсы — новые дали — вытаскивайся из вчерашнего — ломись до конца в новую сторону»⁷⁹. Выступления на антикоммунистическую тематику продолжались вплоть до конца 1932 г., пока резко не был очерчен внутренний курс в Германии на антикоммунизм.

«Рондиты» и общее дело.

Постепенный отход от политической работы

В переписке с главой I-го отдела РОВС Е.К. Миллером в конце 1932 — начале 1933 г. А.А. фон Лампе рассуждает касательно тех перспектив, которые может принести для русского дела изменение внутривнутриполитической обстановки в Германии. К началу года было понятно, что межпартийная борьба в стране зашла в тупик, Парламент уже несколько раз распускался, а избранный рейхсканцлер, имеющий полномочия назначить правительство не задерживался на должности дольше чем на год. Учитывая, что Веймарская Германия была парламентской республикой, со времен окончания Первой мировой войны в связи с Версальским

---

⁷⁹ НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп.5. Ед. хр. 47. Л.3.

мирным договором не выходящей из экономического кризиса, положение дел было катастрофическим. В декабре 1932 г. на посту рейхсканцлера фон Папена сменил генерал Шлейхер, который, как впоследствии стало известно непосвященным из исторического репортажа У. Ширера, находился в стоворе с главой партии национал-социалистов. Но также в стоворе с Гитлером состоял и Папен, в отличие от Шлейхера, пользовавшийся благосклонностью рейхспрезидента Гинденбурга⁸⁰. Политические расчеты по контролю национал-социалистов Шлейхера и Папена в конце концов потерпели фиаско. Но для непосвященных в закулисные игры живущих в то время наблюдателей все происходящее казалось непредсказуемым. Генерал фон Лампе, отслеживающий политическую обстановку в Германии отмечал в начале 1933 г., что «идет игра налево, идет она под прикрытием борьбы против влияния национал-социалистов...». Опасения, связанные с поведением внутривнутриполитического курса Германии, не могли не беспокоить русских эмигрантов. Выборы в Рейхстаг, прошедшие еще 6 ноября 1932 г., привели к тому, что партия национал-социалистов потеряла около 2 млн. голосов (34 места в рейхстаге), в то время как за коммунистов проголосовало на три четверти млн. больше (плюс 11 мест в рейхстаге)⁸¹.

Мнение фон Лампе, С.Д. Боткина и И.А. Ильина, касательно оценки политического положения Германии несколько расходились. В письме от 15 января 1933 г. к Миллеру Лампе сообщал: «С.Д. Боткин имеет более чем прочную связь с современной властью в лице министра иностранных дел — Нейрата и потому склонен считать, что теперешняя власть с положением дел справится, несмотря на сомнения в главе представительства. И.А. Ильин, очарованный тем, что министр военный генерал Шлейхер несколько месяцев тому назад распорядился тем, чтобы военные библиотеки

---

⁸⁰ См.: Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. М.: АСТ, 2015. С. 196–224.

⁸¹ Там же. С. 206.

купили книжку профессора Ильина — полагает, что генерал соответствует своему назначению, хотя распоряжение о покупке было сделано несколько месяцев тому назад, а генерал оппортуничен настолько, что конечно взгляды свои меняет»⁸². Ниже Лампе указывал на два положения из прогноза Ильина, которые он не разделял, а именно: 1) то, что большевизм в России падет, когда его внутренне изживет русский народ; 2) что «коммунизм в Германии может прийти к власти только после национал-социалистов, т.к. одни тянут по своей идеологии других»⁸³. Тем не менее генерал все же стремился ориентироваться в среде национал-социалистов и прикидывал возможности, которые могли бы дать связи с ними, будь они во власти, что вызывало скепсис у Е.К. Миллера.

Безусловно, в связи с изменением расстановки политических сил в Германии, произошедшей с 20-х гг., внимание многих русских эмигрантов, стоящих на антибольшевистских позициях и не только, было обращено к идеологическим основам партии национал-социалистов, в частности, к книге главы партии А. Гитлера «Mein Kampf». На тот момент в газете «Возрождение» вышла статья С.Е. Трубецкого, посвященная разбору книги, где повествуется об угрозах, которые могут нависнуть над Россией, в связи с воцарением в Германии партии национал-социалистов. Также среди интересующихся вопросом ходила копия интервью с нацистским функционером, руководителем образовательного управления СС по вопросам расы и поселения Карлом Мотцем. Однако источник из которого было получено интервью был несколько дискредитирован, в связи с чем, к содержанию документа относились с недоверием.

Что же касается оценки идей, изложенных в «Mein Kampf», то фон Лампе отмечал в том же письме к Миллеру: «...она [книга— А.В.] грозит не одной России, а буквально всему миру, она говорит, как правильно и отмечает

---

⁸² ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 51а. Л. 19.

⁸³ Там же. Л. 19–20.

кн. Трубецкой, о гегемонии в Европе и не только в Европе, но едва ли не во всем мире, она говорит больше — говорит о высших и низших расах, конечно, считая за высшую — немцев. Словом, она говорит все то, что говорят все “патриотические” немцы на протяжении многих лет, говорит то, что говорил Император Вильгельм о “германском Боге”, то, что неоднократно говорилось в Германии о славянстве, как народе для удобрения благополучия германской расы и т.д. и т.д. Короче говоря, книга Хитлера говорит все то, что говорит каждый немецкий демагог на любом митинге. А т.к. митинг, на котором приходится говорить Хитлеру, превратился со временем в годы, а по территории в Германию — то ему приходится уже не говорить, а писать книги!»⁸⁴. В связи с вышеизложенным фон Лампе, как и С.Е. Трубецкой в своей статье, вполне справедливо рассуждает по поводу того, стал ли бы Гитлер приводить свои мысли в действительность, если бы получил реальную власть. Лишь ближе к 1935—38 гг. можно было бы догадаться, что стал, когда в Германии начнут принимать расовые законы, а в 1933—34 гг. в так называемый период «**Machtergreifung**» разрешение данного вопроса было не совсем ясным, т.к. даже последовавшая зимой-весной 1933-го первая волна ущемлений евреев, иностранцев многими расценивалась как борьба с политическими противниками, «инициатива снизу», конечно, вызванная лозунгами национал-социалистов, но все же не находящаяся вполне под их контролем. Не только русские эмигранты находились в сомнениях, касательно будущего Германии при национал-социалистах, но сами немцы и даже свободолюбивые американские граждане, пребывающие в этот период в стране, еще долго сомневались в верности тех предположений, которые с самого начала транслировала международная пресса⁸⁵. Также стоит отметить, что даже среди сторонников

---

⁸⁴ Там же. Л. 14–15.

⁸⁵ Подробнее см.: *Нагорски Э.* Гитлерленд. Третий рейх глазами обычных туристов. М.: Эксмо, 2023. С.

и членов партии национал-социалистов, а впоследствии среди даривших на значимые праздники друг другу эту книгу фюрера немцев, число читавших ее целиком, согласных с основными тезисами, было небольшим⁸⁶.

Книга Гитлера «*Mein Kampf*» принималась во внимание, но все же не воспринималась как политическая программа, которая целиком и полностью может быть приведена в жизнь; расценивалась как красное словцо для немецкого плебисцита. Несмотря на гипотетическую угрозу для России, исходящую от немцев, фон Лампе был одержим маниакальной идеей того, что «русский узел может быть развязан только в Берлине». В том же письме к Миллеру он писал: «Я не думаю, что приход к власти Н. <ационал> — С.<оциалистов> означает войну их за восстановление России — это утопия, которую исповедуют только наивные беженцы и о чем не говорят Н.<ационал> С.<оциалисты>. Более того — я не думаю, что это сделает какое-либо из немецких правительств. <...>. ... я надеюсь, что найдется наконец власть в Европе, которая по своим собственным интересам войдет в конфликт с московскими самодержавцами, и при ликвидации такого конфликта нам представятся возможности свести с большевиками и наши русские счета»⁸⁷. Угроза аннексии Украины, о которой было известно из интервью с Мотцем, представлялась фон Лампе шансом для приложения сил при выполнении национальных задач, расчет был на то, что удержать Украину немцы не смогут, а положение Москвы это сильно пошатнет. Однако при предполагаемом возможном сотрудничестве с немцами вопрос о неприкосновенности Украины, сохранение целостности России был для здравомыслящих представителей РОВС более чем значимым. Отметим также, что в начале 1933 г. надежды на стабилизацию ситуации в Германии как немцев, так и русской эмиграции были возложены

---

⁸⁶ Подробнее см.: *Ширер У.* Взлет и падение Третьего Рейха. С. 99–100.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 51а. Л. 15–16.

на рейхспрезидента Гинденбурга, обладающего громадным влиянием и по конституции Веймарской республики, способного ограничить полномочия правительства, распустить парламент.

Удачный прогноз, сделанный фон Лампе относительно политической борьбы в Германии, а именно, предугадывание сговора партий разной ориентации, в результате чего после поджога Рейхстага (в котором были обвинены коммунисты) за предоставление особых полномочий правительству Гитлера (де факто диктаторской власти) проголосовало большинство в парламенте, привел к тому, что Е.К. Миллер вполне серьезно отнесся к теоретическим расчетам генерала и одобрил деятельность, направленную на установление возможных связей с новой властью, в рамках которой допускалось «помогать в борьбе с немецкими коммунистами и большевиками своими сведениями о них»⁸⁸. Ключевым моментом, который Миллер считал необходимым прояснить относительно курса установившейся власти — это политика «в отношении идеи восстановления национальной власти в России». Генерал Миллер подчеркивает необходимость донести до немецкой власти, что целостность России — это гарант спокойной жизни Германии: «...расчленение России в 10 раз больше [чем Версальский договор отразился на жизни немцев — А.В.] нарушит жизненные интересы 150 миллионного русского народа, не исключая экономических интересов тех украинских и прочих самостийников, которые так стараются о расчленении»⁸⁹.

2 марта Гитлером была произнесена речь «Марксизм на практике — это опровержение марксизма в теории»⁹⁰, вызвавшая у многих антибольшевистки настроенных эмигрантов воодушевление. Учитывая наступившие политические

---

⁸⁸ Там же. Л. 48.

⁸⁹ Там же. Л. 49.

⁹⁰ См.: *Beyda O., Petrov I. Stakeholders, Hangers-On, and Copycats: the Russian Right in Berlin in 1933. Institute for European, Russian, and Eurasian Studies – The George Washington University. Iliberalism Studies Program Working Papers no. 6, April 2021. P. 6.*

изменения, авантюристы всех мастей стремились завладеть расположением представителей властных структур Германии. В данный период также участились случаи, когда члены РОВС, именуемые фон Лампе «накипью», выказывали свое желание примкнуть к немецкой армии, с целью возможного в будущем похода на большевиков, вступая в ряды «Стального шлема», что жестоко пресекалось командованием. В Германии и за ее пределами возникали новые национальные союзы (РОНД), активизировали свою деятельность младороссы. На фоне всего происходящего задача, поставленная перед А.А. фон Лампе, отмежеваться от «накипи» и вызвать к себе доверие нынешней антибольшевистской власти при предоставлении сведений о коммунистах, достаточно сильно осложнялась.

В своем дневнике в марте 1933 года генерал писал о том, что переговоры с членами партии национал-социалистов Ремером и Фастом, которые он затеял год назад, несколько не продвинулись. В день, когда должно было состояться знакомство фон Лампе с оберфюрером унтергруппы В Эрнстом, кто-то из заметивших генерала в коридоре, немедленно совершил донос. После этого казуса фон Лампе отметил в дневнике: «Казалось бы, дождался за 13 лет, что наконец в стране власть враждебная большевикам, так для того, чтобы при первом же соприкосновении с нею меня обвинили в... большевизме. <...>. Я понимаю, что идет революция, что в ней большевики борются против нас всеми средствами, но я как-то устал уже от этого — да и нелепость эмигрантских настроений, которые начинаются всегда с доносов и клеветы — удручают!»⁹¹. Заметим, что такое стремление наладить сотрудничество с новой властью, помогавшие фон Лампе в общем деле Ильин и Боткин, рассудительно занявшие выжидательную позицию, считали излишним. Несмотря на проявившиеся с самого начала препятствия фон Лампе все же смог надавить на своих соратников.

---

⁹¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 51а. Л. 5.

В письме к Е.К. Миллеру уже от 25 апреля 1936 года он писал: «Мне удалось только в мае настоять на приветственном обращении наших организаций к канцлеру Хитлеру и на создании вокруг С.Д. Боткина объединения национальных русских организаций, это обращение подписавших. В последующее время — это объединение было единственным стержнем, на котором мы держались некоторый срок. Мне казалось все же необходимым обязательно переходить к активности в деле разъяснения властям наших верований и наших возможностей. Я дошел до того, что мы все четверо должны были собраться 29 июля для детального обсуждения этого вопроса. Но... 28 июля я был арестован и дело отложилось в долгий ящик»⁹². И.Р. Петров и О.И. Бейда указывают, что еще в марте-апреле 1933 г. последовала первая волна арестов особо активных информаторов из русских, предлагавших свои услуги новым властям, на фоне тех доносов, которые они писали друг на друга⁹³. В письме от 20 апреля 1933 г., описывая обстановку в Германии и указывая на возникновение новых организаций, фон Лампе писал Е.К. Миллеру: «...чтобы как-то оправдать самочинность своих поступков, все “организаторы” начинали с того, что, де мол, не сегодня-завтра выйдет распоряжение о том, что все иностранцы лишаются всех прав... и что сохраняют права только те, которые сорганизуются и при том вне старых русских организаций (которые, конечно, самочинным действиям мешали), потому де, что во главе их стоят “франкофилы” и “масоны”... Значит все, что против самочинных формирований — франкофилы и масоны... Время сейчас революционное и многому верят и власти...»⁹⁴. К лету эта волна докатилась и до четверки фон Лампе. Но обо все по порядку.

В начале апреля Лампе рапортовал Е.К. Миллеру, что он, Боткин, Ильин и Гефдинг, совместно работавшие

---

⁹² ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 28.

⁹³ *Beyda O., Petrov I. Stakeholders, Hangers-On, and Copycats: the Russian Right in Berlin in 1933.* P. 6–7.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 51а. Л. 74.

по антибольшевистской линии в Германии, предприняли попытки привлечения внимания к своей группе. Помимо официальных приветствий властям, Лампе, упоминал также, что «мы передали в руки власти целый том справок о том, как действовал и как хотел действовать Коминтерн в Германии»⁹⁵, писал о том, что их группе удалось восстановить деятельность русско-немецкого клуба после трехлетнего анабиоза. В своих мемуарах И.В. Гессен, редактор берлинского «Руля», крещенный еврей, по словам фон Лампе, «позволявший себе выходки глубоко возмущавшие русскую колонию», приписывал И.А. Ильину авторство приветственного адреса новому рейхсканцлеру⁹⁶. Однако, судя по немецким архивам адрес от 28 национальных организаций был отправлен в канцелярию 28 марта 1933 г. за подписью С.Д. Боткина⁹⁷, а идейным вдохновителем его написания был фон Лампе.

Что касается передачи властям информации о деятельности Коминтерна, то также через С.Д. Боткина в МИД 28 марта 1933 г. была передана брошюра И.А. Ильина «Директивы Коминтерна по большевизации Германии (1933 г.)», касательно которой в немецких архивах сохранилась переписка, ныне опубликованная в томе собрания сочинений из которой можно узнать, что в конце марта 1932 г. данная брошюра уже поступала в МВД Германии⁹⁸. Отправляя брошюру о Коминтерне Ильина, Боткин передал министру Р. Майеру несколько приглачительных на заседание русско-немецкого клуба⁹⁹. Доклад на аналогичную названию брошюры тему был прочитан Ильиным на заседании клуба 21

---

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 51а. Л. 55.

⁹⁶ Гессен И.В. Годы изгнания. Париж, 1979. С. 242.

⁹⁷ Ильин И.А. Собр. соч.: Мир перед пропастью. Ч. 3: Аналитические записки и публицистика (1928–1941). С.575–576.

⁹⁸ Подробнее см.: Ильин И.А. Собр. соч.: Мир перед пропастью. Ч. 3: Аналитические записки и публицистика (1928–1941). М., 2001. С. 566–569.

⁹⁹ Ильин И.А. Собр. соч.: Мир перед пропастью. Ч. 3: Аналитические записки и публицистика (1928–1941). С. 566.

апреля того же года, его текст 24 июля 1933 г. отправлен Боткиным в МИД. Ранее 19 апреля 1933 г. Боткин прикреплял также текст доклада, прочитанный доктором Гефдингом на собрании русско-немецкого клуба¹⁰⁰. По всей видимости не только сотрудники МИДа, но впоследствии и представители гестапо посещали собрания русско-немецкого клуба, так И.Р. Петрову удалось обнаружить документ из архива государственной тайной полиции от 28 февраля 1934 г., в котором воспроизводится доклад И.А. Ильина, посвященный плану Коминтерна, прочитанный в клубе 16 февраля.

Касательно обстановки возрождения деятельности клуба в письме к Н.Н. Чебышеву от 1 мая 1933 г. фон Лампе писал: «Иван Александрович по-прежнему говорит. Мы с ним, Боткиным и Гефдингом, с первых дней переворота предложили всю нашу осведомленность, знания и пр. в распоряжение власти на борьбу с коммунизмом. В этом направлении нам удалось возродить русско-немецкий клуб и уже поставить два противобольшевистских доклада Ильина и Гефдинга! <...>. Русская эмиграция ведет себя отвратно — стремится куда-то пойти, куда-то записаться и все в погоне за монетой... правда всем тяжело живется, но и подлости хорошо хранить оттенок благородства... Все и раньше всего забывают, что они русские. Мы тоже готовы идти вместе с властью — но существует разница в приемах!»¹⁰¹. В письме к Е.К. Миллеру от 20 апреля 1933 г. Лампе переживая, что его работа отстает от «революционного темпа» тем не менее упомянул, что их «четверка» образовала вместе с «теперешними немецким представителем русско-немецкого клуба “Круг 30-го января”, датируя его по переходу власти на антикоммунистическую позицию»¹⁰².

Последовавший в 1934 г. окончательный отход Ильина от политической работы, нахождение С.Д. Боткина в Париже, а также его переезд из Германии во Францию в 1935 г.,

---

¹⁰⁰ Там же. С. 570–571.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 51а. Л. 204.

¹⁰² ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 51а. Л. 76.

привели к полному прекращению деятельности русско-немецкого клуба в 1936 г., существование которого началось еще с 1922 г. К сожалению, в своих воспоминаниях С.Д. Боткин не успел развернуто описать работу клуба, созданного им с целью установления и налаживания контактов с немецкими консервативными кругами, отметив лишь: «Совсем зачехленный за отсутствием денежных средств, наш клуб, о котором я пишу в другом месте, стал снова усиленно работать, благодаря длительной помощи со стороны министра Иностранных Дел. Заседания клуба участились и было прочитано много весьма интересных и поучительных антибольшевистских докладов. По просьбе министра некоторые из них посылались ему и давали, по-видимому, необходимые ему сведения»¹⁰³.

В упомянутом выше письме к Е.К. Миллеру от 25 апреля 1936 г. фон Лампе повествуя о причинах краха той работы, которая была им изначально намечена в Германии писал: «Первым рухнул “фронт”, который вывел на себя профессор Ильин. Мой арест его сильно напугал (его тоже допрашивали), он вел себя не слишком мужественно. Потом его предал его же сотрудник им же выведенный в люди, и не только ликвидировал его работу по пропаганде (казалось бы, чего естественнее пользоваться нами в вопросах противокommунистической пропаганды), но и пустил против него (и отчасти всех нас), нелепое обвинение в “масонстве”. Надо сказать, что по отношению к нам это было просто ложью, по отношению к Ильину же она была особенно вопиющей — он сам всегда и всех подозревал в причастности к масонству... Но так или иначе, но Ильин потерял возможности литературной и пропагандной работы, не боролся и отошел обиженный и озлобленный — его выход из строя “обнажил наш фронт” и был для нас более чем болезненным. С.Д. Боткин после долгих настояний с нашей стороны, возобновил свое 40-летнее знакомство с новым тогда министром иностранных дел Нейратом, на этом “фронте” имел

---

¹⁰³ ДРЗ. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 108а.

успех. Однако, сам Нейрат всегда говорил о том, что “не надо торопиться”, что отчасти было и верно, так как немцам было не до нас. Против Боткина пошла усиленная травля со стороны местного Епископа Тихона, руками его “представителя”, кн. Моссальского...”¹⁰⁴.

Упомянутый министр иностранных дел Нейрат, с которым в хороших отношениях находился С.Д. Боткин, не разделял взглядов новой власти. Описывая происходящие изменения в кабинете нового правительства в 1933 г., Боткин подчеркивал: «Только барон Нейрат остался собой и благодаря своему прежнему нейтральному отношению к национал-социалистическому движению был до известной степени приемлем партией»¹⁰⁵. Известно также, что именно барон Нейрат поспособствовал освобождению А.А. фон Лампе из-под ареста, последовавшего 28 июля 1933 г., что далось ему не так просто¹⁰⁶.

Учитывая общеполитические сдвиги в Германии, еще 9 марта с целью объединения антибольшевистских сил эмиграции было создано Российское национальное освободительное движение (РОНД). Главой данного движения был изначально некто Дмитриев, которого впоследствии сменил русский немец А.П. Светозаров (Г.П. Пельхау), спекулировавший на вере в его связь с правящей властью, которая на самом деле ограничивалась знакомством с главой полиции и некоторыми штурмовиками¹⁰⁷. Генеральным секретарем движения с начала июня 1933 г. был барон А.П. Меллер-Закомельский. 9 апреля РОНД провел свое первое официальное мероприятие, на котором Светозаров выступил с докладом «Русский национал-социализм как поворотный пункт в борьбе против марксизма». Чтобы подчеркнуть свою лояльность к правящему режиму в Германии,

---

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 28–29.

¹⁰⁵ ДРЗ. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 119.

¹⁰⁶ Там же. Л. 118–119.

¹⁰⁷ *Beyda O., Petrov I. Stakeholders, Hangers-On, and Copycats: the Russian Right in Berlin in 1933.* P. 8.

на мероприятие были приглашены члены НСДАП, на приглажительных билетах сообщалось, что евреям вход воспрещен. Многие присутствовавшие русские эмигранты ушли под впечатлением, утвердившись в мнении, что движение имеет непосредственную связь с национал-социалистами. Представители РОНД пытались сблизиться с внепартийным национальным объединением, которое возглавляли И.А. Ильин и фон Лампе, присылали им любезные приглашения, на которые получали уклончивые ответы. В письме к Е.К. Миллеру от 1 мая фон Лампе, ранее смотревший в сторону возможного сотрудничества с РОНД, убедившись в том, что с властью Германии движение ничего общего не имеет, сообщал: «... четырем моим друзьям я уже принес мое решение ни Ильину, ни Сахарову и ни мне в РОНД не входить, в чем они меня, конечно, поддержали»¹⁰⁸.

В архиве Ильина имеются письма от Меллер-Закомельского, по которым можно проследить отношение мыслителя к РОНДу и его участникам. Так в письме от 26 апреля 1933 г., которое практически начиналось со слов: «Волею Провидения мы поставлены в центр исторических свершений. Скоро наступит снова период вооруженной борьбы с силами дьявола»¹⁰⁹, Меллер-Закомельский призывал Ильина помочь ему «разжечь души молодых сил русской колонии в Берлине» в качестве оратора для «Клуба Р.<усской> Н.<ациональной> М.<олодежи>». Судя по тому, что писал Меллер-Закомельский в письме от 18 июня, отвечая на апрельское приглашение, Ильин «выразил согласие когда-нибудь прочесть ... доклад», однако в связи с закрытием клуба случится этому не было суждено. Данное согласие, скорее всего, было выдвинуто из Ильина, т.к. в том же письме от 18 июня Меллер припоминал, что до письменного обращения Ильин наотрез отказался «метать бисер перед свиньями». Данную догадку также подтверждает и тот факт, что уже в мае мыслитель не скрывал своего отношения к РОНДу. В письме от 28 мая

---

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 51а. Л. 81.

¹⁰⁹ НМ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 174. Л. 1.

1933 г. Меллер-Закомельский просил пояснить слова, произнесенные Ильиным в телефонном разговоре, по поводу того, что РОНД является «отделением Коминтерна». К июню Ильин и вовсе «считал ниже своего достоинства быть знакомым с людьми, принадлежащими к Р.О.Н.Д.»¹¹⁰. По всей видимости, философу было известно о сотрудничестве рондовцев с младороссам, так как Меллер-Закомельский упоминал в одном из писем, что «известные “национальные” юноши распространяли из-под полы, принадлежащую, увы, Вашему перу статью¹¹¹ о том, что младороссы учинили “общий фронт с большевиками”»¹¹².

В связи с тем, что в начале мая фон Лампе и Ко уже было принято решение в РОНД не вступать, была продолжена самостоятельная работа по реализации ранее обозначенного курса. В приведенном выше майском письме к Е.К. Миллеру Лампе упоминал, что решил создать под председательством Боткина объединенный комитет национальных русских организаций для того, чтобы у Боткина появилась возможность опоры на общественность. Боткин сопротивлялся данной инициативе, Ильин также ее не поддерживал, но Лампе настоял на своем и 2 мая было намечено первое организационное собрание. Упомянутый комитет по задумке Лампе должен был дать «отпор всем авантюристическим начинаниям». Иной задумкой Лампе было создание «Русской группы по содействию Национал Социалистам в борьбе против коммунизма при РОВС», которую должен был возглавить Ильин, но профессор не разделял такого энтузиазма и отказался от этой идеи.

Еще в письме к фон Лампе от 25 марта 1933 г. Е.К. Миллер замечал, что «темным облачком» на «блестящем фоне картины» успеха национал-социалистов является «выявленный острый антисемитизм», добавляя, что французские

---

¹¹⁰ НМ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 174. Л. 4.

¹¹¹ Имеется ввиду статья «О младороссах», вышедшая 26 марта 1932 г. в газете П.Б. Струве «Россия и славянство» в №176.

¹¹² НМ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 174. Л. 4.

газеты «захлебываются от скрытого восторга и раздувают и пропагандируют антисемитские проявления власти и народа, хорошо понимая, что у Франции вырастает могущественный союзник — еврейский мировой капитал»¹¹³. На данный тезис фон Лампе отвечал: «Очень это опасный враг — сама беспричинная и беспринципная травля против Германии, которую подняла мировая печать, так сказать, авансом, показывает, как силен противник... Но я могу понять нынешнюю власть, опьяненную победой, когда ей предлагают евреи из заграницы: вернуть всех евреев на места и уплатить и им убытки... ведь это форменная провокация на самый решительный погром... После этого трудно удержаться от активных действий против евреев, которые в сущности говоря, предусмотрены всем мирозерцанием национал-социалистов!»¹¹⁴. Примечательно, что не только русские генералы, чуждые «юдофилии» рассуждали так о происходящей кампании в мировой прессе. Находящиеся в Германии американские репортеры также не были склонны солидаризироваться с тем, о чем писали их коллеги на родине, хотя в действительности штурмовики самовольно занимались расправой с евреями, но и не только с ними. День 1 апреля стал первым официально-одобренным бойкотом еврейского бизнеса в Германии, который начался в связи с масштабной клеветой, подготовленной евреями, проживающими за границей¹¹⁵. Впоследствии в закон о восстановлении профессионального чиновничества от 7 апреля был принят специальный «арийский параграф» (§3), согласно которому все чиновники неарийского происхождения (в том числе и иностранцы) подлежали увольнению. Исключение было сделано только для участников Первой мировой войны и членов семей погибших на войне¹¹⁶. Принятие данного за-

¹¹³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 51а. Л. 48.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 51а. Л. 55.

¹¹⁵ Нагорски Э. Гитлерленд. Третий рейх глазами обычных туристов. С. 149.

¹¹⁶ *Ермаков А.М.* Вермахт против евреев. Война на уничтожение. М.: «Яуза Пресс», 2009. С. 35, 38.

кона стало возможно в связи с тем, что с 23 марта Гитлер добился от рейхстага передачи ему основных законодательных функций; законы принимались «даже в случае их отклонения от конституции»¹¹⁷.

В упомянутом выше мартовском письме Миллер, давая распоряжение о способах построения работы в Германии по налаживанию отношений с установившейся властью, писал: «Не найдете ли Вы возможным переговорить с И.А. Ильиным по этому поводу. Я с восторгом прямо зачитывался его не только блестящими, но такими “конкретными”, если так можно выразиться, статьями в Возрождении о падении “демократии”¹¹⁸ и соответствующего режима»¹¹⁹. В конце концов, как можно предположить отчасти в связи давлением фон Лампе, 17 мая 1933 года в газете «Возрождение» была опубликована статья И.А. Ильина (ответственного в четверке «за статьи, доклады и т.п.») «Национал-социализм. I. Новый дух», которую мыслитель начинает с разъяснения того закона, который был принят 7 апреля в Германии относительно публичных должностей, и который уже заранее окрестили «зверством». Относя антисемитизм к эксцессам новой власти, философ предлагал эмиграции, подверженной влиянию французской прессы, взглянуть на национал-социализм не «глазами евреев» и мирового еврейства, а с менее предвзятой стороны. Проводя сравнение между белым движением, итальянским фашизмом и национал-социализмом, в качестве черт сходства мыслитель отмечал: «патриотизм, вера в самобытность ... народа и силу ... гения, чувство чести, готовность к жертвенному служению (фашистское “sacrificio”), дисциплина, социальная справедливость и внеклассовое, братски-всенародное единение. <...>... общий и единый враг, патриотизм, чувство чести, добровольно жертвенное

---

¹¹⁷ Нагорски Э. Гитлерленд. Третий рейх глазами обычных туристов. С. 148.

¹¹⁸ Имеется ввиду цикл статей И.А. Ильина под общим названием «Кризис демократии», вышедших в период с 13 сентября 1932 г. по 13 марта 1933 г.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 51а. Л. 50.

служение, тяга к диктаториальной дисциплине, к духовному обновлению и возрождению своей страны, искание новой социальной справедливости и непредрежденчество в вопросе о политической форме»¹²⁰ — в остальном же предполагая расхождения. Ю.Т. Лисица, комментируя в собрании сочинений эту статью, замечает, что в названии перед словами «Новый дух» стоит римская цифра I, то есть, по всей видимости, за этой публикацией должно было быть продолжение, которого не последовало.

Вместо продолжения 17 июня на страницах «Возрождения» появилась статья Ильина «О провокации». В ней философ иносказательно делает предположение, что возникновение РОНДовцев в Германии — это очередная большевистская провокация. Ответом на статью «О провокации» стала публикация, вышедшая в № 9 беспартийной газеты трудящихся, военных и учащихся «Единый фронт!... новой России» от 11—24 июня 1933 года в статье «Русские в Германии» о группе, с которой вел политическую работу Ильин, было написано следующее: «III группа “стариков” возглавляемая ген. фон Лампе, д-ром Боткиным, профес. Ваничькой Ильиным, Скоропадским и Ко. Их не много, но они считают себя “солью земли” и снизойти к молодежи не собираются. Молодежь отвечает им открытой антипатией. Старики интригуют в Берлине и пишут пасквилы в Париже, находя сочувствие у господ Шатилова и ему подобных. Роль их кончается». Интересно также то, что 20 июня, Ильин получил анонимную открытку от «коллективных читателей» «Возрождения» из молодежи, в которой было написано касательно статьи «О провокации»: «Невольно у всех нас явилась одна и та же мысль: это не мог писать “наш” профессор. Очевидно какой-то демон овладел его душой, ходят разговоры, что он масон; неужели это правда, и это проявление такой принадлежности? <...>. Что есть в сущности Ваша статья? Какой-то донос,

---

¹²⁰ Ильин И.А. Национал-социализм. Новый дух // Собр. Соч. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 322–323.

на кого-то определенного нацеленный, но страха ради иудейска, написанный рабшим изоповым языком»¹²¹. Далее Ильин обвинялся в том, что стал жертвой аферы и, не разобравшись во всем хорошенько, написал статью, после которой не может считаться «уважаемым столпом эмиграции». Также в июне от организации ОРМ Меллер-Закомельского, как минимум В. Строеву, а скорее и многим иным представителям эмиграции в Берлине, приходили приглашения на фиктивные платные лекции И.А. Ильина. В письме от 30 июня 1933 г. лично знакомый с Ильиным Строев сообщал: «Вчера возвращаюсь в Тегель очень поздно. Весь вагон был наполнен членами так наз. <ываемого> Р.О.Н.Д. Ваше имя произносилось с отборной руганью. Когда я спросил одного из них, чем провинился проф. Ильин, он с этой же руганью заявил мне, что Вы инсинуировали против них и перед эмиграцией, и перед немцами. Они грозили Вас избить до полусмерти. <...>. Да сбылось предсказание Меттерниха о банкротстве нравственном русского общества!»¹²². Интересно, что на страницах газеты «Последние Новости» П.Н. Милюков 13 июня 1933 г. выступил со статьей «Поклонники скотьяго бога», в которой обвинял Ильина в единомыслии с представителями РОНД, любви к «арийству», авторстве «известного адреса», по всей видимости, данное мнение закрепилось среди русских эмигрантов, проживавших во Франции. Сам же Ильин рядом с вырезками статьи, вклеенной в специальную тетрадь, хранящуюся в архиве, оставил комментарий: «В то время как Милюков и его друзья пытались всячески смешать нас с “рондитами” и приспешниками нацизма, я вел острую и опасную борьбу с этими проходимцами и меня засыпали угрозами, поношениями и доносами (в Гештапо, на меня). Угрожали просто убить — и притом произносили эти угрозы публично»¹²³.

---

¹²¹ НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 282. Л. 1.

¹²² НБ МГУ. ОРКиР. Оп. 5. Ед. хр. 239. Л. 2.

¹²³ НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 7. Ед. хр. 91. Л. 17.

Несмотря на то, что РОНД не был связан с большевиками, тем не менее, с 13 августа 1933 г. сама организация и участники к ее первой модификации стали преследоваться немецкими властями в связи... с обращением советской власти¹²⁴. Причиной, по которой советская власть заинтересовалась РОНДом, стал праздник, организованный движением 2 июля в Лунапарке. Упомянем примечательный факт — в архиве И.А. Ильина сохранились стихи, опубликованные в одном из последних томов собрания сочинений, относящихся к рубрике «Вожделовие». Стихотворение «Лунапарк», написанное уже в Белграде в октябре 1934 г., содержало следующие строки, отражающие специфику прошедшего мероприятия от РОНДа:

«Вот наш вождь! Ему вся слава!
Он крестьянам землю дал,
Он Европе всей сказал,
Что за ним теперь управа...
<...>.
И сегодня, и вчера
Говорит он всем — тра-ра!
Озаренный из-под арки
На эстраде в Лунапарке.
Послезавтра мы — в поход!
Среди зарева пожаров
Нас сквозь Польшу поведет
Пельхау — Денкер — Святозаров...»¹²⁵

В одном из писем 1934 г. фон Лампе писал Боткину, что В.В. Матанкин распространял об Ильине и о генерале, различного рода слухи. Наверное, именно поэтому первая «забракованная» редакция стихотворения о Лунапарке начиналась так:

---

¹²⁴ *Beyda O., Petrov I. Stakeholders, Hangers-On, and Copycats: the Russian Right in Berlin in 1933. P. 18.*

¹²⁵ *Ильин И.А. О возрождении и обновлении России. Ч.1-2. М.: Институт Наследия, 2021. С. 608–609.*

«Прибежал ко мне Матанкин,
Говорит: пойдете в Ронд
Там уже засел Бермонт,
А за ним придут и танки...»¹²⁶

Стоит отметить, что в описываемый период беспокойными были настроения среди молодежи, симпатизирующей планомерно полевевшему крылу русской эмиграции. К 30-м гг. молодежь, выросшая в условиях эмигрантского быта, под влиянием работ пореволюционеров таких как Н.А. Бердяев, Н.В. Устрялов, С.В. Дмитриевский, Д.Н. Артемьев, И.В. Степанов, Ф.А. Степун и кн. Ю.А. Ширинский-Шахматов, писавших о том, что советская власть произвела эволюцию к национализму, являет собой продолжение российского курса, что более нет необходимости противопоставлять себя ей и нужно возвращаться домой, обманывалась относительно того, что их могло ожидать в Советском союзе. В связи с появлением таких настроений на страницах парижского «Возрождения» вышла статья И.А. Ильина «Смута продолжается», в которой мыслитель, обличая пореволюционеров, «утвержденцев», предупреждает активно выступающую в газетах и журналах молодежь о пореволюционных соблазнах и об готовящейся им участи соблазненных соблазнительей, если они не захотят научиться мыслить самостоятельно. Генерал Миллер в письме от 25 марта к А.А. фон Лампе отмечал, касательно данной публикации Ильина, что это краткое «вразумление мятущимся» должно получить более широкое распространение и стать основанием для докладов во всех центрах русского рассеяния. Но у молодежи уже был очерчен свой путь. В упомянутом номере «Единого фронта...» была опубликована статья под заголовком «Наш путь», с припиской «доклад 22 мая 1933», которая начиналась словами «“Смута продолжается”, с горечью говорит по адресу молодой эмиграции профессор—представитель ортодоксальной псевдо-национальной мысли (Ильин)»

---

¹²⁶ Там же. С. 609.

и заканчивается указанием на необходимость создания нового пути построения национальной идеи, новыми методами, новой тактикой и новыми людьми.

Именно А.П. Меллер-Закомельский, который пытался наладить с философом деловые отношения, но, получив отказ, стал чинить разного рода интриги против Ильина, не пренебрегая и доносами в гестапо¹²⁷. В письме к Н.К. Метнеру от 12 сентября 1933 г. из Швейцарии Ильин сообщает о сложившейся ситуации, упоминая про арест фон Лампе, последовавший, по его мнению, в связи «большевистским доносом», о присланном ему распоряжении явится в полицию. Также философ описывал свой первый арест в Германии: «5 августа, когда мы уже сидели над чемоданами, тайная политическая полиция, рано утром заявила к нам. Двое, оба говорят по-русски. Порылись в бумагах; перечитали разные письма ко мне. Были корректны; давали понять, что это все “ничем не грозит”. Однако увезли меня с собой под стражей — на открытом полицейском автомобиле. Допросили — чем живу, с кем переписываюсь “заграницей”; заставили подписать, что мне известно, что если я буду “заниматься политикой”, то меня отправят в концлагерь. И отпустили. К этому я приписал отчетливое замечание, что сами их ведомства побуждают меня своими антикоммунистическими поручениями “заниматься политикой”. <...>. Достаточно сказать, что меня собираются назначить с 1 октября преподавать в Hochschule für Politik; что меня знают и мои меморандумы ценят, и мои книги изучают во всех руководящих ведомствах... И вот благодарность»¹²⁸. О том, как философа «на полицейском автомобиле повлекли на допрос» в своих мемуарах упоминал И.В. Гессен, этот же эпизод слово в слово повторял и Роман Гуль, в июле 1933 г. по совершенно нелепому поводу ненадолго оказавшийся в концлагере Ораниенбург, в котором только узнал о судьбе

---

¹²⁷ *Beyda O., Petrov I. Stakeholders, Hangers-On, and Copycats: the Russian Right in Berlin in 1933. Pp. 15–16.*

¹²⁸ НБ МГУ. ОРКиР. Оп. 5. Ед. хр. 47. Л. 9.

несчастливых заключенных, о чем, к примеру, в Берлине еще многие не догадывались. В одном из своих писем к Ильину, достаточно эмоциональном по содержанию (было отправлено в 1949 г.), Гуль постфактум обвинял мыслителя, в том, что тот якобы «ходил к Гитлеру» (вероятно, также как и у Гессена подчерпнуто из статьи П.Н. Милюкова) и в том, что стоило бы смотреть на Германию начала 1933 года «глазами евреев»¹²⁹. Добавим только, что даже наиболее скептически-настроенные американские репортеры летом 1933 г. полагали¹³⁰, что все те процессы, которые сопровождали первую фазу прихода Гитлера к власти могли быть тем самым «патриотическим эксцессом», о котором писал Ильин в своей статье 17 мая 1933 г.

«Русская национальная карта бита»

В письме к Е.К. Миллеру от 13 августа 1934 г. фон Лампе будет докладывать о ситуации в Германии, подробно остановившись на неопределенной судьбе Русского Научного Института и сложностях, с которыми столкнулся И.А. Ильин: «После переворота 30 января 1933 года, институт, как и многие учреждения, был реформирован удалением из него неарийских элементов, продолжал свое существование при наличии правительственного комиссара и группы русских ученых во главе с профессором И.А. Ильиным. Ныне, комиссар, бывший долго сотрудником И.А. Ильина (русский немец), сам издал новые правила реформирования института и в результате этой “реформы” все русские ученые были удалены из института как иностранцы. Библиотека института осталась в руках комиссара, сам институт, конечно, потерял свое значение, как русское учреждение. Комиссар продолжает свою деятельность, склоняясь к тем

---

¹²⁹ См.: *Ильин И.А. Собр. Соч. Письма. Мемуары (1939–1954)*. С. 424; В своих мемуарах Гуль будет более сдержан в оценке «прогитлеризма» Ильина (Подробнее см.: *Гуль Р.Б. Я унес Россию*. Т.2. Россия во Франции. М.; Берлин, 2019. С. 89–90).

¹³⁰ Нагорски Э. Гитлерленд. Третий рейх глазами обычных туристов. С. 162–163.

русским элементам, которые наиболее ярко проявляют свой антисемитизм и антимасонство. У него сдельно работает младоросс Оболенский, он основал газету “Новое Слово” (номер вышел 1-го августа, в которой работают некто Корнет Дурнов, Гершельман и тот же Меллер-Закомельский, и которая ведется в духе излишнего для нас русских, рассеянных по всему миру, антимасонства и антисемитизма. Значения газета эта, несмотря на выступления против нее советских “Известий”, вероятно, не будет иметь. Но вопрос Русского Научного Института есть вопрос серьезный, ранее всего потому, что он связан с судьбой проф. Ильина, представлявшего в Германии большую белую и противокommунистическую силу. Его материальное положение стало катастрофическим и возможен его переезд в другую страну. Его политическое положение пошатнулось, так как неизвестные силы ведут против него сильную борьбу, обвиняя его в “масонстве”, что представляет собой просто уже гримасу, т.к. в коньке самого И.А. Ильина было всегда во всяком зле и во всякой борьбе против нас усматривать именно деятельность масонов!! Русская эмиграция, как всегда, не отдает себе отчета в происходящем и идет на поводу у провокаторов, болтая о том же профессоре Ильине много глупостей и тем поддерживая “третьего радующегося”. Я лично думаю, что личность Ильина оказалась слишком давящей на его сотрудника—начальника комиссара Научного института, он постарался (довольно беспринципно и мало удачно), уйти из-под неприятной ему опеки!»¹³¹. Интересно, что еще 7 июля 1934 г. от «конторы газеты» «Новое Слово», Ильин и его организация приглашались к публикации на страницах нового издания, где будет иметь место хроника событий Берлина, но только при условии соблюдения «нейтрально-делового характера»¹³².

Сотрудник Ильина, о котором идет речь в рапорте фон Лампе или же «господчик» из приведенного в самом начале

---

¹³¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 71. Л. 20.

¹³² НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 337. Л. 1.

письма к Н.К. Метнеру это Адольф Эрт, совместно с которым философ издал книгу «Развязывание преисподней: Поперечный разрез большевизации Германии» (1933), под авторством Ильина написана заключительная статья «Возникновение большевизма из духовного кризиса современности». В целом, книга была посвящена анализу угроз для социального устройства Германии, идущим от большевизма. Эрт был сотрудником Евангелического пресс-объединения в Германии, боролся с советской антирелигиозной пропагандой. В начале 30-х гг. то вступал, то выходил из состава партии НСДАП, с 1933 по 1937 гг. (период «войны» Геббельса с Розенбергом) был главой II/4 министерства пропаганды Германии, возглавлял Антикоминтерн (Общий союз германских антикоммунистических организаций). Знакомство Ильина с Эртом, который был русским иммигрантом с немецким происхождением, по всей видимости, состоялось значительно раньше 30-х гг., вероятно, благодаря Эрту мыслитель с 1928 г. начал свои антикоммунистические выступления по разным городам Германии. Можно утверждать, что посредством Эрта Ильину и было предложено в 1933 г. место преподавателя в Hochschule für Politik, о чем тот упоминал в сентябрьском письме к Метнеру. После ареста, когда философу запретили заниматься политической деятельностью, кроме как в бывшем РНИ, Ильин нигде не работал. В том же письме к Метнеру мыслитель указывал, что «по возвращению я думал настаивать на гарантиях для себя. Но что же из этого выйдет? Все опасно»¹³³. Вероятно, действительно, между Эртом и Ильиным состоялся разговор осенью-зимой 1933 г. К этому моменту учрежденный в августе на базе РНИ «Russisches Wissenschaftliches Institut e.V.» президентом которого был еще назначенный с июня 1933 г. министерством науки, культуры и народного образования в качестве «временного руководителя» полковник русской службы в отставке Армин фон Рейер (Ильин значился вице-президентом), был

---

¹³³ НБ МГУ. ОРКиР. Оп. 5. Ед. хр. 47. Л. 10.

упразднен по закону¹³⁴. Однако еще до ликвидации новой модификации института, с августа перешедшего в ведомство министерства пропаганды, в октябре 1933 г. Геббельсом был отозван Рейер, а главой учреждения назначен А. Эрт¹³⁵.

Сложилось ложное представление о том, что непосредственно сам Ильин, занимавший пост директора института (тогда уже чисто номинальное звание), был причастен к состоявшимся увольнением С.Л. Франка, А.И. Угримова и др.. В своей статье для социалистического журнала «Альтернативы» П.Х. Рюдигер упоминает, что «согласно письму А.И. Угримова профессору Максу Зерингу [тщетно пытавшегося спасти институт от реорганизации — А.В.] Райер действовал по разработанному Ильиным плану»¹³⁶, видимо, намекая на чистки состава института. Однако, в соответствии с предложенным планом русского профессора в министерство последовало только предложение от Рейера, с которым Ильину удалось найти общий язык, сделать РНИ исследовательским центром по вопросам коммунизма¹³⁷.

В ноябре институт был ликвидирован по суду, вместо него было учреждено «Общества по поддержке Русского научного института в Берлине»¹³⁸. В новой организации Эрт был избран председателем общества, устав новой версии РНИ подразумевал, что директор имеет полномочия единолично включать и исключать членов общества, в связи с чем из-за отказа следовать антисемитской пропаганде И.А. Ильин был уведомлен о предстоящем увольнении в письме

---

¹³⁴ GStA PK. I. HA, Rep. 76Vc «Preußisches Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung», Sekt. 2, Tit. XXIII, Lit. A, Nr. 134 «Russisches Wissenschaftliches Institut». Bl. 383.

¹³⁵ Ibid. Bl. 377

¹³⁶ Рюдигер П.Х. Иван Ильин и фашизм // Альтернативы. 2012. № 4.; ссылка на письмо Угримова Зерингу от 7 июля 1933 г.: Bundesarchiv Koblenz, № 1210, 143

¹³⁷ См.: Ильин И.А. Собр. Соч. Мир перед пропастью. С. 573–575.

¹³⁸ LAB, Rep. 42 «Amtsgericht Charlottenburg», Ace. 2147, Nr. 27158, Bl. 2

от 12 июля 1934 г.¹³⁹. К этому моменту в Германии уже состоялось значимое событие, ставшее окончательным утверждением единоличной власти нацистов известное как «ночь длинных ножей» (30 июня). Вероятно, именно в связи с этим событием, Ильин серьезно пересмотрел возможность взаимодействия с провластными организациями Германии, так как в архиве философа сохранилось достаточно туманное письмо от 10 июля 1934 г. к Эрту, в котором он указывал, что из двух вариантов совместной работы он отказывается от первого и желает уйти в тень. Последовавшее увольнение, вероятно, с отказом исполнить оговоренные ранее «гарантии», было воспринято Ильиным как предательство со стороны Эрта, тем более что впоследствии Эртом продвигал весьма сомнительных личностей из среды русских эмигрантов.

В письме к Е.К. Миллеру от 24 декабря 1934 г. А.А. фон Лампе, обиженный на Ильина, упоминал: «Надо признать, как это не горько, что И.<льин> вышел из строя... Началось все с моего ареста и его допроса. Его это и напугало, и выбило из колеи. <...>. Последующие события доконали И.<льина>. Он человек очень личный и очень расчетливый. Он работал с министерством пропаганды и творя общее дело сближения с немцами, творил свое дело по материальному своему устройству¹⁴⁰. Но тут он проиграл дело полностью. Его начальник, им же созданный, его же и предал на поругание... (началось с доклада Дурова...)»¹⁴¹. В своем докладе, который был прочитан в стенах РНИ, некто Дуров, имевший «настойчивую рекомендацию», обвинял всю

---

¹³⁹ См.: *Ильин И.А. Собр. Соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938)*. С. 460.

¹⁴⁰ Вероятно, фон Лампе намекает на изначальную договоренность Ильина с А. Эртом, о которой можно узнать из письма (См.: НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 286), из которого можно узнать о двух оговоренных ранее вариантах возможной работы Ильина, из которых он отказывается от первого, желая уйти в тень, и соглашается на второй.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 56. Л. 19.

русскую эмиграцию, а на первом плане РОВС, в «поголовном масонстве верхов». Лампе, не присутствовавший на докладе, но знавший о его содержании со слов Ильина, отмечал, что это был «кошмар по глупости, но глупости злободневной», «все было махрово право и невыносимо пошло, но... но это производит впечатление»¹⁴². Последующие обвинения Ильина в «масонстве», «франкофильстве», «юдофилии» и пр., которые в качестве доносов попадали в отдел политической полиции, были восприняты философом «как поход против него чуть ли не германского правительства»¹⁴³. Хотя та же участь постигла и иных участников «группы», например, С.Д. Боткин писал в своих воспоминаниях о периоде 1933—35 годов: «В это время начали появляться русские национал-социалистические союзы под разными именованиями. К счастью, они скоро лопались, не всегда без моей помощи, т.к. они состояли по большей части из скрытых большевиков или явных проходимцев и провокаторов. Но они ладили с мелкими немецкими партийцами и вместе с ними всячески вредили русскому делу. Благодаря им и другим разным русским провокаторам, хоть принадлежащих иногда к хорошим семьям, но совершенно опустившимся, была поднята целая газетная кампания против моего учреждения и меня. Главное обвинение сводилось к тому, что мое учреждение и я находимся под влиянием масонства и помогаем, будто бы больше всего русскому еврейству»¹⁴⁴.

После увольнения из РНИ Ильин отправился в Белград, откуда им и были отправлены письма к Метнеру и Шмелеву, содержание которых вполне повторяет то, о чем писал в декабрьском письме к Миллеру фон Лампе: «И.<льин> же категорически заявил, что он отходит и “совершенно устраняется от той установки, на которой стоял 12 лет”. Мы не видим никакой логики в таком решении, кроме... личной обиды

---

¹⁴² ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 55. Л. 14.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ ДРЗ. Ф. 33. Оп.2. Ед. хр. 1. Л. 117.

и личного разочарования»¹⁴⁵. Помимо личного разочарования, все же стоит отметить, и полное разочарование в возможностях для ведения дальнейшей работы на благо русского дела в Германии, а также накопившееся желание работы над задуманными философскими трудами. Намного позже в письме к Ильину от 15 декабря 1940 г. П.Б. Струве писал: «Мы часто вспоминаем вас обоих, и иногда я ставлю Вас лично в пример — политической проницательности и добросовестности к людям, способным все-таки понимать и оценивать если не вещи и события в их существе, то хотя бы психологическую их обстановку»¹⁴⁶. Вот уж, действительно, в чем проявилась политическая интуиция И.А. Ильина, благодаря которой мыслитель вовремя «вышел из игры», но тем не менее еще на протяжении четырех лет был вынужден выживать в Германии, периодически получая приглашения в гестапо.

Сразу же после увольнения из РНИ Ильин собирался покинуть страну, по изначальному плану он намеревался переехать в Латвию, рассчитывая на помощь архиепископа Иоанна (Поммера¹⁴⁷), который был членом Рижского Сената. Но, по роковому стечению обстоятельств, 12 октября 1934 г. архиепископ Иоанн был убит, до сих пор дело о его убийстве не раскрыто, хотя стоит полагать, что оно носило политический характер. С.Д. Боткин, находившийся в Париже, куда он впоследствии переедет из Германии в конце 1935 года, в письме к А.А. фон Лампе от 23 октября 1934 г. отмечал: «От Ив.<ана> Ал.<ександровича> ни слуха, ни духа и я не знаю, в Белграде ли он еще. Я ему писал туда недели две тому назад. Если бы он уже был в Берлине скажи ему, что я тщетно жду от него известий, а также как и ты сразу подумал о нем при известии о гибели почтенного арх.

---

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 56. Л. 20.

¹⁴⁶ Цит. по: *Ильин И.А.* Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 535.

¹⁴⁷ Прославлен в лике святых Русской Православной Церковью в 2001 году.

Иоанна в Риге. Действительно какой-то злой рок: нужные и полезные люди гибнут, а всякая дрянь процветает».¹⁴⁸

О положении Ильиных в Германии после осени 1934 года стоит писать отдельно, но для сравнения отметим, что имеющий еврейское происхождение, но крещенный в православии С.Л. Франк, годом ранее чем Ильин оставшийся в Германии без официального места работы, вместе с семьей покинул пределы страны только в конце 1937 года, выехав в Швейцарию¹⁴⁹, а затем во Францию. Окончательное решение еврейского вопроса в Германии наступило лишь после прецедента известного как «Хрустальная ночь» (9—10 ноября 1938 г.). Судя по записям из дневника фон Лампе, выезд из Германии во Францию и Англию к концу 30-х гг. был уже проблематичен, так как эти страны были признаны вражескими, а любой человек намеревавшийся переехать (запрашивающий визы) туда мог быть обвинен в шпионаже и заключен в концлагерь. Также стоит отметить, что имеющий немецкое происхождение Ф.А. Степун (в отличие от Ильина по обоим родителям) был уволен из Дрезденского технического института только в 1937 году.

Список литературы:

1. *Бердникова А.Ю.* Иван Александрович Ильин // Институт научной философии. Начало. М., 2021. С. 128—143.

2. Болезнь, смерть и погребение Главнокомандующего Русской армии генерал-лейтенанта барона Петра Николаевича Врангеля в Брюсселе. Брюссель: Изд. Союза Галлиполийцев в Бельгии, 1928. 34 с.

3. *Бортневский В.Г.* И.А. Ильин и П.Н. Врангель: 1923—1928 гг. // Избр. труды. СПб, Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 492 с.

---

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 56. Л. 89.

¹⁴⁹ Подробнее см.: *Цыганков А.С., Оболевич Т.С.* С.Л. Франк в Третьем Рейхе: заметки к биографии // Человек. Т. 32. №1. 2021. С. 109–127.

4. *Волгогонова О.Д.* Бердяев. М.: Молодая гвардия, 2010. 411 с.
5. *Гессен И.В.* Годы изгнания. Париж: YMCA-Press, 1979. 268 с.
6. *Гуль Р.Б.* Я унес Россию. Т.2. Россия во Франции. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 344 с.
7. *Ермаков А.М.* Вермахт против евреев. Война на уничтожение. М.: Яуза Пресс, 2009. 416 с.
8. *Ильин И.А.* Собр. Соч. Дневник. Письма. Документы (1903—1938). М.: Русская книга, 1999. 608 с.
9. *Ильин И.А.* Собр. соч. Мир перед пропастью. Ч. 3: Аналитические записки и публицистика (1928—1941). М.: Русская книга, 2001. 592 с.
10. *Ильин И.А.* Собр.соч.: Переписка двух Иванов (1927—1934). М.: Русская книга, 2000. 560 с.
11. *Ильин И.А.* Собр. Соч. Письма. Мемуары (1939—1954). М.: Русская книга, 1999. 512 с.
12. *Ильин И.А.* Собр. Соч. О возрождении и обновлении России. Ч.1-2. М.: Институт Наследия, 2021.736 с.
13. *Ильин И.А.* Собр. Соч. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906—1954). М.: Русская книга, 2001. 560 с.
14. *Ильин И.А.* Собр. Соч. Т.9—10. М.: Русская книга, 1999. 512 с.
15. *Киш Г.И.* Гитлер и другие. М., 1934. 248 с.
16. *Нагорски Э.* Гитлерленд. Третий рейх глазами обычных туристов. М.: Эксмо, 2023.
17. *Петров И.Р.* Между антибольшевизмом и Гитлером. Уточняя биографию Ивана Ильина / Радио Свобода* (17 октября 2022) // URL: https://www.academia.edu/104561174/Иван_Ильин_Julius_Schweichert_Alfred_Normann *По решению Минюста России включено в реестр иностранных агентов
18. *Рюдигер П.Х.* Иван Ильин и фашизм // Альтернативы. 2012. № 4.
19. *Цыганков А.С., Оболевич Т.С.* С.Л. Франк в Третьем Рейхе: заметки к биографии // Человек. Т. 32. №1. 2021. С. 109—127.

20. *Шурер У.* Взлет и падение Третьего Рейха. М.: АСТ, 2015. 1216 с.

21. *Bevda O., Petrov I.* Stakeholders, Hangers-On, and Copycats: the Russian Right in Berlin in 1933. Institute for European, Russian, and Eurasian Studies — The George Washington University. Liberalism Studies Program Working Papers no. 6, April 2021.

Архивные источники:

1. ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 10.
2. ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 11.
3. ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 12.
4. ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 16.
5. ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 25.
6. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 30.
7. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 36.
8. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 51а.
9. ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 55.
10. ГА РФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 56.
11. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 59.
12. ГА РФ. Ф. 5955. Оп.1. Ед. хр. 4.
13. ГА РФ. Ф. 5955. Оп.1. Ед. хр. 10.
14. ГА РФ. Ф. 5955. Оп.1. Ед. хр. 12.
15. ДРЗ. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1.
16. НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 43.
17. НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 44.
18. НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 45.
19. НБ МГУ. ОРКиР. Оп. 5. Ед. хр. 47.
20. НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп.5. Ед. хр. 48.
21. НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 174.
22. НБ МГУ. ОРКиР. Оп. 5. Ед. хр. 239.
23. НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 282.
24. НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 286.
25. НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 315.
26. НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 337.
27. НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 7. Ед. хр. 6.
28. НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 7. Ед. хр. 91.

29. GStA PK. I. HA, Rep. 76Vc «Preußisches Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung», Sekt. 2, Tit. XXIII, Lit. A, Nr. 134 «Russisches Wissenschaftliches Institut».

30. LAB, Rep. 42 «Amtsgericht Charlottenburg», Ace. 2147, Nr. 27158.

Сведения об авторе:

Вакулинская Александра Ивановна — кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии Российской академии наук, e-mail: sashavakulimskaya@gmail.com

About the author:

Vakulinskaya Alexandra Ivanovna — phd, researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, e-mail: sashavakulimskaya@gmail.com

Лисица Ю. Т.
Lisitsa Yu. T.

ГЛАВНЫЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ И. А. ИЛЬИНА (НОМО SPIRITUALIS VS НОМО SAPIENS)

THE MAIN FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF I. A. ILYIN'S PHILOSOPHY (НОМО SPIRITUALIS VS НОМО SAPIENS)

Аннотация: главные научные результаты русского ученого-юриста и религиозного философа Ивана Александровича Ильина следующие.

Первым и самым сложным вопросом, который решал И. А. Ильин — это соотношение права и силы и предложенный им прием «методологического плюрализма», в частности, ирреального права, как правовой нормы, и реальной силы, как правового полномочия. Решение этой проблемы проливает свет на такие конкретные явления, как суверенитет и международное право.

Вторым достижением Ильина является его философское учение о смысле, как предмете философии. В качестве следствия Ильин вскрывает духовный смысл права. Открытие Ильина привело его к понятию *обстояния* — вне онтологической категории философии.

Третьим его научным результатом является учение о правосознании и трактовка правосознания, как правовой совести. Эта проблема непосредственно связана с определенной у Ильина моральной и нравственной философией — различение права, морали и нравственности.

Четвертым достижением нравственной теории Ильина является решение им трудной проблемы «О сопротивлении злу силою», то есть борьбы с радикальным злом.

Пятым достижением философа является методологического внедрения в научную практику феноменологического

метода Эдмунда Гуссерля как постижения *объективного* *обстояния*.

Шестое — это *учение о духе* (пневматология) и выделение *примата духа* над всем остальным, включая *разум* и *чувство*. Главными «инструментами» тут являются нетривиальные понятия «*сердечное созерцание*» и «*очевидность*».

Ключевые слова: право, мораль, нравственность, смысл, обстояние, дух, сердечное созерцание.

Annotation: the main scientific results of the Russian *legal scientist and religious philosopher* Ivan Alexandrovich Ilyin are as following.

The first and most difficult issue that Ilyin solved was the relationship between *law* and *force* and the method of «*methodological pluralism*» proposed by him, in particular, unreal law as a legal norm and real force as a legal authority. The solution to this problem sheds light on such specific phenomena as *sovereignty* and *international law*.

Ilyin's second achievement is his philosophical teaching about *sense* as a *subject of philosophy*. As a consequence, Ilyin reveals the *spiritual sense of law*. Ilyin's discovery led him to the concept of the *subsistence* — outside the ontological category of philosophy.

Ilyin's third scientific discovery is the doctrine of *legal consciousness* and the interpretation of legal consciousness as a *legal conscience*. This problem is directly related to the moral and moral philosophy defined by Ilyin — the distinction between *law*, *morality* and *ethical life*.

The fourth achievement of Ilyin's moral theory is his solution of the difficult problem of «Resisting evil by force», that is, the struggle against radical evil.

The fifth achievement of the philosopher is the methodological introduction into scientific practice of the *phenomenological method* of Edmund Husserl as an understanding of the *objective subsistence*.

The sixth is the *doctrine of the spirit* (pneumatology) and the emphasis on the *primacy of the spirit* over everything else,

including reason and feeling. The main «tools» here are the non-trivial concepts of «*heartfelt contemplation*» and «*evidence*».

Keywords: law, morality, ethical life, meaning, subsistence, spirit, heartfelt contemplation, evidence.

Творческое наследие русского ученого-юриста, религиозного философа и провозвестника *грядущей России* Ивана Александровича Ильина огромно; сейчас уже вышли в свет 33 тома его Полного собрания сочинений и на подходе еще четыре тома «Переписки Ивана Ильина и Николая Метнера» (1915—1954), которые выйдут в издательстве «Института Наследия им. Д. С. Лихачева» предположительно в следующем году.

Ясно, что изложить даже вкратце всё, что написано и создано русским философом невозможно в любом формате и на любой конференции. Поэтому я остановлюсь на нескольких «краеугольных камнях» его философской доктрины, включающей научные открытия и достижения Ильина как ученого-юриста, а также на особенностях его философии, метода и главных предметов его внимания, или, точнее, его *интенции*.

Но прежде очерчу ту среду или ту атмосферу, в которой живет и дышит сам философ и в которой надлежит быть читателю, чтобы по достоинству оценить важность и значение работ Ильина и его личности.

Легче и лучше всего это обрисовать словами названий глав его фундаментальной книги «Путь духовного обновления» (1935—1937): «Вера», «Любовь», «Свобода», «Совесь», «Семья», «Родина», «Национализм», «Правосознание», «Государство», «Частная собственность». Немецкий вариант этой книги, вышедший позже в 1939 году в Швейцарии, назван по-другому: «Вечные основы жизни» и касается всего, сказанного выше. Еще более пространно выразил это «*духовное пространство*» католический священник Вольфганг Офферманнс в своей книге об Ильине и его философии «“Человек обрети значительность!”¹⁵⁰ Дело жизни русско-

---

¹⁵⁰ «Mensch, werde wesentlich!» – цитата из немецкого поэта-

го религиозного мыслителя Ивана Ильина — обновление духовных основ человечества» (1979). *In magnis et voluisse sat est* (лат.) — в великих делах и одного желания достаточно — Секст Проперций (50 г. д. н. э. — 15 г. н. э. Элегии. II, 10, 6). Это — во-первых.

Во-вторых, на какие способности человека опирался Ильин, предполагая найти понимание и осуществления, как он выражался, «Божьего Дела на земле»? Это был образ Божий в человеке и дары Божие, такие как «ум», «воля», «память», «чувство», «совесть», «вкус» и стремление человека к «Совершенству», то есть обретения подобия Божия. Но все это само по отдельности и вместе взятое не имело бы ценности и цельности, если бы не руководилось главным в человеке его *духом* и не *одухотворялось*, а человек не *обожился*: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5, 48) — был его призыв, взятый Ильиным из Евангелия и часто повторяемый им во многих своих произведениях. Так что для Ильина *примат духа* над всем остальным является *основным*, но в центре человека, несомненно, находятся «сердце» и «сердечное созерцание». «Цельность веры не достижима для воли и ума, — писал Ильин, — но достижима для *сердца* и *сердечного созерцания*. Ибо на самом деле человеку достаточно воззвать своим сердцем к Богу — непосредственное единение начнется. И нет того мига в жизни человека, когда Божий луч, Божьим изволением направленный к человеку, не достиг бы его души»¹⁵¹. Молитва, исповедь, причастие есть непосредственное соединение с Богом. Поэтому человек — не только *Homo sapiens* — *человек разумный*, но в большей степени *Homo spiritus* — *человек духовный*.

В-третьих, характерные и часто употребляемые термины и выражения для Ильина были «сердечное созерцание», «очевидность», «предметность», «творческое сомнение», «обстояние», «оказательство», закон «минимального

мистика Ангелуса Силезиуса (1624–1677).

¹⁵¹ Ильин И. А. «Аксиомы религиозного опыта». Т. 1. М., 2002. С. 164.

сочетания», «трезвый оптимум». Есть у него постоянная тема *одиночества* как модуса (тропоса) жизни человека: «Каждый из нас, несмотря на постоянное, повседневное, — сознательное или бессознательное общение, совершает свою жизнь от рождения до смерти в *глубоком и неизбывном одиночестве*. Об этом одиночестве отрадно забывать; но его необходимо помнить — человек рождается первым своим криком — одиноким существом, и последний вздох его жизни также *одинок*»¹⁵². Есть даже названия его работы «Одинокый художник», которое расширяет это понимание одиночества для каждого творческого человека на нашей земле. И, по словам его супруги Наталии Николаевны Вокач-Ильиной в ее магистерской диссертации «Одиночество и общение» (1916), проблема одиночества является «проблемой космического масштаба; *«человек человеку есть духовно-душевно-телесное инобытие»*¹⁵³. Эта личная трагедия для каждого человека преодолевается, если так здесь можно сказать, *общением*, но не на эмпирическом, не на психологическом уровне, а только на *духовном*, когда «оба инобытия», «обе инаковости» стоят перед лицом Божиим: «Задача духовного общения состоит в том, чтобы установить *единый духовный предмет общения* и создать вокруг него *объективный духовный опыт*, принадлежащий *каждому* из участвующих в общении людей; в этом совместном духовном опыте раскрытие объективного предмета должно совмещаться с раскрытием индивидуальной сущности каждой души, творящей общение, и объединение двух в совместном постижении и приятии единого должно быть вместе с тем их взаимным постижением и приятием. <...> Этот предмет всегда один и тот же — это дух, единый и всеобщий; та отдельная частица мира, которая в духовном общении сосредоточивает на себе внимание общающихся, является для них лишь одним из воплощений

---

¹⁵² Там же. С. 21.

¹⁵³ Там же. С. 20

единого мирового начала, т. е. сразу становится перед лицом Божиим»¹⁵⁴.

В-четвертых, образно — всё цельное по исполнению научное и философское творчество Ильина можно было бы уподобить *голограмме*: «Каждый осколок разбитой на несколько частей фотопластинки с голограммой продолжает содержать изображение всех снятых объектов», только вместо «фотопластинки» нужно представить себе «все монографии, книги, брошюры, статьи, письма, воспоминания, рукописные допросы и ответы философа в ЧК-ОПГУ, в Гестапо и в органах Швейцарской власти».

И наконец, всё наследие Ильина имеет редкий и присущий только Ильину стиль: имеются частые, но уместные повторы (иногда с вариациями), своеобразные *рефрены* почти во всех его работах, как и многочисленные отсылки к своим предыдущим книгам, брошюрам и статьям, например, начиная с первой его максимы в брошюре 1915 года «Духовный смысл войны»: «Жить стоит только тем, за что сто́ит и умереть», краткой, но понятной и верной, которую он повторял более десяти раз и часто в новом нужном месте, и в новой ситуации, иногда сохраняя первоначальную свою мысль, иногда разворачивая ее подробно, например, на вопрос: «Но что же именно заслуживает ее <веры. Ю. Л.>? Во что стоит верить? Есть ли здесь какой-нибудь верный и убедительный критерий? Вот ответ. *Жить стоит только тем и верить сто́ит в то, за что сто́ит бороться и умереть; ибо смерть* есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний»¹⁵⁵. Или такой ильинский девиз: ««*primum esse, deinde agere, postremo philosophari* — вначале быть, потом действовать и лишь затем философствовать»¹⁵⁶, который наблюдается во всем его творчестве.

---

¹⁵⁴ *Вокач-Ильина Н.* «Одиночество и общение». См. *Ильин И. А.* Собрание сочинений. «Философия как духовное делание». М., 2013. С. 649–650.

¹⁵⁵ *Ильин И. А.* Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 1. М.: 1993. С. 52.

¹⁵⁶ *Ильин И. А.* Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 3. М.: 1994.

Иногда я слышал, как Ильина называли «философом здравого смысла»; часто ошибочно, но уверенно утверждали, что он «гегельянец»; иногда даже, что он «кантианец». Можно условно, но уверенно сказать, что Ильин был гуссерлианцем раннего периода Эдмунда Гуссерля, у которого он во время своей научной командировки (1911—1912) в Геттингенском университете и общения с Гуссерлем на лекциях и вне их позаимствовал так называемый «феноменологический метод». Однако вскоре Ильин понял, что все великие философы и богословы всегда пользовались этим методом: «Для таких вопросов¹⁵⁷, которым несть числа в логике и вообще во всех философских областях, — за последнее время стал вырабатываться так наз. “феноменологический” метод, сущность которого (в корне своем он стар, как сама философия) состоит, говоря в двух словах, в следующем правиле: “анализу того или другого предмета должно предшествовать интуитивное погружение в переживание анализируемого предмета”»¹⁵⁸. Ярче всего этот метод выразил преп. Максим Исповедник: «Когда я познаю Бога, я отвлекаюсь от всего тварного». У Гуссерля это было формально: «вынесение за скобки всего отличного от предмета», у Ильина «забвение всего, кроме интенции на сам предмет». На самом деле Ильин был, если так можно высказаться, философом «трезвого оптимума»; по его же словам, «наилучшее из осуществимого (*трезвый оптимизм!*)»¹⁵⁹. И расшифровывает это так: «Трезвый и умный “оптимум” (наилучшая возможность! наибольшее из осуществимого!) всегда учитывает все реальные возможности данного народа, данный момент

С. 78.

¹⁵⁷ Называемых мною “круглых” вопросов, т. е. таких, пограничная оболочка которых до незацепимости гладка и до возвращения к исходному пункту незацепима. (*примеч. И. А. Ильина*).

¹⁵⁸ См.: ЦГАЛИ (письмо к Гуревич Л. Я. от 12 авг. 1911 г.), ф. 131, оп. 1, ед. хр. 131, л. 6. См. также *Ильин И. А. Собрание сочинений. Дневник. Письма. Документы (1903–1938)*. М.: 1999. С. 51.

¹⁵⁹ Ильин И. А. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 2. М.: 1993. С. 158.

времени, наличные душевные, хозяйственные, военные и дипломатические условия. Этот оптимум должен быть исторически обоснованным, почвенным, зорко рассчитанным, — *реализуемым*. Истинная политика — сразу *идеалистична и реалистична*¹⁶⁰.

Итак, вот те научные открытия и достижения Ильина как ученого-юриста и оригинального философа, на которых я остановлюсь сегодня.

Первая научная работа еще молодого Ильин, студента Императорского Московского университета, «Понятия права и силы (Опыт методологического анализа)», опубликованная в главном российском научном журнале «Вопросы философии и психологии», № 21, 38 с. (1910), которая вышла тут же в виде отдельной брошюры и через два года была опубликована на немецком языке в Берлине, в которой рассматривается «самая трудная и сложная в истории научной мысли» проблема соотношения права и силы: «сила права» vs «права силы» или «бессильное право» vs «бесправной силы». В этой работе выдвинута оригинальная точка зрения «методологического плюрализма» (взамен бытовавшего в то время «методологического монизма») в изучении фундаментального понятия «права», раскладывающая его на такие методологические ряды, которые включают категории «воли», «интереса», «принуждения», «действия», «порядка», «свойства», «отношения», «власти», «возможности», «свободы» и др. Открываются такие различные планы рассмотрения «права», как юридический, логический, эмпирический, психологический, социологический, политический, метафизический и исторический. Именно в этой работе Ильин ставит очень важную и сложную задачу юриспруденции, право-познания, правоведения, философии права, истории политических учений, а позже и своего учения о правосознании. Это — проблема соотношения права и силы, их сближение и разъединение, их природа и статус, их правда и кривда, что всегда волновало юристов,

---

¹⁶⁰ Там же. С. 159.

философов, политиков и даже простых людей. Не случайно всем известны ходячие, но неверные и вредные поговорки: «у кого сила, тот и прав», «победителей не судят», «король прав или неправ — всегда прав». Ильин считал: «Самые понятия права и силы принадлежат к числу самых трудных и сложных в истории научной мысли вообще. Сказать что-нибудь исчерпывающее об этих понятиях является до сих пор делом недостижимой трудности и может вообще показаться, что проблема их соотношения должна быть отнесена к числу так называемых „проклятых“ проблем»¹⁶¹. Существует ли конфликт между правом и силой? Что ценнее — право или сила? Право ли есть цель, а сила — средство, или наоборот? Возможно ли вообще рассматривать право, как силу? Сила является родовым понятием, а право — видовым? Может ли правовая норма получить значение силы и может ли правовое полномочие получить значение силы? Ильин в последней, седьмой, главе своей статьи отвечает так: «Мы пришли к выводу, что обычный вопрос: “право — есть сила или не есть сила?” должен быть для решения изменен в самой своей постановке. Нельзя сказать: “Право есть сила” или “право не есть сила”, т. к. оба ответа можно понять в смысле реального совпадения или несовпадения обоих моментов. Именно методологический подход к проблеме развертывает ее во всем ее значении и указывает путь к ее решению. А этот подход ставит вопрос уже иначе: “Может ли право рассматриваться как сила и не может ли оно рассматриваться как не допускающее сближения с силой?” Ответить на вопрос, поставленный так, значит, по нашему убеждению, развернуть применительно к нему учение о методе в правоведении, мало того, значит коснуться в методологическом анализе всех областей правоведения, как такового, и попытаться вскрыть в них возможные и состоявшиеся сближения этих понятий с точки зрения

---

¹⁶¹ Ильин И. А. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 4. М., 1994. С. 8. 4.

их методологической допустимости и недопустимости»¹⁶². «Понятие “силы”, как бы оно не определялось, лежит всегда в реальном ряду, имеет всегда онтологическое значение, тогда как понятие “права” может и не находиться в реальном ряду, может не иметь в числе своих предикатов признака бытия. Под “силой” всегда понимается способность реального к действию. Сила есть всегда способность, составляет ли она самую сущность вещи, или только свойство ее, или играет роль рассудочной категории: с понятием силы всегда связывается представление о некоторой способности, или остающейся в чисто потенциальном состоянии, или уже осуществляющейся»¹⁶³. Сила всегда связана с законами бытия. Право относится к законам должествования. Ильин придерживался так называемого «нормативного права»: право для него — это «правовая норма». «Норма» же есть «суждение», т. е. утверждение или отрицание чего-либо об объектах или субъектах, признаках или отношениях объектов, или субъектов. Законы бытия неизменны, а законы должествования могут и не выполняться. Правовой же норме присуще *другое* постоянство: при нарушении правовой нормы человек всегда будет *не прав* и его неправоту ничем нельзя устранить, кроме в той или иной форме наказания. «Праву в его зрелом и развитом виде свойственно иметь вид нормы, т. е. тезиса, выраженного в словах и устанавливающего известный порядок внешнего поведения, как имеющий юридическое значение (например, позволенный, предписанный или воспрещенный). Правовая норма предстает человеческому уму не просто в виде связного грамматического предложения; за ее словами скрывается всегда определенное содержание, из которого и видно, что она есть правило поведения, а не описание единичного факта и не формула позитивного закона, говорящего о том порядке, который осуществляется в действительности. Это содержание выражается в правовой норме, как продуманное мыслью

---

¹⁶² Там же. С. 43.

¹⁶³ Там же. С. 14.

определенное, так, что за каждым словом грамматического предложения скрывается логическое понятие со своим особым содержанием. Правовая норма по самому существу своему сочетает всегда два, более или менее сложных, понятия: предписанного, дозволенного или воспрещенного поведения и понятие человеческого субъекта, образ действия которого этим регулируется. Отсюда необходимость предметного логического и нормативного рассмотрения права. Предметное чтение и изучение правовой нормы отправляется от признания того, что каждая норма, как логический тезис и как правило поведения, имеет свое объективное содержание, заданное к точному и адекватному уразумению. В качестве тезиса, связующего два понятия, правовая норма стоит в ряду смыслов, непосредственно подчиненных закону тождества и закону противоречия и подлежащих поэтому формально-логическому рассмотрению»¹⁶⁴. Мы даже не замечаем, как часто мы повторяем эту формулу, когда нас спрашивают: «Как дела? Как жизнь?» и мы отвечаем: «Нормально!», то есть «как должно».

Сердцевина проблемы состоит в том, что существуют различные методологические ряды, образно сказать, *места*, — хотя часто это не пространственная и даже не онтологическая локация, а порой и безобразная штука, — в которых сила не «присутствует». Например, — в месте «обнаружения» такой важной вещи как «суверенитет». Знаменитая фраза Бориса Ельцина: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» печально для нас закончилось «*парадом*» (!) *суверенитетов*. И сейчас наши политики часто употребляют этот важный термин «суверенитет»: «государственный суверенитет», «политический суверенитет», «национальный суверенитет», «экономический суверенитет», «народный суверенитет», «культурный суверенитет», «информационный суверенитет» и т. д. Интересно, до конца ли они понимают смысл этого термина и правильно ли употребляют его? А проблема не простая,

---

¹⁶⁴ Там же. С. 40.

и в своей первой научной работе Ильин обратил на это внимание: «Конечно, власть может и не иметь правовой санкции, но именно постольку она не будет категорией правоведения. Власть есть сила, санкционированная правом; это как бы объективировавшаяся и застывшая правовая сила *par excellence*. И вот именно это пограничное положение понятия власти делает его причастным двум различным методологическим рядам — юридическому и реальному. Поэтому с той точки зрения, которую мы пытаемся провести, понятие власти должно быть разложено на две составные части и каждая часть должна быть отнесена в соответствующий ряд: тогда юрист будет говорить о власти — в нормативном ряду как о полномочии на властвование, а с логической точки зрения — изучать это полномочие на властвование как суждение, и как понятие, выводимое из суждения или суждений; а психолог, социолог и политик будут разуметь под властью силу, санкционированную правовыми нормами. Вот почему, напр., те определения государства, которые приписывают ему *не полномочие* на властвование, а *власть*, а также те определения понятия *суверенитета*, которые конструируют его как *реальное свойство*, или как *не-что делимое*, или как *известный вид власти*, должны быть критически пересмотрены в методологическом отношении, ибо они вводят в ирреальный ряд реальную категорию силы»¹⁶⁵.

Аналогичные ошибки людей в определении государства и государственной власти часто приводят к роковым последствиям. Ильин предупреждал об этом в своей работе «Общее учение о праве и государстве» (1915): «Тот, кто говорит о государстве, говорит о праве, ибо государство есть правовой союз; право есть как бы тот воздух, которым дышит государство. Государство есть союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти. Не следует, однако, представлять себе государство как единство,

---

¹⁶⁵ Там же.

состоящее где-то над множеством людей, вне этого множества; государство не возносится над своими членами в виде чего-то чужого и постороннего им. Тот, кто так представляет себе государство, *смешивает государственный союз с государственной властью*, хотя, конечно, и государственную власть не следует представлять себе, как помещенную вне союза»¹⁶⁶. Для целостности государства Ильин сознательно выводит за скобки из своего учения о праве и государстве такое знакомое ему и всем нам понятие как «гражданское общество», восходящее еще к Гегелю в его триаде «семья», «гражданское общество», «государство», — для того, чтобы избежать *ложного* противостояния в мнимом дуализме «государства» и «гражданского общества». И уж такие большевистские определения государства как «государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим»¹⁶⁷ были для Ильина чуждыми и безграмотными; таким же ему показался бы популярный сейчас политический термин «глубинное государство»; он ввел более точный термин — «мировая закулиса».

Вторая важная проблема, на которую Ильин указал научному юридическому обществу еще в 1915 г. и развил ее в 1918—1919 гг. в своей книге «О сущности правосознания», — это «проблема международного права». «Особое положение, — писал он, — занимает наука международного права. Международное правоотношение возникает между властвующими союзами (государствами), и поэтому некоторые ученые относят и самое правоотношение, и норму, и науку — к области публичного права. Однако государства нередко выступают в международном правоотношении как равные стороны, связанные правом (нормами, установленными в договорах), но не уполномоченные к власти друг над другом; поэтому другие ученые предлагают отнести и самые правоотношения, и нормы, и науку к области частного права. Ввиду того, что международное право еще

---

¹⁶⁶ Там же. С. 115.

¹⁶⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 39. С. 73.

не окрепло и не сложилось окончательно, вопрос этот остается открытым»¹⁶⁸. Сейчас все мы переживаем эту проблему очень остро, если не сказать катастрофично.

Причину и проблему эту Ильин предвидел еще в 1918 г.: «Столкновение народов есть, на самом деле, не просто столкновение исключаящих друг друга корыстных посягательств, как думают нередко и “трезвые” обыватели и “мудрые” политики; это есть, по существу своему, столкновение естественных прав, требующих своего признания и нормативного регулирования. А так как естественное право остается всегда правым притязанием духа на достойную жизнь, то решение этого столкновения посредством силы есть явление духовно-протиестественное, ибо дух опирается не на “силу” вещей или обстоятельств, или оружия, а на свое достоинство и на правомерность своего притязания. *И война служит для того, чтобы разуверить ослепленных до неистовства людей в возможности решить спор духовных притязаний посредством грубой силы.* Столкновение прав есть спор о праве, а спор о праве может быть разрешен только на путях правовой организации и должен быть разрешен на основе естественного права. Поэтому борьба за международное право должна вестись именно не оружием, а на путях международной организации; и *духовное назначение войны именно в том, чтобы убедить людей в достоинстве и необходимости этого пути.* Вот почему патриотизм, вскормленный духом и сроднившийся с нормальным правосознанием, не может видеть в войне верного способа бороться за право. Любить свою родину не значит считать ее единственным средоточием духа, ибо тот, кто утверждает это, — не знает, что есть дух, и не умеет любить и дух своего народа. Нет человека и нет народа, который был бы единственным средоточием духа, ибо дух живет во всех людях и во всех народах. Не видеть этого значит быть духовно-слепым, а потому быть лишенным и патриотизма, и правосознания. Этот путь духовного ослепления есть поистине “вне-этический” путь,

---

¹⁶⁸ Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 4. С. 115.

чуждый настоящей любви к родине; ибо истинный патриотизм есть любовь не слепая, а зрячая, и парение ее не чуждо добру и справедливости, но само есть одно из высших нравственных достижений»¹⁶⁹. Здесь Ильин фактически определил «духовный смысл войны» и высказал предвидение о создании Лиги Наций, а позже ООН, которые действительно появились, но все-таки себя в целом не оправдали. Ильин прямо отрицал то, что сейчас называют «однополярным миром», — связал то, что мы сейчас называем «многополярным миром», с естественным правом. Но проблема осталась не решенной. Более того, ни одно государство не в состоянии сейчас даже артикулировать правильную идею международных отношений. Например, «государства должны вести себя не как индивиды, а как личности: уважая и признавая “инаковость” другого государства». Западные правоведы на такую мою идею ответили мне так: «Мы не готовы к такому уровню государственных отношений, и мы еще не исчерпали до конца идею государства как *индивида*», заботящегося только о своих интересах и не учитывающего интересы других стран. Заметим, что верная критика современного неолиберализма упирает именно на гипертрофию индивидуализма, опуская, а может быть, и теряя критику и духовную трактовку важнейшего понятия свободы (откуда и искаженно воспринятое либерализмом название). Потерять свободу из-за ее искажения современным либерализмом было бы большим несчастьем для человека. Весьма глубокие вещи о свободе высказаны Ильиным в его книге «Путь духовного обновления», в третьей главе «О свободе»¹⁷⁰.

Теперь о втором достижении Ильина: «смысле» как *предмете* философии по преимуществу. *Смысл* лишен (чужд) какого бы то ни было бытия, *онтологического* статуса: он объективен, но не существует, а «*значит*», имеет значение (*gilt*), *обстоит* (*bestehen*), а объективные обстоятельства

---

¹⁶⁹ Там же. С. 257–258.

¹⁷⁰ Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 3. М.: 1994. С. 88–109.

(Sachverhalt) суть смыслы, познаваемые «феноменологическим методом». Ильин выделяет десять категориальных специфичностей смысла: его «сверхвременность», «сверхпространственность», «сверхпсихичность», «идеальность», «объективность», «тождественность», «всеобщность», «мыслительный акт», «абстрактность», «сверхчувственность», «безобразность», «понятийный строй». Образно, хотя и не точно, «смысл» Ильин вначале предлагает своим студентам в 1912—1913 г. представить так: «Можно для помощи себе условно допустить, что он формулирован в таком случае Божескою мыслью (пока не привыкнем к полной объективности смысла). Можно это соотношение эмпирического бытия и его смысла представить так поэтически: смысл скрыт в вещи, как бы свет. Скрытый от глаз и томящийся, чтобы его раскрыли и дали ему засиять в достойной его форме — научного понятия и суждения, научной истины. Смысл (опять метафора) всегда присутствует в вещи как его лучшая возможность, как лучший способ жизни, как ее идеал и цель»¹⁷¹. Интересно поразмышлять в этом плане о «*смысле России*». Это учение Ильина о смысле занимает в общей сложности 319 страниц: два курса лекций и книгу «Религиозный смысл философии»¹⁷².

На тему «смысла» у Ильина и Николая Метнера в переписке возникло много недопонимания и многолетнего спора. В своей книге «Муза и Мода», вышедшей на русском языке в Издательстве «Таир» в 1935 году, Метнер многократно употребляет свой термин «музыкальные смыслы». Ильин по просьбе жены Метнера Анны Михайловны стал переводить эту книгу с русского на немецкий язык и «застопорился», как ни странно, на этом термине. После долгих раздумий Ильин в немецком тексте делает несколько своих постраничных сносок, одна из которых проливает свет

---

¹⁷¹ Ильин И. А. Собрание сочинений. Философия как духовное делание. М., 2013. С. 134.

¹⁷² Ильин И. А. Собрание сочинений. Философия как духовное делание. М., 2013. С. 49–201, 229–322, Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 3. М.: 1994. С. 17–88.

на этот термин смысл: «В области духовного опыта вообще и, в частности, эстетического опыта, в нашем языке [имеется в виду немецкий. — Ю. Л.] часто не хватает подходящих слов и обозначений. Автор [Николай Метнер. — Ю. Л.] использует здесь русское слово “смысл”, которое по логике примерно соответствует немецкому слову “Sinn”. Но в русском языке это слово выражает гораздо больше: “смысл” также обозначает скрытую разумность и высокую цель живого творчества; “смысл” указывает на фундаментальную необходимость определенных элементов в построении формы жизни. Если эти разумные и необходимые элементы формы искусства в порядке, они оказывают творческое воздействие, художественный продукт приобретает смысл и достигает своей цели. Этих придающих смысл элементов в музыке несколько; вот почему автор говорит во множественном числе. После долгих поисков и размышлений я выбрал выражение “конструктивные элементы, придающие смысл”, или сокращенно “конструктивные элементы смысла”, и прошу читателя согласиться с этим выражением»¹⁷³.

Главное то, что из своей *теории смысла* Ильин вскрывает *духовный смысл* права, его цель, его назначение и открывает важную истину: «Право есть прежде всего право человека быть независимым духом, право бытия и право свободы, право самостоятельно обращаться к Богу, искать, находить, исповедовать и осуществлять узренное и предпочтенное совершенство. Одним словом, право есть атрибут духа, его способ жизни, его необходимое проявление»¹⁷⁴. И ключевой ильинский термин «правосознание» как «переживание права», как «правовая совесть», как «способность не столько человека разумного, сколько человека духовного».

---

¹⁷³ Из неопубликованного перевода на немецкий язык «Музы и Моды». См. в «Переписке Ивана Ильина и Николая Метнера» Приложение «Муза и Мода» с дополнительными примечаниями Ильина.

¹⁷⁴ Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 4. М.: 1994. С. 231–132.

В девятой главе «Основа здорового правосознания» своего учения о правосознании в книге «О сущности правосознания» (1918) Ильин говорит, что есть здоровое правосознание. Оно есть нечто более широкое и глубокое, чем «сознание», как таковое. Заметим, что в английском языке нет адекватного понятия и оно переводится с русского как «legal consciousness», букв. «легальное сознание». «В правосознании, — пишет Ильин, — участвует не только “знание” и “мышление”, но и воображение, и воля, и чувство, и вся человеческая душа. Недостаточно верно знать свои правовые полномочия, обязанности и запретности; бывают люди, которые отлично знают их и постоянно злоупотребляют этим знанием для того, чтобы превысить свои полномочия, преуменьшить свои обязанности и сложить с себя запретности. Необходимо не только знать все это, но и признавать в порядке самомнения и, признавая, иметь достаточную силу воли для того, чтобы соблюдать признанное. Надо обратиться к своему инстинкту и приучить его к “законопослушности” или “лояльности”, а это удастся только тому, в ком живет духовность инстинкта, достаточно сильная и определенная, чтобы усвоить духовный смысл права, его цель и его назначение»¹⁷⁵. Далее Ильин подробно излагает свою собственную теорию о *сопращении* духа и инстинкта человека и считает, что «Напрасно думать, будто *дух* и *инстинкт* враждебны друг другу: будто они не совместимы и находятся в вечной борьбе. Это не соответствует действительности. Конечно, бывают люди, почти не живущие духом, безразличные к духовному началу и духовным содержаниям; они живут духовно-безразличным инстинктом, которому и следует вся их деятельность. Но и у них дух может внезапно загореться в глубине инстинкта и привести их к необычным для них проявлениям совести, молитвы, художественно верного выбора, чувства права или справедливости, милосердия, щедрости и любви.

---

¹⁷⁵ Там же. С. 230.

А задача верного воспитания состоит именно в том, чтобы с детства пробудить в человеческом инстинкте духовное начало и притом не в смысле дисциплинарно навязанного обыкновения, а в смысле *свободной радости и свободного предпочтения*. Где-то, в глубине бессознательного, живет священная способность человека отличать *лучшее* от *худшего*, предпочитать именно лучшее, радоваться ему, желать его и любить его. С этого и начинается духовность человека, в этом и состоит жизнь духа. При этом, говоря о “лучшем”, надо понимать не субъективно-приятное или удобное, а объективно-совершеннейшее, в смысле художественном, нравственном, социальном и религиозном. Человеку дано от Бога и от природы некое инстинктивное чувствилище для объективно-лучшего; и воспитать ребенка, значит пробудить и укрепить в нем на всю жизнь его инстинктивное чувствилище. В искусстве это называется художественным чутьем или “вкусом”, в нравственности — совестью, или чувством справедливости, или еще органической добротой души; в науке — чувством истины или, иногда, очевидностью; в религии — жадой Совершенства, молитвою или, иногда, Богосозерцанием; в общественной жизни это выражается в здоровом и крепком правосознании. Поэтому правосознание можно было бы описать, как естественное чувство права и правоты или как особую духовную настроенность инстинкта в отношении к себе и к другим людям. Правосознание есть особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей; отсюда и основные аксиомы правосознания: чувство собственного духовного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению, и взаимное уважение и доверие людей друг к другу. Эти аксиомы учат человека самостоятельности, свободе, совместимости, взаимности и солидарности. И прежде всего, и больше всего — духовной воле. Можно было бы сказать, что правосознание есть инстинктивная воля к духу, к справедливости и ко всяческому добру.

Но именно поэтому — живой корень его надо искать в религиозном чувстве и в совести»¹⁷⁶.

Ильин приводит и исследует подробно *три аксиомы правосознания*:

1) чувство собственного духовного достоинства и его проявления: уважение к себе, начало чести и духовного измерения жизни;

2) способность к волевому самоуправлению, — и ее проявления: принципиальность, убежденность, самостоятельность, дисциплина и долг;

3) взаимное доверие и уважение — гражданина к гражданину, гражданина к власти и власти к гражданину¹⁷⁷.

При этом подчеркнем, что под словами «аксиомы правосознания» Ильин понимает следующее: «Аксиомы правосознания суть его основные *истины*, которым в жизни соответствуют основные *способы бытия, мотивирования и действия*. Всюду, где есть правосознание, там имеются налицо эти способы жизни; и чем зрелее правосознание, тем эти способы жизни оказываются сознательнее, устойчивее и, в качестве мотивов, сильнее и чище. Чем духовнее человек, тем вернее он законам своего духа; так что эти универсальные законы или способы жизни являются одновременно — и конститутивными формами человеческого духа, и, в их чистом и целостном виде, его нормами. Человек живет по этим законам даже и тогда, когда духовность вспыхивает в нем случайно, слабо или бессознательно; тогда он осуществляет их искаженно, нецелостно, смутно и беспомощно. Но в одухотворенной душе эти способы жизни и действия превращаются в главные и единственные; и тогда они слагают привычный и устойчивый уровень человека, — его атмосферу, его характер, иногда незаметный и для него самого, и для других. Законы духа образуют, тогда как бы художественную форму души, неотрывную от всех ее содержаний; эта форма незримо присутствует в каждом движении

---

¹⁷⁶ Там же. С. 230–231.

¹⁷⁷ Там же. С. 289.

чувства, в каждом решении воли, в каждом проявлении и действии человека; душа как бы цветет и расцветает по законам духа, ибо они стали ее собственными законами. Нормы как бы становятся реальными способами жизни и правосознание достигает своей законченной зрелости. Такими аксиомами правосознания являются: закон духовного *достоинства*, закон *автономии* и закон *взаимного признания*¹⁷⁸.

Отметим только одно — эти три простые и понятные аксиомы, очевидные для каждого вменяемого человека, но можно ли привести пример в настоящее время на нашей Земле страну или народ, которые живут согласно этим простым аксиомам-истинам?

Представляя *правосознание* как *правовую совесть*, Ильин находит непосредственный переход и связь между юриспруденцией и этикой, между правом и моралью, а затем между моралью и нравственностью. Поскольку в основании нормы, права лежит некоторая *ценность*, то возникает естественная задача нахождения критерия такой ценности, идеала и идеи о самом верховно-ценностном и достойном, лежащем в основании этих законов должествования.

Ильин задает следующий вопрос: «Где та верховная ценность, ориентируясь на коей, ссылаясь на которую, основываясь на коей — такая-то норма формулирует такое-то правовое принудительное должествование? Не о причине эмпирической, но о трансцендентальном основании идет здесь речь. Об установлении этого верховного основания, о проверке его чистоты, высоты и верховности и о суде над *мнимыми* основаниями, неценными нормами, неверными должествованиями. Наконец: о построении *верных*, правых правовых должествований, верного естественного права. Эту верховную инстанцию, стоящую *над* правом, судящую право, требующую его обоснования (все это, конечно, лишь образные выражения) — можно искать только в той сфере, которая имеет дело с *практическим, т.е. действительным отношением людей друг к другу*. Ни теория познания,

---

¹⁷⁸ Там же. С. 309–310.

трактующая соотношения смыслов, ни эстетика, трактующая соотношение созерцательно-воображаемых величин, ни религия, трактующая отношение души к единому абсолютному средоточию, не могут установить нечто высшее, ценное и должное в отношении человека к человеку, будь-то к самому себе или к другому»¹⁷⁹. Ильин ищет ответ в сфере *этики*, рассматривая все возможные соотношения между правом и нравственностью, приходит к единственно приемлемому для него выводу, что право должно подчиняться, а нравственность господствовать и повелевать?

Итак, у Ильина выстраивается следующая естественная иерархия в нравственной философии: естественное право, мораль, нравственность. О праве как правовой норме я уже сказал выше — источником которого является естественное право, как Божественные нормы, вошедшие в цивилизационный мир, как неписанные законы поведения людей в социуме — десять заповедей, право на жизнь, труд, воспитание детей, свободе творчества и т. д. и т. п. Следующий, более высокий уровень, это *мораль* и *моральные нормы*. По его учению: «Мораль не есть высшее: ни точка зрения ее не есть высшая, ни моральное состояние души не есть состояние верховной доброты. <...> Это не значит, однако, чтобы моральное учение представляло бы теоретизацию аберрировавшей воли подобно гедонизму, утилитаризму. Моральная воля есть воля, направленная на добро и переживающая его в отрыве от хотения и независимо от него — как должное. В этом одновременно и сила, и слабость морали. Но такое, следующее долгу, моральное поступание и делание, отнюдь не есть и не проистекает из истинно доброго, истинно нравственного состояния души. Моральная правота — есть моральная легальность; моральная воля — есть воля, отколовшаяся от хотения и повинующаяся долгу. Кому не доступно высшее, чем это, состояние, — а оно бывает недоступно всем нам во многих случаях жизни, — тот пусть будет, по крайней

---

¹⁷⁹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия как духовное делание. М., 2013. С. 324.

мере, морален, т. е. пусть он заставит свои инстинктивные хотения и влечения подчиниться воле и долгу. Моральность есть, во всяком случае, подчиненное состояние, низшая ступень добродетели. Мораль есть преддверие, передняя истинного нравственного свершения: моральность есть не более, как видимо-элегантная ливрея души; но наличность ее не гарантирует нравственного качества души — ее высоты и чистоты. И всюду нетрудно найти людей, одетых в моральной ливрее и кичащихся ею: я не верю им — ибо в одежде этой нуждается не добродетель, а духовное лакейство»¹⁸⁰.

Ильин указывает на некоторую противоречивость или неосуществимость моральной цели: «Моралист сам признает, что высшее предносящееся ему состояние неосуществимо. Мы должны сказать больше: высшее предносящееся ему состояние не есть уже моральное состояние. В лучшие минуты моралист сам говорит о радостном исполнении долга, но тут же оговаривается: в силу одного того мотива, что он есть долг. Мораль учит о добре, которое, если бы оно наступило, то оказалось бы чем-то совсем иным, неожиданным, уже не моральным. Мораль ставит перед человеком задачу, требует ее строжайшего выполнения и разъясняет ему, что это выполнение невозможно. Мораль отвлекает от содержания, уходит в чистую форму долга; воспрещает мотивирующую жизнь чувства; как будто практический поступок, если он действительно нравственен — не есть деяние, вытекающее из всей души, из ее целостной доброты»¹⁸¹.

«Долг» есть ключевое слово и краеугольный камень моральности: «Добрая воля целиком должна быть проникнута уважением к долгу; настолько, что это уважение должно сделаться у нее единственным двигающим мотивом. Моральна та воля, которая свободна от всех иных мотивов воли, кроме уважения к долгу, или чувства долга. Моральный закон должен исполняться единственно из уважения к нему: тогда и только тогда воля моральна. Любить ближнего, например,

---

¹⁸⁰ Там же. С. 392–393.

¹⁸¹ Там же. С. 394–395.

следует не потому, что так велел Бог или воспитатели; не потому, что нас влечет к этому сердце; не потому, что нам подсказывает это правильно понятый эгоизм; но потому, что это велит долг, а мы чтим долг выше всего. Мы еще не знаем в чем наш долг; но знаем, что этот долг есть разумное определение, которое наш разум устанавливает и формулирует сам. Мораль — автономна и самозаконна. Сущность ее в том, что воля определяется не чем иным, как только своим собственным законом и уважением к нему. Всякое иное определение воли будет гетерономным — будет ли определяющим фактором чувство, инстинкт, Бог, право или люди»¹⁸².

Ильин снимает это противоречие учением о нравственности: «В отличие от морали и в противовес ей мы пришли, таким образом, к признанию некоторого высшего состояния души и воли, направленной на добро. Это состояние характеризуется, прежде всего, тем, что в нем нет распада и расхождения между волею и хотением. В этом подходе добро переживается не как отвлеченное, противостоящее реальной жизни, долженствование; и не как цель одной лишь воли, но как фактическая цель и воли и хотения. Разумное воление и инстинктивное хотение сливаются здесь в одном и органическом душевном устремлении к добру. Инстинкт хочет того самого, что одобряет и признает воля и что исповедует разум. И притом потому это так, что инстинкт в корне своем добр, а воля в самой сущности своей полна живого и страстного, чувствующего хотения»¹⁸³. «То, что воля признает как ценное, то хотение любит как свою цель; то, что воля полагает как свою высшую цель, в том хотение видит свою ближайшую и лучшую ценность. В этом состоянии душа действует и живет нравственно потому, что она переживает добро как самое лучшее; жить и действовать так насколько хорошо, неописуемо прекрасно, что иначе я не волю, не хочу и не могу»¹⁸⁴.

---

¹⁸² Там же. С. 396.

¹⁸³ Там же. С. 397.

¹⁸⁴ Там же. С. 399.

Интересно отметить, что в сербско-хорватском языке глагол «волити» означает «любить».

Для Ильина любовь — есть сущность добра: «Добро есть одухотворенная любовь; зло — это противодуховная вражда»¹⁸⁵. Таковы определения Ильина в знаменитой и актуальной сейчас книге «О сопротивлении злу силою» (1925).

Ильин строит свою оригинальную этическую теорию добра и зла и их взаимная «удобопревратимость», то есть как они проявляются в реальном человеке, опуская при этом *метафизическую* теорию добра и зла. В самом деле: «Именно опытом, именно феноменологически мы знаем и испытываем, что худшее и лучшее связаны друг с другом цепью реальных и чуть заметных переходов; мало того, что злое при известных условиях может перейти в добро, просветлиться, превратиться и обновиться качественно»¹⁸⁶. Ильин апеллирует к обычной человеческой жизни и нашему непосредственному опыту, и наблюдению: «То же самое чувство, то же самое волевое устремление, у того же самого человека может в несколько минут качественно обновиться, или, как мы наивно формулируем это, уступить место другому, лучшему или даже совершенному настроению. Ненужно даже обращаться к классическим примерам нравственного обращения, достаточно повседневного опыта»¹⁸⁷. В этом бессильны любые философские и теоретические доказательства: «Ни логическое взаимопредположение понятий, ни ценностная противоположность добра и зла не выражают сущности реального душевно-духовного соотношения добра и зла в жизни»¹⁸⁸. Эти наблюдения привели Ильина к такому выводу: «Это обстоятельство — т.е. то, что между добром и злом в реальной жизни нет непреходимой бездны, — давно привлекало к себе внимание этических искателей. Это то, что мы вернее всего назвали

---

¹⁸⁵ Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М., 1995. С. 47.

¹⁸⁶ Там же. С. 362.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же. С. 362–363.

тайной и проблемой превратимости добра и зла. Добро и зло могут реально в жизни превращаться одно в другое; одно вырастает из другого с такой быстротой и внезапностью, с какою разве только падает с плеч отстегнутая одежда»¹⁸⁹. И продолжает задавать возникшие у него вопросы: «Невольно вставал и встает вопрос, да не есть ли зло лишь уродливая одежда на прекрасном мраморе? Или искаженные черты красивого лица? Или заблудившийся в конкретном осуществлении порыв к добру? Омраченный свет; отпавший ангел?»¹⁹⁰. Здесь он применяет свой методологический плюрализм, как и в сопоставлении права и силы, различение ирреального и реального, трансцендентального и земного: «Ведь возможность, о которой здесь идет речь, возможность превращения есть не логическая возможность, отвлеченно-мыслимая комбинация; а реальная возможность. А реально возможно то, что, уже присутствуя, еще не выявилось только; что скрыто дремлет, но уже есть, уже существует. Зло, могущее проснуться в добре, уже есть в нем, но скрыто, латентно. Добро, могущее восстать во зле, уже есть в нем, но еще не в яви»¹⁹¹. И тут он делает свое открытие в области нравственной философии, а на самом деле в реальной жизни человека: «И здесь открывается необычайная, волнующая по глубине и широте перспектива. Если добро, как говорят пессимисты, всегда чревато падением и злом, то зло всегда чревато высотами совершенного состояния. И опыт человеческой души свидетельствует о том, что *глубже всякого зла лежит потенциально благая сила духа*»¹⁹².

Ильин привлекает сюда и свою теорию сопряжения *инстинкта и духа*; «Именно: первоначальная и основная сила человеческой души — *инстинкт*, именуемый в просторечии *любовью*, — есть сила, болезненно формирующаяся

---

¹⁸⁹ Там же. С. 363.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же.

и в форму зла, но неизменно *в потенции благая* и поддающаяся беспредельному одухотворению»¹⁹³.

Выводы следуют такие: «Отсюда для нашей основной проблемы вытекает уже чрезвычайно много. Прежде всего, возможность такого реального моста, перекинутого от зла к добру, — а наличие этого моста мы переживаем в себе с несомненностью, — свидетельствует о том, что, отыскивая сущность добра, мы должны иметь в виду эту удобопревра- тимость его во зло и обратно. Это не значит, что зло и добро утрачивают свою

ценностную противоположность, — нисколько. Они остаются ценностно полярными величинами. Но оты- скание добра как добра и зла как зла должно совершаться среди тех сил и способностей души, которые, будучи *по- тенциально благими*, отличаются значительной *удобопре- вратностью*. В противном случае этика не только не сумеет удовлетворительно охватить душевно-нравственный опыт человека, но не окажется и в состоянии разрешить сколь- ко-нибудь удовлетворительно проблему *совершенствования* и его возможности. А при неразрешении ее останутся в воздухе и проблемы *этической педагогики* и *нравственно- го прогресса*. Это внесет неустрашимые затруднения и в тео- рию естественного права и естественно-правовой политики (как покоящихся на постулате и осуществлении нравствен- ного прогресса)»¹⁹⁴.

И всё же проблема противостоящих добра и зла, наряду с переживанием общего корня, их полярность и несовмести- мость требуют разумного разрешения. У Ильина это дается неожиданным образом; «В самом деле, что значит: добро побеждает зло или победило? А ведь вся задача прогресса и пе- дагогики сводится к достижению и осуществлению такого состояния победы. Что значит, что доброе стремление побе- дило дурное, злое стремление? Победа, вообще всякая побе- да, не есть уничтожение врага; ибо уничтоживший сам есть

---

¹⁹³ Там же. С. 364.

¹⁹⁴ Там же.

победивший Пирр, потеряв для себя и для мира всю силу уничтоженного и свою силу на его уничтожение. Победа не есть и подавление врага, ибо по общему закону подавленное не перестает быть, но вымещает свою подавленность на окольных путях. Таково, например, состояние святого Антония, подавленный инстинкт которого вступил на путь болезненного галлюцинирования. Такова же судьба и всех национальных, религиозных и классовых подавлений. Победитель тот, кто удесятерит силы свои силами присоединенного — бывшего врага, ныне друга. Победитель органически (т.е. в форме целесообразного усвоения, переходящего в тождество) впитывает, вбирает в себя силу побежденного, сливая ее с собой до полной и окончательной неразличимости. Такова должна быть политика добра по отношению к злу. Не уничтожение и не подавление дурного стремления и уродливого инстинкта, но одухотворение его через осознание и волевою переработку. Добро должно впитать в себя всю силу зла и разбогатеть его силой. Это возможно, конечно, только в том случае, если в добре и зле живет единая общая, хотя и разноформная стихия. Отсюда наша задача — вскрыть эту стихию и показать эту возможность. История мысли сделала уже немало в этом направлении. Посмотрим же, как может быть решена эта проблема»¹⁹⁵. Новейшая история России (две чеченские войны и героическая защита России в СВО чеченским подразделением «Ахмат») свидетельствует о *верности* теории Ильина об *удобопревратимости* добра и зла.

Проблема добра и зла усугубляется, когда на арену выходит *радикальное зло*, когда отдельные люди («вожди», «проповедники», «учителя» и под.) или целые народы поражены *ложными идеями, извращенными поступками и деяниями, губительными для всех решениями*. которые резко выделяются как *радикальное зло* (конечно, сами носители так не считают) и сейчас именуется закрепившимся термином «*сатанизмом*». У Ильина В книге «Я вглядываюсь в даль.

---

¹⁹⁵ Там же. С. 365.

Книга размышлений и упований» (1945) есть замечательные главы «Демонизм и сатанизм», где этот термин имеет глубокое обоснование и следующая глава «Власть зла», где рассматривается проблема радикального зла.

Решение это трудной нравственной проблемы как «сопротивления злу силою» была дана Ильиным в его одноименной книге в 1925 году. И хотя этот труд философа был направлен против тогдашнего зла большевизма, сейчас он может рассматриваться как разрешение современной проблемы — «экзистенциальной угрозы» России и русскому народу со стороны западного мира и его тоталитарной сатанинской либерально-демократической идеологии.

Ильин на первой странице ставит вопрос: «В страданиях мудреет человечество. Невидение ведет его к испытаниям и мукам; в мучениях душа очищается и прозревает; прозревшему взору дается источник мудрости — очевидность. Но первое условие умудрения — это честность с самим собой и с предметом перед лицом Божиим. Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?»¹⁹⁶

Т. к., по Ильину, «добро есть одухотворенная любовь, а зло — противодуховная вражда», то «добро есть любящая сила духа, а зло — слепая сила ненависти». Это означает и то, что добро не есть просто «любовь» или просто «духовная зрячесть», а зло не есть просто «вражда» или просто «духовная слепота», ибо вражда ко злу не есть зло¹⁹⁷.

Ответ на поставленный вопрос у Ильина следующий: «Физическое пресечение и *понуждение* могут быть прямою религиозною и патриотическою *обязанностью* человека; и тогда он не вправе от них уклониться. Исполнение этой обязанности ведет его в качестве участника в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада;

---

¹⁹⁶ Там же. С. 34.

¹⁹⁷ Там же. С. 47.

и в этом бою ему придется не только обнажить меч, но взять на себя бремя человеко-убийства»¹⁹⁸.

При этом у Ильина есть важное замечание о «неправедности» этого действия: «Борьба со злом требует всегда героизма. Не только тогда, когда она ведется в форме внутренних усилий, воспитывающих человека и возвращающих его духовные крылья, но и тогда, когда она ведется в форме понуждающего и пресекающего меча. Героизм меча состоит не только в том, что его дело трудно, беспокойно, полно лишений, опасностей и страданий, но и в том, что меченосец нуждается в особых духовных усилиях для ограждения своего личного духовного Кремля: ибо его героизм есть героизм сознательно и убежденно принятой неправедности. Мало того: человек, берущийся за меч в безысходной борьбе со злодеем, героичен потому, что он *подъемлет этим бремя мира*. Поставленный перед основной трагической дилеммой, не оставляющей для него нравственного исхода, он *религиозно* приемлет эту безвыходность и, избирая наименее неправедный и наиболее трудный путь меча, он принимает этот путь как *свою судьбу*»¹⁹⁹.

Пневматология Ильина — учение о человеке как индивидуальном духе, о народе как духовной общности, имеющей свое лицо, о России как духовной величине, о смысле жизни как духовном предстоянии перед лицом Бога.

Особо стоят его даже не определения, а описания духа в человеке и то, что Ильин называл «сердечным созерцанием». «Дух» как философская категория наименее доступен человеку, в отличие, например, от категории «материя» или таких категорий как «пространство», «время», «движение», и его определение ограничивается такими: «чисто нематериальное», «невещественное начало». Но ведь и математические «числа», и платоновские «идеи», да и «пространство» и «время» так же нематериальны, невещественны, но при этом отнюдь не являются духовными. Дух

---

¹⁹⁸ Там же. С. 177.

¹⁹⁹ Там же. С. 207.

человеческий обнаруживается только субъективно и лично. Поэтому дать адекватное и объективное определение духу весьма непросто. Тварный человек привычен, скорее, к материальным сущностям и поэтому ему ближе такие категории как «энергия», «энергетизм» (мода конца XX века), а в прошлом — «тонкие материи», «астральные тела». А «дух» так и остался вне его понимания. Только Христианство и Евангелие находят нужные слова, а пантеизм, индуизм, каббализм и прочие рафинированные языческие доктрины склонны к «материализации духа»: «энергия», «свет», «эфир» — все это для них «сгущение или уплотнение духа». Поэтому развернутое описание Ильиным «духа» в его пневматологии уникально: «Человек есть по существу своему живой, личный дух; и религиозность его есть состояние духовное. Дух есть самое главное в человеке. Каждый из нас должен найти и утвердить в себе свое “самое главное” — и никто другой заменить его в этом нахождении и утверждении не может. Дух есть сила личного самоутверждения в человеке, — но не в смысле инстинкта и не в смысле рационалистического «осознания» состояний своего тела и своей души, а в смысле верного восприятия своей личностной самосутности, в ее предстоянии Богу и в ее достоинстве. Человек, не осознавший своего предстояния и своего достоинства, не нашел своего духа. Ввиду этого можно было бы сказать, что дух есть живое чувство ответственности. Нашедший его в себе и утвердившийся в нем — ведет духовную жизнь. Человек, испытывающий свое предстояние Богу, свое достоинство и свою ответственность, несет в себе живую волю к Совершенству. Поэтому дух можно было бы определить, как волю к Совершенству — а также к совершенствованию — в самом себе, в своих деяниях и во внешнем мире. Эта воля предполагает способность узнавать лучшее, отличать худшее и дурное, видеть Совершенное и принимать его. Поэтому дух есть дар очевидности. Верное отношение к Совершенству есть отношение любви и служения. Поэтому дух можно было бы описать как способность к бескорыстной любви и к самоотверженному служению. Все эти дары

дают человеку способность верно управлять собой и верно строить свою жизнь. Поэтому дух есть сила личного самоуправления, и первым проявлением ее является духовный характер человека. Вот почему правы те, которые связывают дух с идеей свободы. Дух есть дар свободы, данный человеку в зачатке от самой природы; в то же время он есть живая сила самоосвобождения и в заключительной стадии (вероятно — посмертной) — полнота личной свободы. После всего этого будет понятно, если мы определим дух как потребность священного и как радость верного ранга; если мы опишем его как дар молитвы, как силу поющего сердца и как жилище совести; если мы обозначим его как место-рождение художественного искусства; как источник правосознания, истинного патриотизма и национализма, как главную основу здоровой государственности и великой культуры... В действительности дух есть — все это сразу»²⁰⁰

В заключение скажу: «А сколько *русский гений* Ильин сказал нам о *России*, о *русской культуре*, о *русском языке*, о *русской литературе*, ее *писателях*, *поэтах*, *композиторах* и *певцах*, об истории и сущности *философских учений*, о *политической философии* с его идеями *государственности vs партийности* и *аристократической vs демократической* формах правления, о “*Наших задачах*” — не счесть!»

Список литературы:

1. Вокач-Ильина Н. «Одиночество и общение». // См. Ильин И. А. Собрание сочинений. «Философия как духовное дело». М.: 2013. С. 649—650.

2. Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 1. М.: 1993. 400 с.

3. Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 4. М.: 1994. 621 с.

4. Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5, М.: 1996. 607 с.

---

²⁰⁰ Ильин И. А. Собрание сочинений. Аксиомы религиозного опыта. Т. 1. М.: 2002. С. 34-35.

5. Ильин И. А. Собрание сочинений: «Аксиомы религиозного опыта». Т. 1. М., 2002. 606 с.

6. Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия как духовное делание. М., 2013. 715 с.

7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: 1970. Т. 39. 654 с.

8. *Wolfgang Offermanns*. «Mensch, werde wesentlich!» Das Lebenswerk des russischen religiösen Denker Ivan Iljin für die Erneuerung der geistigen Grundlagen der Menschheit. // Oikonomia, Band 11, Erlanden: 1979. 307 S.

Сведения об авторе

Лисица Юрий Трофимович — доктор физикио-математических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

About the author

Lisitsa Yuri Trofimovich — Doctor of Physics and Mathematics, Professor of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University

Закунов Ю.А.
Zakupov Yu.A.

ТРИАДЫ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ И.А. ИЛЬИНА

TRIADS IN THE PHILOSOPHICAL HERITAGE OF I.A. ILYIN

Аннотация.

В статье выявляются триадичность и цельность аксиологических концептов философии И.А. Ильина, укорененные в православной традиции и отечественном историко-культурном наследии. Предлагается реконструкция его обобщенной аксиологической модели бытия, согласно которой в человеке душа, представленная данным от Бога единством сердца, воли и ума (начало данности) призвана стать духовной (заданность) через восприятие ими высших ценностей и реализацию в процессе культурной деятельности (осуществление) в виде художественного творчества, научного поиска, нравственного выбора, искреннего вероисповедания, государственно-правового строительства, брачной жизни и воспитания детей, любви к Родине и защите Отечества. Человек ведётся к своему духовному призванию - первообразу, к божественным Истине, Добру, Красоте, Св. Духом и духовными органами — совестью, верой и любовью, образуя три движущие силы развития: совестную волю, верующую мысль и чувство любви. Лежащие в основе этих высших духовных актов — «нераздельные и неслиянные» *свобода, предметность и любовь*, выражают саму суть исторического развития и социального бытия, в аспекте осуществления. Отсюда ценностно-смысловая «формула» России: свободная любовь к безусловно совершенному.

Ключевые слова. цельность, данность, заданность, осуществление, благо, предметность, свобода, любовь, преображение.

Abstract.

The article reveals the triadic nature and integrity of the axiological concepts of I.A. Ilyin's philosophy, rooted in the Orthodox tradition and Russian historical and cultural heritage. It offers a reconstruction of his generalized axiological model of being, according to which the soul in man, represented by the God-given unity of heart, will and mind (the beginning of the given), is called to become spiritual (the given) through their perception of the highest values and their implementation in the process of cultural activity (implementation) in the form of artistic creativity, scientific research, moral choice, sincere religion, state and legal construction, married life and raising children, love for the Motherland and defense of the Fatherland. Man is led to his spiritual calling - the prototype, to the divine Truth, Goodness, Beauty, the Holy Spirit and spiritual organs - conscience, faith and love, forming three driving forces of development: conscientious will, believing thought and feeling of love. The underlying principles of these highest spiritual acts are "inseparable and unmerged" freedom, objectivity and love, which express the very essence of historical development and social existence, in the aspect of implementation. Hence the value-semantic "formula" of Russia: free love for the absolutely perfect.

Keywords: integrity, givenness, predetermination, implementation, good, objectivity, freedom, love, transformation.

Духовно-философское наследие выдающегося отечественного мыслителя И.А. Ильина отличается цельностью, тщательно выстроенной аксиологией, опирается на национальную православную традицию и осмысленный исторический опыт. Поведённый анализ позволил выявить его триадический характер и православную сердцевину, заключающуюся в преображении человека по божественной благодати через творение христианской культуры как восхождение к первообразу и домостроительство.

Будучи православным философом, И.А. Ильин полагал, что «философия здесь, как и везде, учит познанию того, что благо есть реальная сила, уже данная человеку как факт,

как возможность большего, как предмет желания и в тоже время еще заданная человеку для познания и полного **осуществления**»²⁰¹. *Триада* данность, заданность и осуществление в качестве системообразующих скрытно или явно присутствует во всех его рассуждениях. Хотя сам мыслитель специально этого не делает, рассматривая данные человеку от Бога силы души, он подчеркивает заданность их к цельности, духовному восполнению в творчестве. Они глубоко субъективны и свободны по истоку (а мы добавим — по данной природе), культурны, национальны и социальны по явлению (добавим - по форме осуществления) и объективны и абсолютны по предмету (добавим — по смысловой заданности)²⁰²

(См. Табл. *Реконструкция обобщенной аксиологической модели бытия согласно И.А. Ильину*).

Ильин обращается прежде всего к внутренним механизмам духовности и пытается определить основные законы развития духа в человеке, ставит задачу: не порывая с научным материалом, конкретными государственными законами, политическими явлениями и историческими фактами — проникнуть в их философский, религиозный, нравственный и художественный смысл и постигнуть их как состояния человеческой души и Духа. Он подробно рассматривает различные отклонения и степени усвоения «Божьих лучей», определяя наилучшее состояние человека в процессе осуществления своего изначального призвания как состояние ОЧЕВИДНОСТИ. Для него оно есть восприятие человеческим духом Божественного Предмета, приобщение Его свету, Благодати, живое и живоносное единение. Ильину чужды как абстрактные схемы, схоластические рассуждения о цельности и соборности вне конкретного наполнения, так и внепредметные бессистемные эмпирические стихийные субъективные или коллективные «ощущения». Взамен

---

²⁰¹ Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т.4. - М.: Русская книга, 1994. - С. 407.

²⁰² Там же. - С. 241.

—стремление выразить живой процесс наполнения, взаимодействия и развития наиболее существенных сторон исторического бытия в их единстве и относительной самостоятельности, определение констант развития или аксиом духовных актов —глубинных реальных движущих сил истории.

Цельность складывается из адекватного полноценного обмена энергиями, взаимной отдачи, взаимодействия, что предполагает, во-первых, наличие самобытия и многообразия или автономности, как называет данный аспект Ильин. Наиболее цельно это проявляется как сила СВОБОДЫ, которая исключает полное слияние, однообразие (в человеке она уже есть как начало данности). Во-вторых, она взаимодействует с другой силой — ПРЕДМЕТНОСТЬЮ, которая требует отдачи, будучи силой внешней, причиной и началом единства (началом заданности) задает смысл. Очевидно, что подлинная цельность образуется в сочетании с третьей силой — ЛЮБОВЬЮ, как формой или наиболее полноценным способом связи, началом действенного жизненного осуществления. Любовь - это взаимообусловленность, отдача, жертва. Сама связь между этими великими силами возможна лишь при условии их общего единства на основе сущности высшего порядка — Духа (это начало Предметности Божественного уровня). С другой стороны, в необходимых связях между ними, как и внутри них, также реализуются начала заданности, данности и осуществления. Только выступать они будут здесь в различных ролях. Например, в активной роли самобытия (или данности): *Свобода предметности, свобода любви и самобытие самой свободы*. Каждая из них нуждается в способе осуществления, своем особом акте: отсюда аспект Осуществления, требующий любви к свободе, любви к предметности и самой любви. Аспект Заданности выражается в предметности свободы и предметности любви, то есть в том, что свобода и любовь должны быть направлены на объективно-лучший предмет или ценность²⁰³. С другой стороны, предметность по Ильи-

---

²⁰³ См.: Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин

ну, это «верность души созерцаемому и осуществляемому предмету»²⁰⁴. Наиболее полно это выражено, по его мнению, в Христианском духе.

Конкретная гармоничная связь между двумя началами внутри триады обеспечивается как третьей силой, так и божественным предметным духом в целом. Так путь к Предметности без свободы и любви (жертвы) немислим. Предметность «противостоит сразу и безразличию и безоглядному своекорыстию, - этим двум чертам рабского характера»²⁰⁵.

Триада была бы неживой схоластической выдумкой, если путь к Предметности не начинался бы от личной Свободы (воли к духу) и не пролегал через Любовь к Предметности (заданности).

Если отталкиваться от аксиомы автономности личности, то развитие, как стремление к цельности и полноте, будет проявлять себя через объективно-лучшее внутри человека в виде осуществления чистоты самого жизненного акта, его структуры (культивирование лучшего в себе самом, своих переживаний и деяний), чистоты предметного наполнения (чистоты содержаний) и переживаемости, горения — субъективно небезразличного отношения к объективно небезразличным состояниям, содержаниям, предметам.²⁰⁶ В зависимости от точки отсчета, масштаба, предметной сферы более нижних планов определяются и конкретные условия его осуществления.

Роль Духа как объединяющего целостного начала проявляется в синтезе Автономии (самозакония, свободы), которой отдается приоритет перед Гетерономией (чужезаконием)

И.А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993. Собр. соч. Т.1. С.303-306; так же: Ильин И.А. О воспитании в грядущей России // Ильин И.А. Наши задачи.Т.2. - М.: ООО «Рарогъ», 1993. С.145-152.

²⁰⁴ Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. Т.4. С.337.

²⁰⁵ Ильин И.А. О воспитании в грядущей России // Ильин И.А. Наши задачи. Т.2. - М.: ООО «Рарогъ», 1993. С.146.

²⁰⁶ См.: Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: Исследование: Т. 1-2. - М.: ООО «Рарогъ», 1993. С.180-181.

как внешней силы, и Предметности, которая по отношению к бездуховному человеку есть так же сила внешняя. И лишь дух может претендовать на силу универсальную: одновременно свободную и предметную, жертвенную и преобразующую²⁰⁷. Дух является универсальной живительной силой, способной охватить собой «все сразу». Это сила самоутверждения лучшего всегда, везде и во всем.

Тезис Ильина о том, что человеку дано быть духом (аспект данности), он призван быть духом (аспект заданности) и что в этом основной и священный смысл его жизни (аспект осуществления)²⁰⁸, утверждает значение Духа как основы цельности: конкретного единства данности, заданности и осуществления. Все попытки угасить этот дух обречены. От этого беды человечества.

Обращаясь к безусловным универсальным основам социального бытия, Ильин находит их в *воле* к духу, то есть во внутреннем желании (силе) человека вести духовную жизнь и обеспечивать ее другим. Философ предпочитает синтетическую категорию, выражающую особую целостную реальность как единство объективности и субъективности, свободы и необходимости, всеобщности и индивидуальности. Дух — это наиболее реальная и целостная сила, поскольку он есть самоопределяющееся свободное начало (самобытие) в стремлении и осуществлении (аспект формы или способа) к Совершенному (Предметность, высшая данность).²⁰⁹ Дух восстанавливает, побуждает к равновесию или утверждению большей полноценности. Философия может определить его основные составляющие лишь в абстрактно-понятийной форме, а его целостные акты в виде аксиом.

Ильин утверждает необходимость естественности, но особого рода, которая не есть природная неизбежность, но то, что соответствует предназначению, призвано

---

²⁰⁷ См.: там же. С. 51-52, 64-66.

²⁰⁸ См.: Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т.1. С.255.

²⁰⁹ См.: там же. С. 51-52, 65-66.

к развитию. То, что еще не дано, но должно стать. Или дано не как сущее, но должное, т. е. в виде данности особого рода — духовной Предметности. Ее знаки, элементы, начала уже даны в виде очевидных духовных основ окружающей жизни, узреть и понять которые можно лишь с помощью духа, особым духовно-религиозным актом и принять как аксиому. Духовный Предмет живет во всем или потенциально (наподобие непроявленного негатива, как задание), или актуально (в раскрытии и осуществлении), поэтому можно сказать, что он всеобщ.

Предметно-лучшее есть не субъективно-приятное и удобное, а объективно совершеннейшее в смысле социальном, художественном, нравственном, религиозном. Отсюда и необходимые социальные формы или способы осуществления объективных ценностей — это искусство, мораль, наука, религия (церковь), государство (право), семья, Родина, хозяйство. Им соответствуют духовные акты - **художественного вкуса, совести, очевидности, веры, правосознания, любви, патриотизма (национализма) и частной собственности**, которые хотя бы в зачатке присущи каждому человеку. Это внутренние силы, осуществляющие связь между сферой человеческой данности и уровнем божественной заданности (являющейся данностью по отношению к самой себе и заданностью по отношению к человеку). Они составляют основу *исторического* аспекта ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ как способа связи или синтеза между ДАННОСТЬЮ человеческого бытия и его ЗАДАННОСТЬЮ, предназначением.

Высший уровень - план Божественного бытия, реальное сверхмирное Совершенство, представлен соответственно абсолютными объективными ценностями, великими духовными Предметами²¹⁰ — истиной, красотой, добром, верой (откровением), свободой, любовью, справедливостью, от которых исходят лучи к человеку в мир. Внешняя

---

²¹⁰ См.: Ильин И.А. О монархии и республике // Собр. соч. Т.4. С.444-445.

парадоксальность Предметности, объективных ценностей, состоит в том, что она есть заданность для человека и вместе с тем данность для Бога, то есть сверхестественна для человека бездуховного и естественна в своей сверхестественности для человека духовного. В человеке душа, представленная данным от Бога единством сердца, воли и ума (*начало данности*) призвана стать духовной (*заданность*) через восприятие ими высших ценностей и реализацию их в процессе культурной деятельности (*осуществление*) в виде художественного творчества, научного поиска, нравственного выбора, искреннего вероисповедания, государственно-правового строительства, брачной жизни и воспитания детей, любви к Родине и защите Отечества. Душевные воля, ум и чувства человека, соответствующие своему призванию и природе, ведутся Духом и духовными органами — совестью, верой и любовью, которые образуют три великие движущие силы развития: совестную волю, верующую мысль и чувство любви.²¹¹ Лежащие в основе этих высших духовных актов — нераздельные и неслиянные СВОБОДА, ПРЕДМЕТНОСТЬ и ЛЮБОВЬ, выражают саму суть исторического развития и социального бытия собственно в аспекте его *осуществления*. Его абсолютная целостная формула: Свободная Любовь к безусловно Совершенному²¹²; что и составляет собственно *русскую идею*.

Каждая из этих сил, будучи относительно самостоятельной, наиболее полноценна лишь благодаря связям с другими. Это, например, выражается применительно к свободе как способность к автономии, самостоянию, самообязыванию (отношение Свободы к самой себе), по отношению к Предметности — это чувство собственного духовного достоинства, предстояния и служения Богу и ответственности перед ним; по отношению к Любви — чувство взаимного признания, солидарности, уважения и любви к другим людям.²¹³

---

²¹¹ См.: Ильин И.А. Путь к очевидности // Собр. соч. Т.3. С.424.

²¹² Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. С.97.

²¹³ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. Т.4.

Все три взаимнообусловлены и необходимо дополняют друг друга. Любая неполноценность или искажение в этой системообразующей триаде, представляющей модель культуры человеческой деятельности вообще, преодолеваются и восполняются взаимосвязями между этими силами. Духовные предметные ценности постигаются только через свободное невынужденное самоопределение к Лучшему и Совершенному. Связь с Предметностью, например, выражена в чувствах предстояния, ответственности, служения. Любовь также немыслима вне духовной Предметности (без этого она слепа) как и вне Свободы, которая если движется гордыней, тщеславием, не способна на жертвенную любовь во имя духовных благ (Истины, Добра, справедливости т.д.), что приводит к индивидуализму и релятивизму. Осознание и провозглашение верной цели, но без искреннего, волевого или бескорыстного к ней отношения, равно как и страстная, но слепая преданность ошибочным содержаниям, не адекватным реальному предмету, то есть беспредметная свобода и бездуховность, преодолеваются через Любовь. Предметность постигается Свободой через Любовь. Без Любви — сухой догматизм или фанатизм.²¹⁴

Каждая из этих трех основ выступает в различных исторических аспектах (религиозном, национальном, политическом, хозяйственном и т.п.). Но именно, их возрождение и творческое полноценное развитие через их сочетание и примирение — есть осуществление законов духа, всякой человеческой жизни и культуры. Свобода без Предметности ведет к безбожию, безверию, волюнтаризму и субъективизму, а без любви — к политическому, экономическому и пр. своекорыстию, эгоизму. В свою очередь любовь не может быть несвободна, но полноценна, лишь когда предпочитает Лучшее. Любимая формула Ильина: «Не по милу хорош, но по-хорошему мил». А без свободы Предметность

С.310.

²¹⁴ См.: *Ильин И.А.* О воспитании в грядущей России // Наши задачи. Т.2. С.147 -148.

- Истина, Добро, Красота теряют свой высший смысл, самодеятельною природу и в условиях тоталитарного внешнего зажима становятся суррогатами или миражами.

Важен тезис Ильина о том, что «наука, искусство, государство, хозяйство — как бы те духовные руки, которыми человечество берет мир»²¹⁵. Это необходимые данные способности или формы, которые не должны отсекаются или приижаться по причине их несовершенства или неполноты, но, напротив, призваны совершенствоваться, преобразоваться через проникновение в них изнутри живого предметного духа. Наиболее типичная и существенна ошибка состоит в структурно-функциональном смешении тех или иных конкретных элементов и сторон социального бытия и их неадекватном рассмотрении или реального функционирования в аспектах эмпирической данности, исторического осуществления или заданности.

Приведём примеры действия вышеуказанных триад в наиболее значимых для философского наследия И.А. Ильина сферах.

Ильин предпочитает термин *цельность*. Один из аспектов — целить болезни, всякий распад и разброд²¹⁶. Другая аналогия — с живой водой исцеления и воскрешения из русской сказки²¹⁷. Это не есть тоталитаризм, который нельзя путать с единством. Здесь исключено духовное насилие, предполагается религиозная автономность и самодеятельность человека. Объективный дух ищет и побуждает к внутреннему душевному единству и органической согласованности. Однако цельность нельзя путать с целостностью. Последняя есть лишь проекция на уровне данности самой цельности, всегда неполноценна и формируется в лучшем случае в виде целостных систем как единый способ обращения к благу

---

²¹⁵ Ильин И.А. Основы христианской культуры // Собр. соч. Т.1. С.316.

²¹⁶ См.: Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. - С.291. Так же: Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч. Т.6. Кн.1. С.71.

²¹⁷ См.: Ильин И.А. Путь к очевидности // Собр. соч. Т.3. С.423.

и спасению. Культура же последних столетий вырастает из внутренних разрывов и расколов и наименее религиозна.²¹⁸ «Целостность», системность (но не цельность) могут быть и беспредметны. Современный культурный кризис Ильин рассматривает прежде всего, как «кризис нецельного духа, расколотого, расщепленного человека». Задача воссоединения в своем собственном существе более важна, чем всевозможные внешние социально-политические и прочие способы и формы объединений. Последние без «живой воды» исцеления не срастутся как мертвые части тел. Воссоединиться сначала должно не «тело», но дух — и для этого исцеления человек «должен выстрадать и вымолить себе благодать Святого Духа»²¹⁹. Важно всегда не просто «научно» определить какую-либо категорию или аспект, но обозначить прежде всего органичные взаимосвязи, найти духовные корни частей друг в друге, чтобы «облегчить» их воссоединение в единое целое.

Очевидно, что понимание цельности Ильиным очень близко к идее соборности. Так, обращаясь к политическим вождям и партиям в связи с вопросом о наилучшей политической форме государства, философ призывает «приобщиться к мудрости, сочетающей духовное ведение «единого» с эмпирическим видением «множественного и различного...»²²⁰. Цельность в трактовке Ильина не становится сама по себе абстракцией, несмотря на частую формулировку в виде аксиом духовных актов. Всегда практически ориентированный на решение конкретных самых животрепещущих проблем, Ильин наглядно показывает, что сами эти акты требуют не простого интеллектуализма, но всегда конкретного наполнения, творческого осуществления, чувства меры и живого участия, предполагают духовный опыт в самом воспринимающем.

---

²¹⁸ См.: Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта.... С. 292.

²¹⁹ Ильин И.А. Путь к очевидности // Собр. соч. Т.3. С.423.

²²⁰ Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. М., 1994. Т.4. С.291.

Ильин утверждает, что политика есть социальная форма духовной жизни.²²¹ Отсюда теснейшая связь политики с религией, искусством, этикой, наукой. **Первейшая и основная аксиома политики, которая еще не постигнута большинством людей, заключается в том, что право и государство возникают из внутреннего духовного мира человека, создаются для духа и ради духа и осуществляются посредством правосознания.** Великое задание — любовь человека друг к другу как преодоление душевного одиночества и обретение подлинного духовного единства имеет свой целостный СПОСОБ осуществления, данный от Бога и призванный к совершенствованию, преобразению. Это особая форма или способ организации людей, в котором осуществляется подлинное единство в многообразии и есть не что иное как Нация, Родина, Государство. «Родина есть нечто единое для многих»²²², - пишет Ильин. А «Политика есть солидарная деятельность ради единой и общей цели»²²³. Государство же в его духовной сущности есть не что иное, как Родина, оформленная и объединенная публичным правом, или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы и сжившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания. Государство есть установление Божие; призвание его в том, чтобы удерживать людей от злых дел угрозою меча и чтобы одобрять и поддерживать делающих добро²²⁴.

*Во взаимоотношениях граждан и государства более всего опасна и противоестественна самой сущности и призванию формальная связь без искреннего патриотизма.*²²⁵ Они должны образовывать живое правовое

---

²²¹ Там же. С.341.

²²² Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т.1. С. 196.

²²³ Там же. С.242.

²²⁴ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. Т.1. С.253.

²²⁵ См.: Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т.1. С.237.

*единство — Родину, где государство призвано жить в душе гражданина, а гражданин - интересами и целями государства. Причем государственная жизнь только отражается во внешних поступках людей, а совершается и протекает в их душе; орудием же его является человеческое правосознание.*²²⁶

«Интерес», как личное переживание, остается множественным и различным (аспект Свободы, автономности); но интерес как желаемый предмет — у всех и для всех один (аспект Предметности); и удовлетворить его можно только посредством совместной организованной деятельности (аспект осуществления и Любви). Общность целей, пространства, этноса, национальной культуры ведут к общности средств и путей — способов политической деятельности, а значит к единству жизни, творчества и исторической судьбы. Такое единство Ильин описывает как положение, при котором «каждый нуждается во всех остальных, и все нуждаются в каждом».²²⁷

Для Ильина всегда методологически существенно соответствие, равновесие между данной социальной формой (способом организации), ее предметным содержанием и органом или способом осуществления. Так применительно к проблеме государства это выглядит как соответствие его своему достоинству и призванию только тогда, когда оно создается и поддерживается верным духовным органом, который, в свою очередь, также соответствует своему призванию и достоинству — здоровым, государственно настроенным правосознанием.²²⁸ Употребление Ильиным в данном контексте в качестве системообразующих понятий «достоинство» и «призвание» есть выражение взаимосвязи универсальных начал — Свободы и Предметности, нуждающихся в третьей силе — Любви, конкретизируемой применительно

---

²²⁶ См.: там же. С.235.

²²⁷ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т.1. С.242,243.

²²⁸ См.: там же. С. 238.

к данной политической и государственной сфере как общность, солидарность, совместность и взаимность.²²⁹

Государство, по Ильину, есть живое единство культуры, власти и исторической судьбы²³⁰. Борьбе классов противопоставляется их солидарность. Классовая борьба, совпадение частных интересов, конкуренция — все это неустойчивые способы единения. Различные политические объединения должны расходиться не по принципу групповых интересов. Интерес у всех должен быть один — всенародная справедливость, органическое равновесие, сверхклассовая солидарность, защита естественных прав всех слоев. Расхождение лишь в понимании границ разделения на солидарные и частные и способах достижения равновесия. Общей же целью государства может быть только то, что неделимо, то есть может принадлежать сразу всем. То же и в отношении нации.

Ильин дает резкую отповедь подходам, где государству отводится минимальная роль и оно противопоставляется свободе личности и праву из-за печального отрицательного исторического опыта. Она же касается и отвергателей «национализма». Суть критикуемого Ильиным подхода состоит в том, что суррогаты или больные проявления здорового и необходимого начала выдаются за главный, неотъемлемый признак этого начала и на этом основании отвергается или принижается все начало целиком. Так по причине существования в государственности, политике и праве множества злоупотреблений или разжигания расовой ненависти некоторые пытаются отвергать идею государства, права и нации вообще или незаслуженно их принизить. Ильин утверждает, что ни одни человеческие дела ни в одной области жизни не находились всегда на высоте идей и не творили одно благо. Пошлый роман не компрометирует всю литературу, неудачный брак не отвергает ценности семьи, дурные законы свидетельствуют о необходимости их улучшения, а не об отмене законодательства. «Злоупотреблять,

---

²²⁹ См.: там же... С.243.

²³⁰ См.: там же ... С.282.

как известно, можно всем — не только ядом, но и здоровой пищей...». ²³¹ Напротив, болезнь жизненно важного органа требует внимания к нему и лечения, а не игнорирования и уж тем более не отсечения — иначе смерть всему организму. Иными словами, недовоплощенность задания в процессе осуществления вовсе не означает его отмены, напротив, еще большую насущность, актуальность. Отсюда и одно из любимых слов Ильина «задача» и общее название статей «Наши задачи», являющегося своеобразным манифестом национального правосознания, одновременно программным произведением его политической философии и духовного возрождения Отечества.

Наконец, политическая власть есть сила по родовому признаку и правая сила по видовому. Сила вообще есть способность к воздействию и влиянию. Более того, Ильин утверждает, что «сущность жизни состоит в действии и притом целесообразном действии; способность же к такому действию есть живая сила». ²³² Причем сила в виде власти становится подлинной энергией, сосредоточенной и организованной в живое единство. Утверждать, что власть не должна быть сильной, дабы не ущемляла пресловутые «права и свободы» (как их Ильин называет свободой от Бога, совести, чести, долга ради разнуздания инстинктов, процветания пошлости и корысти) есть бессмыслица. Это все равно, что сказать «бессильная сила», заливать огонь водой или пытаться поджечь воду, то есть идти против данной природы. Обличаемая Ильиным И.А. мораль непротивленчества злу в идее добра видит элемент любви и не видит элемента духа, поэтому она утверждает, как высшую ценность, бездуховную и противодуховную любовь, которая оказывается безвольной жалостью и совлекает вслед за собою все высшие жизненные ценности на уровень элементарной, инстинктивной душевности.

---

²³¹ См. Там же. С. 201, 244.

²³² Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. Т.4. С.292-293.

Другое дело границы, пределы в аспекте осуществления, которые уже связаны с предназначением и указывают в соответствии с данной природой адекватные формы или способы жизненного осуществления. На уровне всеобщем в виде аксиом это может быть выражено как нераздельное и неслиянное единство трех начал, своеобразные проекции заданности, данности и осуществления или в историческом аспекте — известные Свобода, Предметность и Любовь. Это необходимые социальные формы, наполняемые конкретным содержанием — своеобразные **носители** самобытия каждого из начал и вместе с тем связанные друг с другом в духовное национальное единство, объединенные общим национальным Духом.

С другой стороны, сила должна быть правой. А о какой Правде может идти речь, если у каждого «правда» своя и объединение предлагается строить на формально-правовой основе? По Ильину, сказать «сильная власть» все равно, что сказать «подлинная, живая власть» или «власть, соответствующая своей природе и своему назначению»²³³. Причем силу власти слагают: правота цели, авторитет, единство, организованность и исполнительность понудительного аппарата. Соответственно кризис власти будет слагаться из противоположных начал. Это отнюдь не означает, что Ильин — сторонник жестких принудительных мер со стороны государства по отношению к его гражданам. Напротив, чем меньшее напряжение вызывается сверху для большего отклика снизу, тем сильнее власть. Власть сильна своим достоинством.²³⁴ Ключ к разрешению этого «парадокса» в аксиомах власти и правосознания.

Но эта любовь не слепа и не тоталитарна. В патриотизме акт духовного самоопределения Ильин считает основным. Он расшифровывает его как обретение инстинктом человека духовной глубины (Предметности) и дара духовной любви. Это особая творческая целостность, обращение к предмету

---

²³³ Там же. С. 293.

²³⁴ См.: *Ильин И.А. О сильной власти // Наши задачи. Т. 1. С.318.*

с целью отыскания в нем безусловного достоинства. Это отдача всего себя (жертва, любовь), потеря и вместе с тем обретение в самом себе способности радоваться совершенству и творить его преобразованием и осуществлением.²³⁵

Таким образом, концепция Ильина утверждает приоритет духовного ПРЕДМЕТА человеческой деятельности, который может и должен быть главным, СОДЕРЖАНИЕ соответствовать этому главному, а мотивы или ИНТЕНЦИЯ направлены на это главное — так обеспечивается цельность. Там, где это забывалось и забывается, там неминуемое вырождение жизни и приход очищения в виде крушения, кризиса, массовых преступлений, бедствий и мук.²³⁶

Подлинный *синтез* состоит в любви к совершенству на основе акта сердечного созерцания, а рожденная ею воля (свобода) лежат в основе всей осуществляющейся многообразной культурной жизни. Ему противостоит *дух формального законничества*. Осуществление любых социальных форм должно соответствовать, а) своему предназначению (заданности); б) данной природе. Вне этой любви к совершенному «знание становится пародией на знание, искусство вырождается в пустую и пошлую форму, религия превращается в нечистое самоопьянение, добродетель заменяется лицемерием, право и государство становятся орудием зла».²³⁷

Так предметные объективные ценности права можно сделать предметом воли лишь посредством духа. Верное правосознание — это осознание содержания естественного права, то есть превращение единой и объективной правоты в единую и желанную цель жизни. Прообраз “положительного права” — естественное право. Главная неудача — раздвоение правосознания в содержании на естественное и положительное право. Отсюда призыв к восстановлению

---

²³⁵ См.: Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т.1. С. 184.

²³⁶ См.: Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта.... С.249.

²³⁷ Ильин И. А. О сущности правосознания. /Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. — М.: «Рарогъ», 1993. С. 39.

внутреннего предметного духовного единства. Целостное правосознание есть единство воли к цели права, знание его, осуществление, борьба за него. Нормальное правосознание - это особый способ жизни, предметно и верно переживающий право в его основной идее и его различных видоизменениях.

«Право может сохранить свое обязательное, «связующее» значение и, тем не менее, не выполнять своего назначения; так будет в том случае, если между значащим правом и правосознанием возникает рознь и отчуждение объективное «связующее» значение, но не всегда выполняет свое назначение». ²³⁸ Разрыв между значащим правом (аспект эмпирической данности в значении осуществления) и правосознанием (аспект данности осуществления в значении свободы) приводит к *обессиливанию права* и к *бесправой силе*. Синтез в **правой силе**, когда право обретает творческую жизненную силу правосознающего субъекта, а правосознание обретает предметную основу и объективную верность. Осуществление своего духовного назначения правом возможно «только тогда, когда правосознание стоит на высоте», которая измеряется не только знанием права, но и признанием его не за страх, а за совесть, не по привычке, а по разумному убеждению.

«Объективное значение естественного права получает два корня: ценностно-предметный, — через связь свою с жизнью духа, и субъективно-жизненный, — через связь свою с личным, самообязывающимся признанием». ²³⁹ Самоопределение человека, признающего обоснованность правила, получает от этого свое истинное, предметное содержание. Судьба естественного права в том, чтобы долго и тщательно ждать от людей самостоятельного и добровольного признания и постоянно получать форму положительного права с тем, чтобы подойти к людям не в собственном

---

²³⁸ Ильин И. А. О сущности правосознания.... С. 39-40. См. Там же: С. 229

²³⁹ Там же... С. 55.

предметно-духовном опыте, а в социально-гетерономном виде. Правосознание образует необходимую цельность, своеобразную духовную дисциплинированность инстинкта, которая вызывает в нем живое чувство ответственности и сообщает ему известное чувство меры во всех социальных проявлениях человека. Оно покоится на вере, совести и любви, которые в свою очередь питаются лично-духовными корнями - чувствами правоты, ответственности, справедливости, свободы, уважения к закону, долга, дисциплины и патриотизма.

Триада Предметности, Свободы и Любви в социально-правовой сфере и соответствующем ей акте правосознания выражается в единстве и относительной самостоятельности трех начал, акцентированных в аспектах Свободы и *Осуществления*. Во-первых, это то, что можно, отражающее силу и меру человеческой свободы, это так называемые полномочия человека, то, что он может и в состоянии осуществить (начало осуществления). Во-вторых, это то, что должно, связанного с Абсолютной свободой, это обязанности человека (начало заданности). И наконец, в-третьих, то, что нельзя — заграждающая сила от злоупотребления свободой, это запретности (начало данности). Последнее выражает отрицающий лик любви. Человек не призван любить зло или содействовать этому злу. Позиция Ильина по этому вопросу особо знаменательна в свете известной дискуссии вокруг его работы «О сопротивлении злу силой». Ильин подчеркивал, что «осуждению подлежит не меч, а злые и своекорыстные чувства в душе воина». Призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов, а не врагов Божиих и не кощунствующих совратителей.²⁴⁰

В рамках изучения творчества Ильиным И.А. разработана трехсоставная модель художественного акта, представляющая процесс создания художественного произведения

---

²⁴⁰ См.: Ильин И.А. Идея Корнилова // Собр. соч. Т.5. С.226; См. также: Ильин И.А. Отрицателям меча; Ильин И.А. О сопротивлении злу силою (там же).

в виде трех последовательных компонентов: высокого сверхчувственного созерцания художественного Предмета (*духовной идеи, священный мимезис как богоуподобление*); чувственного воображения, способного создавать оригинальные *образы (поэзис)*; и совершенного материального воплощения (*техно*).²⁴¹ Полноценное творчество подразумевает обязательную иерархию: материя подчиняется требованиям образа, а образ требованиям Предмета, открывающегося в созерцании и олицетворяющего «высшую власть». Благодаря энергии «божественности» Предметов, овладевающих художником, пребывающем в состоянии созерцания, в произведении искусства происходит сочетание художественного образа и эстетической материи. Нарушение иерархии или ущербность компонентов приводит к вульгарности, китчу, штампам, суррогатам и тп.

Историософские воззрения Ильина также пронизаны православным мирозерцанием и логикой троичности. История человечества рассматривается им из духа христианства через призму задания для всего человечества в меру осуществления его различными народами, политическими силами и конкретными людьми с учетом **данных** свыше исторических условий существования. Мыслитель систематизирует основные духовные соблазны человечества в терминах миропочитания как недооценки божественного в угоду земному и мироотвержения как недооценки значения мира и человека. Им противостоит христианская идея миропреображения. По мнению мыслителя, наиболее ярко это проявилось в отношении к Христу. Соблазн мироотвержения выразился, в частности, в том, что как нередко думали в первые века, «надо принять Христа и отвергнуть мир (внутри христианства - «нестяжатели», крайние формы аскетизма, а вне христианства это наиболее ярко воплотилось в буддизме.) «Цивилизованное» человечество наших дней принимает мир и отвергает Христа. А в средние века

---

²⁴¹ См.: Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч. Т.6. Кн.1

Запад выдвинул еще один соблазн: сохранить имя Христа и приспособить искаженный иудаизмом дух Его учения к лукаво-изворотливому и властолюбивому приятию неображаемого мира. Верный же исход в том, чтобы принять мир вследствие принятия Христа и на этом построить христианскую культуру...»²⁴². Спасение в цельности, утверждает Ильин, которая образуется через Божественную Благодать, связующую Бога и мир. Первый раз через нее явился мир в акте творения. Второй раз через Иисуса Христа произошло воссоединение мира и Бога в Духе. Теперь эта энергия в виде искры Божией, данной человеку, очеловечивается и индивидуализируется и человек, предаваясь ей, теряет себя в ней, но тем самым и находит себя вновь преображенным. Далее, разжигая в себе целое пламя, человек превращается в несгораемую купину духа, творит сам, становясь личным светильником Его света. Так человек оправдывает свое существование и освящается в творчестве. Дальнейший путь человека — внести этот дух во все сферы человеческого бытия.

Список литературы:

1. *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта: Исследование: Т. 1-2. - М.: ООО «Рарогъ», 1993.
2. *Ильин И.А.* Идея Корнилова // Собрание сочинений: в 10 т. Т.5. - М.: Русская книга, 1996.
3. *Ильин И.А.* О воспитании в грядущей России // Ильин И.А. Наши задачи. Т.2.- М.: ООО «Рарогъ», 1993.
4. *Ильин И.А.* О воспитании в грядущей России // Ильин И.А. Наши задачи. Т.2.- М.: ООО «Рарогъ», 1993.
5. *Ильин И.А.* О монархии и республике // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т.4.— М.: Русская книга, 1994.
6. *Ильин И.А.* О сильной власти // Ильин И.А. Наши задачи. Т.1.- М.: ООО «Рарогъ», 1993

---

²⁴² *Ильин И.А.* Основы христианской культуры // Собр. соч. Т.1. С.314.

7. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Собрание сочинений: в 10 т. Т.5. - М.: Русская книга, 1996.

8. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т.4. - М.: Русская книга, 1994.

9. Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т.1.- М.: Русская книга, 1993.

10. Ильин И.А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. . Т.6. Кн.1. - М.: Русская книга, 1996

11. Ильин И.А. Отрицателям меча // Собрание сочинений: в 10 т. Т.5. - М.: Русская книга, 1996.

12. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т.1. — М.: Русская книга, 1994.

13. Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т.3. — М.: Русская книга, 1994.

Сведения об авторе:

Закунов Юрий Александрович — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель центра наследования культуры Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

About the author:

Zakunov Yuri Aleksandrovich — phd, Associate Professor, Leading Researcher, Head of the Center for Cultural Inheritance of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhacheva

Чернова А.Е.
Chernova A.E.

НАЦИОНАЛЬНАЯ МЫСЛЬ О РОССИИ: ОТ ДОСТОЕВСКОГО К ИЛЬИНУ

NATIONAL THOUGHT ABOUT RUSSIA: FROM DOSTOEVSKY TO ILYIN

Аннотация.

В статье рассматривается несколько ключевых работ, связанных с вопросами становления русского мировоззрения и возрождения России. Слово И.А. Ильина «Духовный смысл сказки» сравнивается с «Пушкинской речью» Достоевского по трем параметрам: пророческое звучание, примиряющий эффект, обращение к творчеству Пушкина как к духовно-нравственному фундаменту. Кроме общности подходов, будут отмечены и различия. Трактовка Ильиным сказочных сюжетов через призму языческого восприятия говорит о сломе традиции, заданной еще митрополитом Иларионом в «Слове о законе и благодати». И, хотя Ильин не связывает языческое начало с конкретными культами и ритуалами, ограничивается упоминанием некой «дорелигиозной магической глубины» и «суеверно-языческой мудрости», опасность выведения народного творчества за рамки христианского мировоззрения, а значит, и неверно заданная точка духовного возрождения России, сохраняется.

Ключевые слова. Ильин, фольклор, сказка, Достоевский, национальная идея, русская эмиграция

Abstract. The article examines several key works related to the issues of the formation of the Russian worldview and the revival of Russia. I.A. Ilyin's «Spiritual Meaning of a Fairy Tale» is compared with Dostoevsky's «Pushkin Speech» by three parameters: prophetic sound, reconciling effect, appeal to Pushkin's work as a spiritual and moral foundation. In addition to the common approaches, differences will also be noted.

Ilyin's interpretation of fairy tale plots through the prism of pagan perception speaks of a breakdown in the tradition set by Metropolitan Hilarion in his «Word on Law and Grace». And, although Ilyin does not connect the pagan origin with specific cults and rituals, and limits himself to mentioning a certain “pre-religious magical depth” and “superstitious pagan wisdom,” the danger of taking folk art beyond the framework of the Christian worldview, and therefore, the incorrectly set point of Russia's spiritual revival, remains.

Keywords: Ilyin, folklore, fairy tale, Dostoevsky, national idea, Russian emigration

Национальная идея или национальная мысль о России появляется не сразу; зреет и формируется в работах выдающихся мыслителей, ученых, писателей и богословов. Уже самое первое произведение древнерусской словесности «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона было отмечено таким поиском. В нем он сформулировал национальную идею русского народа: хранить православие до Страшного суда. С тех пор, обращаясь к осмыслению истоков национального характера, авторы говорят и про религиозную картину мира, связанную с православием, и про эсхатологические чаяния. В ситуации же частичного исполнения эсхатологии — разрушения государства и захвата рычагов власти иностранными идеологами — поддержку и духовную опору пытаются найти в народном прошлом, в народных сказках, былинах, песнях.

В этом смысле особенно показательны две работы И.А. Ильина: Слово «Духовной смысл сказки» (1934 г.) и статья «Русская душа в своих сказках и легендах» (1942 г.). В 2010-х годах XX века эти работы вызвали определенный отклик в научных и общественных кругах. Так в 2009 году на «Русской народной линии» был опубликован доклад В.А. Баринова «Волшебное царство русской народной сказки в творческом наследии И.А. Ильина»²⁴³, в 2011

---

²⁴³ Баринова В.А. Волшебное царство русской народной сказ-

году вышла статья А.Б. Измайловой «Русская народная сказка как средство воспитания в трудах И.А. Ильина»²⁴⁴, а в 2016 — исследование А.Л. Налепина «Иван Александрович Ильин и философская мысль русского зарубежья в поисках фольклорного императива»²⁴⁵. Все три материала в чем-то похожи друг на друга: ядро исследования заключается в перечислении позиций И.А. Ильина и пересказе своими словами с большими цитатными подтверждениями того, что видел философ в русской сказке. Во многом близки и формулировки, предваряющие абзацы: «И.А. Ильин констатирует», «И.А. Ильин полагает», «ученый отмечает», «ученый полагает» (В.А. Баринов), «И.А. Ильин писал», «И.А. Ильин рассматривал», «И.А. Ильин подчеркивал» (А. Б. Измайлова) и т.д.

Тем самым, мы можем отметить просветительское значение этих работ: авторы внесли определенный вклад в популяризацию идей И.А. Ильина, выделили, акцентировали и прокомментировали его тезисы. Глубиной исследовательского подхода отличается статья А.Л. Налепина, определяющая фольклорный императив. Так, например, когда Ильин пишет о сумеречном сознании, необходимом для восприятия сказки, ученый указывает на возможное влияние фрейдовской теории бессознательного; также Налепин отмечает, что Ильин своей работой предвосхитил становление новой фольклорной поэтики, которую в начале XX столетий

ки в творческом наследии И.А. Ильина / Доклад на VII Международных Ильинских научно-богословских чтениях (Екатеринбург, 27-28 апреля 2009 года) // Русская народная линия, 2011. [Электронный ресурс]: https://ruskline.ru/analitika/2009/06/18/volshebnoe_carstvo_russkoj_narodnoj_skazki_v_tvorcheskom_nasledii_i_il_ina (дата обращения: 01.10.24)

²⁴⁴ Измайлова А.Б. Русская народная сказка как средство воспитания в трудах И.А. Ильина / Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. Серия: педагогические и психологические науки №10 (29), 2011. С. 75 – 82.

²⁴⁵ Налепин А.Л. Иван Александрович Ильин и философская мысль русского зарубежья в поисках фольклорного императива / STUDIA LITTERARUM, 2016. С. 325 – 339.

предчувствовал, и фольклорист А.Н. Веселовский. Частично сказковедческая тема Ильина упоминается в монографии Ю.И. Сохрякова «И.А. Ильин — религиозный мыслитель и литературный критик (2004 г.)»²⁴⁶, в статье О.С. Тульской «Литературно-художественное своеобразие сказок И.А. Ильина»²⁴⁷ (2013 г.) и др. научных работах.

Отмечая безусловную ценность всего, что сказал Иван Ильин про сказку — как в воспитательном, так и в философском ключе — исследователи меньшее внимание обращают на пророческое звучание его слов, на их особую духовную миссию. В нашей статье мы рассмотрим речь Ильина, произнесенную на «Вечере русской сказки», как знаковое явление русской истории и культуры, как важнейший прецедентный текст, если до сих пор и не услышанный, не воспринятый, то имеющий все свойства стать именно таким. Слово Ильина подобно пророческому воззванию, обращенному к нации и ко всем нам — сравнимому с «Пушкинской речью» Ф.М. Достоевского.

Свою речь «Духовный смысл сказки» Иван Ильин произнес третьего мая 1834 года на «Вечере русской сказки» в Берлине. На данный момент мы не можем представить описания самого вечера русской сказки — много ли собралось слушателей, была ли это камерная обстановка при свечах, или, напротив, зал с трудом вмещал желающих услышать размышления знаменитого философа; не знаем мы и как была воспринята его речь — с восторгом и горением, с продолжительными овациями и слезами на глазах, или же, напротив, буднично и равнодушно. Однако учитывая контекст времени, особенности жизни русской эмиграции в Берлине, а также аспекты биографии И.А. Ильина, многое можно предположить.

---

²⁴⁶ Сохряков Ю.И. И.А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. 252 с.

²⁴⁷ Тульская О.С. Литературно-художественное своеобразие сказок И. А. Ильина / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология № 2, 2013. С. 50 – 57.

Находясь с 1922 года в вынужденной эмиграции, Иван Ильин вел активную общественно-политическую деятельность. Талант доходчиво и ярко выразить даже самую непростую мысль соединялся с ораторскими способностями, что делало выступления философа явлением заметным и неповторимым. Так в 1926 году он был один из главных организаторов Русского Зарубежного Съезда и произнес «по мнению многих наблюдателей самую лучшую и самую глубокую речь»²⁴⁸. Год, когда появилась статья «Духовный смысл сказки» отмечен еще одним знаковым трудом — брошюрой «Три речи о России». Между тем, тучи над самим философом сгущались. В этом же 1934 году «за отказ следовать указаниям нацистов он был уволен из Русского Научного института и стал преследоваться властями»²⁴⁹. Допросы в Гестапо и угроза ареста длились вплоть до 1938 года, когда Ильин с помощью своих друзей и учеников бежал в Швейцарию.

Мы можем сделать вывод и об особой полемической заостренности работ этого периода; и о чутком внимании заинтересованных слушателей. «Государи мои, люди русские!»²⁵⁰ — так обращается Ильин к своим слушателям, русским эмигрантам, трагически перенесших духовно-нравственную катастрофу утраты Отечества. Сама интонация речи, округленная мягкость в построении фраз, создает ощущение доверительности, некой приглушенности — о самом дорогом и важном не кричат с трибун, но говорят полупшепотом, сердечно. С Пушкинской речью Достоевского Слово Ильина роднит несколько аспектов. Во-первых, и то другое выступление было произнесено в ситуации идеологической напряженности и борьбы; слушатели ожидали не просто размышления об истоках русской культуры, размышления пусть и правильного, нежного, однако далекого от событий

---

²⁴⁸ Лисица Ю.Т., Лисица О.В. Иван Ильин – провозвестник грядущей России. М., 2005. С. 25.

²⁴⁹ Лисица Ю.Т., Лисица О.В. Иван Ильин – провозвестник грядущей России. М., 2005. С. 31.

²⁵⁰ Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. С. 229.

насущенных; но обращения горячего, адресованного лично к каждому и способному разрешить самые тягостные сомнения и потаённые надежды, связанные с будущностью Родины.

Достоевский свою речь произнес 8 июня 1880 года. По замыслу организаторов Пушкинского праздника, безобидное светское мероприятие должно было стать идейным ристалищем. Сам же писатель «ехал в Москву не только, чтобы выразить свою любовь к Пушкину и поделиться размышлениями о его творчестве, но, и чтобы высказать свои сокровенные взгляды, заявить свой манифест»²⁵¹. Предстояла борьба и своеобразная дуэль между неофициальными партиями русской интеллигенции, западников и славянофилов; взгляды первой выражал Тургенев, взгляды второй — Достоевский.

Творческий путь Ивана Ильина также сопряжен с идейными противостояниями, которые особенно актуализируются в эмигрантский период. Философ сближается с монархическими кругами и ведет напряженную духовную борьбу с большевистским режимом в России; с тридцатых годов в его публицистических работах начинает звучать и критика национал-социализма. Конечно, мы не можем утверждать, что на «Вечере русской сказки» присутствовали, как у Достоевского, идейные оппоненты Ильина. Однако Слово, обращенное к слушателям, предполагает наличие некой тревожной тени скорбей и тяжелых утрат не только личного, но и исторического характера. «Какая бы тень ни набежала на вашу жизнь, — посетит ли вас тревога о судьбе России, придут ли к вам «мысли черные» о вашей личной судьбе или просто жизнь покажется «несносной раной», — вспомните о русской сказке и прислушайтесь к ее тихому, древнему, мудрому голосу», — призывает Ильин²⁵².

---

²⁵¹ Фокин П.Е., Петрова А.В. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории Российской литературы им. В.И. Даля / Незвестный Достоевский. Том: 7 № 2, 2020. С. 164.

²⁵² Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. М.:

И Иван Александрович, и Федор Михайловича говорят о судьбе России, о ее будущем; о русском человеке и национальных кодах, которые содержатся в литературе и в народном творчестве. Идеи, озвученные в этих статьях, словно дополняют друг друга. Характерно, что свою доказательную базу, и Достоевский и Ильин строят, опираясь на произведения А.С. Пушкина. У Достоевского такое обращение хотя и закономерно — сама тема была определена литературным праздником — но не случайно. Подобным образом и Ильин, когда желает подчеркнуть особенности сказок, приводит строки из «Руслана и Людмилы», и многие другие свои наблюдения снабжает указаниями на Пушкина. Так он призывает сесть «вослед за Пушкиным под зеленый дуб нашей России» и слушать сказки мудрого кота. И это — не уход от современности в мир грез. Напротив, важнейшая часть подготовки русских детей к «претрудной и опасной жизни», форма общения с народом, созерцание русских судеб.

Этот второй аспект общности двух работ — то, что духовные выводы и прозрения проверяются и подтверждаются творчеством Пушкина — свидетельствует о единстве национальных ценностей исторической России и монархических кругов русской эмиграции. Наконец, третий аспект. Назовем его «примиряющим эффектом». По воспоминаниям современников, речь Достоевского имела оглушающее и пророческое звучание. Зал и рыдал, и рукоплескал одновременно. Ни западников, ни славянофилов больше не существовало. Все были едины в своем порыве.

Такой «примиряющий эффект» подспудно имеет и Слово Ильина. Не через примирение добра и зла, конечно, — такое невозможно; но через обращенность ко всему народу и человечеству, а не только к узкому кругу единомышленников. В заключительных абзацах произведения, будто водопад, сверкают и скачут десятки строк, состоящих из одних вопросов. И завершается всё пламенным вопрошанием: «И все эти вопросы — о том, что всегда и для всех: о счастье,

о судьбе, о правде и о зле, о смысле и о путях жизни. И сказка говорит не о том, чего нет и не бывает, а о том, что всегда, и теперь есть, и всегда будет, пока человек будет томиться на земле»²⁵³. Ильин выделяет курсивом опорные слова: всегда, для всех, всегда, и теперь есть, и всегда будет. Целенаправленно подчеркивает всеобъемлющую и вневременную составляющую сказочной темы, объединяющей весь народ. И, шире — всё человечество...

По мнению Ильина, русская сказка содержит в себе незыблемый императив или «особую необходимость» в деле грядущего освобождения России. «Ее необходимость иная, душевно-духовная, внутренняя, таинственная. Это необходимость сокровенного помысла, предчувствия и сновидения; и в то же время — это необходимость национальной судьбы, национального характера и национальной борьбы».²⁵⁴ Именно сказка прояснила скрытый смысл русской истории XX века. Согласимся с выводом Налепина про идеологическую направленность Слова Ильина: «Эта работа Ильина, как и все его работы, созданные в эмиграции, носила в определенной степени идеологический, а иногда даже пропагандистский характер, ибо страстно призывала к грядущей борьбе за будущую Возрожденную Россию»²⁵⁵.

И Пушкинская речь Достоевского, и Слово про сказку Ильина — явления одного порядка: преподнесённые как откровения, наполненные духом сражения и любви — национальные идеи о Возрождении России.

Так их и надо воспринимать. В своей цельности и полемической заостренности. Перед нами не литературоведческий и, тем более, не фольклористический трактат, но общественное воззвание, художественно-философский текст.

---

²⁵³ Ильин И.А. *Одинокий художник*. Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. С. 240.

²⁵⁴ Ильин И.А. *Одинокий художник*. Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. С. 233.

²⁵⁵ Налепин А.Л. Иван Александрович Ильин и философская мысль русского зарубежья в поисках фольклорного императива / *STUDIA LITTERARUM*, 2016. С. 335

Придерживаясь позиций мифологической школы, Ильин говорит о языческих корнях русской сказки, о том, что рассказчик излагает лишь земные смыслы, но еще не узрел и не постиг Бога. «...ответ ему дается не из религии, а из до-религиозной магической глубины, где инстинкт, художество и опыт жизни скопили некую национальную, но не последнюю, а предпоследнюю суеверно-языческую мудрость...»²⁵⁶ Тем самым он разводит фольклор и православную древнерусскую словесность, предлагает современникам шаткий мостик, ведущий к неоязычеству. Этот подход, конечно, не перечеркивает всего сказанного про сказку, но все-таки значительно ограничивает ее смыслы и глубинное содержание. Не учитывает библейскую основу и евангельские аллюзии древнейших сказочных сюжетов. Того, что все-таки не так уж прост и наивен был рассказчик. И далеко не язычник...

Можно сказать, что Слово Ильина про сказку подобно мерцающему огоньку. Задача его — озарить повседневную жизнь, «ее серость и беспросветность»²⁵⁷. Задать вопросы, встревожить сердце, восхитить. Ведь в конечном счете, «все люди делятся на людей, живущих со сказкою, и людей, живущих без сказки»²⁵⁸. Всё как в стихотворении Николая Клюева:

Миновал житейские версты
Умереть, как золе в печурке,
Без малинового погоста,
Без сказки о котике Мурке²⁵⁹...

---

²⁵⁶ Ильин И.А. *Одиноким художник*. Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. С. 237

²⁵⁷ Ильин И.А. *Одиноким художник*. Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. С. 231

²⁵⁸ Ильин И.А. *Одиноким художник*. Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. С. 241.

²⁵⁹ Клюев Н. А. *Миновал житейские версты...* [Электронный ресурс]: <http://klyuev.lit-info.ru/klyuev/stihi/stih-368.htm> (дата обращения: 01.10. 24)

Вот что для человека страшно. Отметим, что сказка по Ключеву соединена с «малиновым погостом», а значит с образом храма, церковной службы, а не с ворохом языческих суеверий. И это только один из примеров восприятия сказочных сюжетов писателями.

Во время испытаний — И.А. Ильин призывает прислушаться к тихому, древнему и мудрому голосу народной сказки. Но какой он, этот голос? Как и Достоевский, философ выражает национальную мысль о России, которая нераздельно связана и с Пушкиным. Для сказки нет ничего невозможного. Она повинуетя лишь «законам художественной мечты и законам национально-героического»²⁶⁰ эпоса. Пророческое сновидение, волевой порыв и созерцающее постижение — вот три сказочных закона, которые помогают увидеть иное и иначе.

Достоевский связывал грядущее обновление русского народа с окончательным согласием «всех племен по Христову евангельскому закону!» Говорить о таком обновлении было бы невозможно, если бы народное творчество в своих лучших образцах оставалось на уровне языческого мироощущения. В «Духовном смысле сказки» мы наблюдаем определенный слом указанного вектора, который был единым от митрополита Илариона до Достоевского. Нарушение целостного восприятия народного характера — одна из примет нового времени. К XXI веку тенденция лишь усилится. Зерна же будущей дискуссии содержатся уже и в Слове Ивана Ильина, пламенном обращении ко всем нам и пророчестве...

Список литературы:

1. *Баринов В.А.* Волшебное царство русской народной сказки в творческом наследии И.А. Ильина / Доклад на VII Международных Ильинских научно-богословских чтениях

---

²⁶⁰ *Ильин И.А.* Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993.С. 233

(Екатеринбург, 27-28 апреля 2009 года) // Русская народная линия, 2011. [Электронный ресурс]:https://ruskline.ru/analitika/2009/06/18/volshebnoe_carstvo_russkoj_narodnoj_skazki_v_tvorcheskom_nasledii_i_a_il_ina (дата обращения: 01.10.24)

2. *Евлампиев И.И.* Иван Ильин. СПб: Наука, 2016. 251 с.

3. *Измайлова А.Б.* Русская народная сказка как средство воспитания в трудах И.А. Ильина / Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. Серия: педагогические и психологические науки №10 (29), 2011. С. 75 — 82.

4. *Ильин И.А.* Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. 336 с.

5. *Клюев Н. А.* Миновав житейские версты... [Электронный ресурс]: <http://klyuev.lit-info.ru/klyuev/stihi/stih-368.htm> (дата обращения: 01.10. 24)

6. *Лисица Ю.Т., Лисица О.В.* Иван Ильин — провозвестник грядущей России. М., 2005 56 с.

7. *Налепин А.Л.* Иван Александрович Ильин и философская мысль русского зарубежья в поисках фольклорного императива / STUDIA LITTERARUM, 2016. С. 325 — 339.

8. *Сохряков Ю.И.* И.А. Ильин — религиозный мыслитель и литературный критик. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. 252 с.

9. *Тульская О.С.* Литературно-художественное своеобразие сказок И. А. Ильина / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология № 2, 2013. С. 50 — 57.

10. *Фокин П.Е., Петрова А.В.* «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории Российской литературы им. В.И. Даля / Неизвестный Достоевский. Том: 7 № 2, 2020. С. 162-195

Сведения об авторе

Чернова Анастасия Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Московского

государственного университета технологий и управления (Первый казачий университет), доцент кафедры филологии Перервинской духовной семинарии. litsot@yandex.ru

About the author

Chernova Anastasia Evgenevna — phd, associate professor of the literature department of the Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), associate professor of the philology department of the Perervinsky Theological Seminary. litsot@yandex.ru

Кацанова И.А.
Katsanova I.A.

**НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ (СИЛОЮ)
ИЛИ МНИМОЕ ПРАВО НА ПРЕДАТЕЛЬСТВО:
Л.Н. ТОЛСТОЙ — И.А. ИЛЬИН (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ)**

**NON-RESISTANCE TO EVIL BY VIOLENCE (FORCE)
OR THE IMAGINARY RIGHT TO BETRAYAL:
L.N. TOLSTOY - I.A. ILYIN (COMPARATIVE ANALYSIS)**

Аннотация:

Предметом рассмотрения являются учения Л.Н. Толстого о непровилении злу насиллем и И.А. Ильина о сопровилении злу силою в идейном контексте эпохи. Теория Толстого формировалась в контексте моральной философии и религиозных смыслов, в то время как Ильин тему «сопровилении злу силою» рассматривал в контексте философско-правовой проблематики.

Цель — сравнительный анализ указанных учений русских мыслителей, где особый акцент делается на осмыслении мотивов, побудивших Ильина обратиться к анализу учения Толстого о непровилении злу. А также раскрыть, по существу, мотив Ильина, заявившего о теме — нравственное противоречие войны, связать ее с темой непровилении злу, в условиях войны, революций, вооруженного насиллия.

Новизна работы определяется рассмотрение таких малоисследованных аспектов темы как сравнительная характеристика отношения мыслителей к феномену вооруженной борьбы, анализ генезиса замысла книги И.А. Ильина «О сопровилении злу силою» и характеристика учений Л.Н. Толстого и И.А. Ильина с учетом полемики по поводу указанной книги Ильина. Через сравнительный анализ учений о непровилении злу Л.Н. Толстого и о сопровилении злу силою И.А. Ильина, раскрывается по существу методологическая и мировоззренческая несовместимость идейных мотивов

в оценке принципа непротивления, а также отношения к добру и злу.

В заключение статьи отмечается, проблема «непротивления злу», рассматриваемая Толстым и Ильиным исключительно сложна. И в общем плане главным для ее решения является вопрос о том, насколько вообще оправдано применение силы *с нравственных позиций*. Сама же полемика вокруг темы «непротивления» имеет два, существующих автономно, направления мысли: «непротивление» — «сопротивление» и два подхода: этико-религиозный и научный. Понятно, совместить эти проблемы не получится, но понять разницу восприятия целей и задач, поставленных авторами теорий, необходимо для правильных оценок их концепций: «непротивления злу» и «сопротивления злу силою».

Ключевые слова: непротивление злу насилием, сопротивление злу силою, война, добро, зло, мораль, право, нигилизм.

Abstract:

The subject of consideration is the teachings of L.N. Tolstoy on non-resistance to evil by violence and I.A. Ilyin on resistance to evil by force in the ideological context of the era. Tolstoy's theory was formed in the context of moral philosophy and religious meanings, while Ilyin considered the theme of «resistance to evil by force» in the context of philosophical and legal issues.

The goal is a comparative analysis of the indicated teachings of Russian thinkers, where special emphasis is placed on understanding the motives that prompted Ilyin to turn to the analysis of Tolstoy's teaching on non-resistance to evil. And also to reveal, in essence, Ilyin's motive for declaring the theme - the moral contradiction of war, to connect it with the theme of non-resistance to evil, in the conditions of war, revolutions, armed violence.

The novelty of the work is determined by the consideration of such little-studied aspects of the topic as a comparative characteristic of the attitude of thinkers to the phenomenon of

armed struggle, an analysis of the genesis of the idea of the book by I.A. Ilyin «On Resisting Evil by Force» and a description of the teachings of L.N. Tolstoy and I.A. Ilyin taking into account the controversy over the said book by Ilyin. Through a comparative analysis of the teachings on non-resistance to evil by L.N. Tolstoy and on resistance to evil by force by I.A. Ilyin, the methodological and ideological incompatibility of ideological motives in assessing the principle of non-resistance, as well as the attitude to good and evil, is essentially revealed. In conclusion, the article notes that the problem of «non-resistance to evil» considered by Tolstoy and Ilyin is extremely complex. And in general, the main thing for its solution is the question of how justified the use of force is from a moral standpoint. The controversy around the topic of «non-resistance» itself has two autonomously existing lines of thought: «non-resistance» - «resistance» and two approaches: ethical-religious and scientific. It is clear that it will not be possible to combine these problems, but it is necessary to understand the difference in the perception of the goals and objectives set by the authors of the theories for the correct assessment of their concepts: «non-resistance to evil» and «resistance to evil by force».

Keywords: non-resistance to evil by force, resistance to evil by force, war, good, evil, morality, law, nihilism.

Сегодня, когда мы приобретаем к культурному наследию, важно, не просто обратиться к наследию наших предков и вспомнить их имена, но также важно показать, насколько актуальны темы, представленные ими на обсуждение общественности. Раскрыть многомерность и глубину их произведений, и их приверженность именно культурным основам той общественной организации, в которой они проживали физически и духовно, свои мысли и чувства, переживая за все, что их окружало по жизни.

Важно раскрыть с позиции философии права глубину наследия И.А. Ильина — и показать, как соотношение морали и права усиливают социальное значение понятия «несопротивление». Также важно показать и позицию

Л.Н. Толстого как морализирующего мыслителя — призывающего к построению культуры на нравственной и религиозной основе — в чем, собственно, и состояло философское значение теории непротивления Толстого — и важно отметить, не только для России. Изучению моральных воззрений Л.Н. Толстого, а также философско-правовой проблематике И.А. Ильина посвящено немало научных работ отечественных и зарубежных специалистов. Но практически отсутствуют работы, специально посвященные сравнительному анализу учений о непротивлении злу Л.Н. Толстого и о сопротивлении злу силою И.А. Ильина в контексте войны, вооруженного насилия.

Цель данной статьи — сравнительный анализ указанных учений русских мыслителей.

I

В начале XX века революции и, особенно, бедствия Первой мировой войны вновь заставили задуматься многих о силе зла в мире и о возможности сопротивления злу силою. Но и в XXI веке острота и злободневность этого вопроса не утратили своей актуальности. В отечественной традиции многие русские философы и писатели: В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой — рассуждали о войне и вооруженном насилии. Но главной особенностью этих размышлений было то, что война рассматривалась ими не с позиций социологического или политического подходов, как социальное или политическое явление, а, скорее, толкование или понимание проблем войны и вооруженного насилия смещались в сторону этического и антропологического принципов, в рамках которых выводы и оценки касались в большей степени положения человека на войне, а также перспектив и возможности свободного выбора между добром и злом. Ильин не был исключением и много внимания уделил философскому анализу войны, ее противоречий, как и теме «непротивления злу силою». Правда, в отличие от многих, мыслитель рассматривает эти

проблемы в контексте православной традиции России и ее истории.

В жизни человека, по мнению философа, более тяжелого во всех отношениях времени, чем время войны, — нет. Бремя войны подавляет душу человека «не столько количеством и объемом практических задач и нужд, загромаждающих собою весь жизненный горизонт, всю видимую перспективу творчества», сколько «качеством и содержанием тех заданий, которые она обрушивает на нас, независимо от того, подготовились ли мы духовно к их разрешению или нет». Именно «*нравственно противоречивый характер* этих заданий»²⁶¹, по мысли Ильина, является главным обременением в исследовании проблем войны. Для философа война представлялась крайне противоречивым явлением: война как массовое убийство, или как «коллективное самопожертвование», как воплощенная ненависть, или как жертвенная любовь, как разрушение культурного наследия, или как обновление культуры: создание новой духовной общности, где огромное значение имеет жизнь каждого человека.

Ильин рассуждал о пагубности любой войны: «Никто не должен закрывать себе глаза на нравственную природу войны. Мучения и убийства, которые люди чинят друг другу в сражении, не станут ни благим, ни праведным, ни святым делом, каким бы целям они ни служили. Но каждый раз, как человек, имея возможность выбирать и решать, совершает нравственно недоброкачественное деяние, он несет на себе вину; поэтому война есть наша *общая великая вина*»²⁶². Война «как организованное убиение остается на-

---

²⁶¹ Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны. Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Год XXV, кн. 125 (V). – С. 797-826. Файл в формате Djvu взят с сайта <http://relig-library.pstu.ru> \ Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответствует оригиналу. С. 797.

²⁶² Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны. Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Год XXV, кн. 125 (V). – С. 797-826. Файл в формате Djvu взят с сайта <http://relig-library.pstu.ru> \ Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответ-

шею общею виною», потому что «тяготит даже тех, кто сам не участвует в сражениях: ибо мы слишком хорошо понимаем, что мы не убиваем сейчас только потому, что за нас убивают другие»²⁶³. Безусловно война — это реальность, которой нельзя не возмутиться с точки зрения естественной человечности, но также нельзя остаться и в стороне от нее, поскольку речь идет о защите всего, что так дорого, что составляет ценностный горизонт жизни. Участие в войне, — продолжает мысль философ, — заставляет душу принять и пережить высшую нравственную трагедию. Поэтому оправдание войны с точки зрения индивидуальной нравственной позиции — задача еще более сложная, ибо естественное моральное сознание не может согласиться с массовым нанесением вреда другим людям.

Понятно, что участие в войне есть для каждого участника акт повиновения внешнему приказу, и для огромного большинства правовым велением определяется и самая обязанность участвовать, и форма участия, и момент применения (действия) оружием. Однако такая установка, облегчающая с виду момент выбора и решения, на самом деле только затрудняет и осложняет как сам выбор, так и решение. Нравственное противоречие состоит здесь в том, что во время каждой войны в душе человека глубокое нравственное «отрицание» войны, принятое волею и раскрытое разумом, сталкивается с признанием того морального значения, в котором нельзя отказать развитому правосознанию и добровольному право-повиновению, которое каждый из нас должен выносить индивидуально. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, которую Ильин назвал «основным нравственным противоречием войны» и сформулировал его так:

ствует оригиналу. С. 819-820.

²⁶³ *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны. Вопросы философии и психологии. — М., 1914. — Год XXV, кн. 125 (V). — С. 797-826. Файл в формате Djvu взят с сайта <http://relig-library.pstu.ru> \ Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответствует оригиналу. С. 815-816.

«Может ли человек разрешить себе по совести убиение другого человека?»²⁶⁴.

Мыслитель не просто формулировал вопросы для обсуждения, но соотносил их анализ с глубиной и таинственностью самого процесса жизни и смерти. Ильин твердо убежден был в том, что «в вопросе жизни и смерти человека — человек не властен... Это человеку не подчинено и нет у него полномочий решать, когда кому следует окончить жизнь»²⁶⁵. Жизнь — это естественное, привычное состояние, которое столь просто для человека, что «никто из нас не сумел бы даже рассказать, в чем оно состоит и что это мы делаем, чтобы «жить», как «это» нам удается» - «жизнь в самой сущности своей, в самом качестве своем неразложима ни на какие составные элементы, но и в начале, и в конце, и во всем течении своем остается перед нами реальной тайной, которую легко испытывать, но трудно исследовать, которую можно без конца описывать, которую мы можем разрушить, но которую мы не можем воссоздать»²⁶⁶. Именно поэтому человекоубийство, с точки зрения Ильина, неприемлемо, поскольку сильнее всего нарушает и разрушает нравственно-духовный строй человеческого общества — ту взаимосвязанность людей друг

---

²⁶⁴ *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны. Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Год XXV, кн. 125 (V). – С. 797-826. Файл в формате Djvu взят с сайта <http://relig-library.pstu.ru> \ Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответствует оригиналу. С. 799.

²⁶⁵ *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны. Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Год XXV, кн. 125 (V). – С. 797-826. Файл в формате Djvu взят с сайта <http://relig-library.pstu.ru> \ Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответствует оригиналу. – С. 802.

²⁶⁶ *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны. Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Год XXV, кн. 125 (V). – С. 797-826. Файл в формате Djvu взят с сайта <http://relig-library.pstu.ru> \ Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответствует оригиналу. – С. 801.

с другом, благодаря которой это общество только и может существовать²⁶⁷.

Первая мировая война стала для Ильина-мыслителя серьезным испытанием. В условиях войны Ильин, в силу своих возможностей, как многие коллеги по университету, пытается практически помочь армии добиться победы над врагом — чтением многочисленных публичных лекций в пользу раненых и пострадавших в сражениях. Выбранные философом темы лекций сориентированы, конечно, на проблематику войны: «Что есть истинный патриотизм?», «Война как духовное делание», «Моральные антиномии войны», «Война и правосознание». Тематике войны Ильин посвящает и свои работы — статью «Основное противоречие войны» (1914 г.), брошюру «Духовный смысл войны» (1915 г.). Одновременно философ пересматривает свои профессиональные интересы и, вместо историко-философской проблематики, на первое место в своих размышлениях ставит этические вопросы, актуализированные условиями войны. В статьях и письмах, написанных в эти годы, философ не скрывал своего негативного отношения к войне, но при этом выражал твердое убеждение в том, что в условиях, когда Россия оказалась втянутой в войну, совершенно недопустимым является распространение в обществе пораженческих настроений. Такая позиция Ильина объясняется тем, что в среде русской интеллигенции было распространено воззрение, согласно которому самым эффективным и нравственным способом борьбы со злом является несопротивление ему силой.

В ноябре 1914 года Ильин выступил с докладом «Основное нравственное противоречие войны» на заседании Московского Психологического Общества²⁶⁸, где впервые

---

²⁶⁷ Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны. Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Год XXV, кн. 125 (V). – С. 797-826. Файл в формате Djvu взят с сайта <http://relig-library.rstu.ru> \ Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответствует оригиналу. С. 806.

²⁶⁸ В конце того года доклад был опубликован в виде статьи в журнале «Вопросы философии и психологии», № 25.

затронул тему несопротивления злу. По мнению Ильина, «учение о *несопротивлении нападающему*, как об одном из действительных нравственных средств борьбы со *злым и хищным желанием нападающего*, было по справедливости недооценено в то время, когда его выдвинул Лев Николаевич Толстой»²⁶⁹. Для Ильина же важно было раскрыть необходимость сопротивления злу силой *в ситуации экстремального порядка*, а также в ситуации войны. Поэтому, поставив перед собой цель, философ показывает, что принцип непротивления злу глубже и шире, чем это кажется на первый взгляд, и доказывает несостоятельность идеологии непротивленчества, проповедываемого писателем и его сторонниками²⁷⁰. Статья «Основное нравственное противоречие войны» небольшая по объему, но, по мнению профессора кафедры истории государства и права МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Томсинова, «глубокая по своему идейному содержанию и блестящая по стилю»²⁷¹. К тому же, она свидетельствует

---

²⁶⁹ Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны. Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Год XXV, кн. 125 (V). – С. 797-826. Файл в формате Djvu взят с сайта <http://relig-library.pstu.ru> \ Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответствует оригиналу. С.820.

²⁷⁰ Учение о ненасилии – означает отказ от зла и применения силы по отношению к ближнему. Истоки этой концепции относятся к середине I тысячелетия до н. э., когда формировался человекоцентричный взгляд на мир, связанный с золотым правилом нравственности. Мысль о ненасилии есть во многих религиях – джайнизме, буддизме, индуизме. В христианстве эта идея является одной из основополагающих, на ней основана Нагорная проповедь: «Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» [3, Мф. 5: 38–41, с. 5]. Тем самым Иисус Христос отрицает древний закон («lex talionis») – принцип талиона, обязывающий отомстить за совершенное врагом зло, и провозглашает новый нравственный закон – закон любви.

²⁷¹ Томсинов В.А. Мыслитель с поющим сердцем. Судьба и творчество Ивана Александровича Ильина // Ильин И.А. Теория права и государства. Изд. 2-е доп. М.: Зерцало, 2008. – 550 с. С. 59.

о том, что «в России появился великий мыслитель-патриот, сумевший соединить в своей личности, казалось бы, несовместимое — глубокий ум и страстную душу, стойкость убеждений и гибкость мысли»²⁷². Трудно не согласиться с такой оценкой Ильина как личности и Ильина как мыслителя.

Да, Ильин не был альтруистом, но всегда верил в грядущее возрождение России, в ее духовное возрождение. С особой энергией философ стремился осветить в своем творчестве все стороны духовной и душевной жизни человека, при этом использовал созданный им весьма оригинальный язык. И хотя по образованию Ильин был юристом, правоведом, но, по сути, всегда оставался философом. И как мыслитель он особенный — кто может так, как Ильин погружаться в исследуемый предмет. В своем творчестве он касается проблем самого разного масштаба, при этом удивительным образом внутренне проживая каждую из них, сопереживая всему живому, а иногда и неживому, существующему в мире. По мнению Струве П.Б.: «И.А. Ильин есть интересное и крупное явление в истории русской образованности. Формально — юрист, но по существу философ, т.е. мыслитель, а по форме — изумительный оратор или ритор в хорошем античном смысле этого слова. Когда он пишет, он говорит. А когда он говорит, то захватывает ум, очаровывает слух, входит в душу с какой-то особой силой, присущей живому и твердому, мерному и кованому человеческому слову»²⁷³. Ильин «настоящий художник живого, врезающегося в душу слова. Такого, как он, русская культура еще не производила, и он в ее историю войдет со своим лицом, особым и неподражаемым, со своим оригинальным дарованием, сильным и резким, во всех смыслах»²⁷⁴. И — это так!

---

²⁷² Томсинов В.А. Там же.

²⁷³ Струве П.Б. Дневник политика <№> 82 // И.А. Ильин: pro et contra / Сост., вступ. статья, примеч. И.И. Евлампиева. — СПб.: РХГИ, 2004. — 869 с. С. 684.

²⁷⁴ Там же.

На самом деле своеобразие Ильина основывается на осознании того, что есть для него философия — это не просто мирозерцание, или мировоззрение, а прежде всего *делание*, по существу, — *философия* рассматривалась мыслителем — как *познавательное творчество*. И, как познавательное творчество, она — «есть в особом и углубленном смысле *внутреннее делание* и притом такое внутреннее делание, предмет которого, - и по сложности, и по значительности своей, и по неуловимости своей для какой бы то ни было внешней и механической проверки, — требует особой, напряженной *душевно-духовной культуры*, особой остроты и чуткости *теоретической совести*, особой *чистоты ока и воли*»²⁷⁵. Собственно, и в жизни, и в творчестве философ принципиально следовал тому, о чем писал в своих работах.

II

То, о чем Ильин писал, о чем рассуждал и переживал в статье «Основное нравственное противоречие войны» — заслуживает особого внимания. Но важно отметить и то, что мыслителя эти проблемы не оставляли долгие годы, впоследствии он разовьет их в своей книге «О сопротивлении злу силой», которая издана была уже в эмиграции, в Берлине, в 1925 году. Правда, сама по себе книга вызвала огромный резонанс в эмигрантской среде, с критикой содержания книги выступили: Н.А. Бердяев, З.Н. Гиппиус, Ю.И. Айхенвальд, Ф.А. Степун, П.Б. Струве, В.В. Зеньковский и мн. др. Как писал экономист А. Билимович в статье «Критикам И.А. Ильина»: «Трудно указать современную русскую книгу, которая вызвала бы столь ожесточенные нападки, как книга проф. И.А. Ильина. В нападках этих проявлено очень много злобы по адресу автора и защищаемой им идеи. Вся эта злоба изливается во имя христианства. (...) Я имею

---

²⁷⁵ Ильин И.А. Философия как духовное делание // И.А. Ильин. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2008. – 912 с. С. 55.

ввиду выступление против Ильина «Пути» в лице Н.А. Бердяева, заметку Ф.А. Степуна «Об общественно-политических путях» в последней книжке «Современные записки», где Степун восхищается «превосходной отповедью», данной Ильину Бердяевым «из глубины христианских чувств», наконец, «отповедь» Ильину со стороны проф. В.В. Зеньковского в той же книжке «Современных записок»²⁷⁶.

На самом деле книга И.А. Ильина нашла и позитивно настроенных читателей, которые с восхищением и восторгом откликнулись на содержание книги. Среди таких читателей можно назвать П.Б. Струве, Архиепископа Иерусалимского Анастасия, Митрополита Антония, А. Билимовича и мн. др., чьи интересы совпали с идеями Ильина.

Из писем Архиепископа Анастасия Иерусалимского И.А. Ильину: «я много слышал о Вашей книге (я разумею столь популярный теперь Ваш труд «О сопротивлении злу силою»), но надо было прочесть ее самому, чтобы оценить дух и силу, какие Вы сумели вложить в нее. Она не просто убеждает, а покоряет читателя, зажигая его сердце горящим дерзновением правды. Главным достоинством ее служит та «честность с самим собою», которую Вы справедливо ставите необходимым условием для достижения истины»²⁷⁷. И то, что книга вызвала столько разнообразных и даже иногда противоположных суждений и споров — не удивляет, а является лучшим свидетельством «ее внутренней силы. Всякая могучая идея является как бы откровением для общества и потому, входя в его сознание, рассекает общество на части, как обоюдоострый меч. Не то ли сказал Христос о судьбе его собственного слова?»²⁷⁸. Струве, в свою очередь отмечал, что работа И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою»

---

²⁷⁶ Билимович А. Критикам И.А. Ильина // И.А. Ильин: pro et contra / Сост., вступ. статья, примеч. И.И. Евлампиева. – СПб.: РХГИ, 2004. – 869 с. С. 754.

²⁷⁷ Из писем Архиепископа Анастасия Иерусалимского к И.А. Ильину//http://krotov.info/library/04_g/ipp/ius2.htm

²⁷⁸ Из писем Архиепископа Анастасия Иерусалимского к И.А. Ильину//http://krotov.info/library/04_g/ipp/ius2.htm

«блестящая, но трудная книга на сложную и жестко-трудную нравственно-политическую тему»²⁷⁹. И ввиду того, что она «навевала на автора в нашей печати нелепые и недостойные нападки»²⁸⁰, Струве предлагал на страницах газеты «Возрождение», снова вернуться к обсуждению этой «замечательной книги» и ее темы.

Двойственное восприятие книги Ильина — от негодования до восхищения — очень точно выразил В.В. Зеньковский в статье «По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой»». Странное чувство пробуждает эта книга в душе читателя: с одной стороны, она «часто раздражает читателя обилием риторики и склонностью в *превыспренним*²⁸¹ фразам», а с другой стороны, «от нее веет подлинностью и глубиной, в ней есть особая, суровая честность»²⁸². С одной стороны, «тема книги кажется искусственной и надуманной», а с другой, «чрезвычайно современна, насыщена тем, чем живет и волнуется наше время»²⁸³. Формально книга посвящена критике учения Л.Н. Толстого, а по существу, «ставит совершенно другой вопрос — вопрос высочайшей важности для нас, для нашей эпохи — о религиозной культуре, об освящении исторической стихии»²⁸⁴.

В 1926 году главный оппонент И.А. Ильина Н.А. Бердяев написал рецензию на книгу Ильина «О сопротивлении

---

²⁷⁹ Струве П.Б. Дневник политика <№> 82 // И.А. Ильин: pro et contra / Сост., вступ. статья, примеч. И.И. Евлампиева. – СПб.: РХГИ, 2004. – 869 с. С. 685.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Необычайно напыщенный, высокопарный (о речи). Преувеличенно важный, напыщенный (о человеке).

²⁸² Зеньковский В.В. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» / https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/o-soprotivlenii-zlu-siloyu/

²⁸³ Зеньковский В.В. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» / https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/o-soprotivlenii-zlu-siloyu/

²⁸⁴ Зеньковский В.В. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» / https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/o-soprotivlenii-zlu-siloyu/

злу силою» и назвал ее «Кошмар злого добра». В ней он делился своими впечатлениями от прочитанного: «мне редко приходилось читать столь кошмарную и мучительную книгу, как книга И. Ильина «О сопротивлении злу силою». Книга эта способна внушить настоящее отвращение к «добру», она создает атмосферу духовного удушья, ввергает в застенки моральной инквизиции. Удушение добром было и у Л. Толстого, обратным подобием которого является И. Ильин»²⁸⁵.

В рецензии Бердяева утверждается, что книга Ильина свидетельствует о том, что «автор не выдержал духовного испытания нашей страшной эпохи, что он потерпел в ней нравственное поражение. (...) В миросозерцании И. Ильина нет ничего не только православного, но и вообще христианского. (...) Вся настроенность книги И. Ильина нехристианская и антихристианская»²⁸⁶ и т.д. и т.п. По мнению Бердяева, «напрасно И. Ильин думает, что он достиг той духовности, отрешенности и очищенности от страстей, которые дают право говорить от лица абсолютного добра. Добро И. Ильина очень относительное, отяжелевшее, искаженное страстями нашей эпохи, приспособленное для целей военно-походных. И. Ильин перестал быть философом, написавшим в более мирные времена прекрасную книгу о Гегеле»²⁸⁷.

Интересные выводы о прочитанной книге. Допустим, «И. Ильин перестал быть философом», тогда кем себя мыслит Бердяев? Человеком, для которого конъюнктура настоящего всегда формировала тематику его теоретических построений. Мыслителем, который, по определению Ф.А. Степуна «в каждом периоде своего творчества повернут иначе к миру. И повороты эти «не произвольны и не субъективны; в той или иной степени они всегда зависят от вращения того духовного мира, в котором вращается Бердяев»²⁸⁸.

---

²⁸⁵ Бердяев Н.А. Кошмар злого добра (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою») // И.А. Ильин: pro et contra / Сост., вступ. статья, примеч. И.И. Евлампиева. – СПб.: РХГИ, 2004. – 869 с. С. 659.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же. С. 658-659.

²⁸⁸ Степун Ф.А. Об общественно-политических путях «Пути»

Мышление Бердяева «антитетично, но не синтетично; ему органически претит всякое диалектическое облагораживание трагической сущности мира. В этом враждебном всякой диалектике динамизме бердяевской мысли кроется ключ к пониманию его писаний»²⁸⁹. К тому же, не в пример В.С. Соловьеву, Бердяеву «глубоко чужда была идея синтеза. Дух философствования Бердяева гораздо ближе духу Гераклита, чем духу Гегеля»²⁹⁰. Степун высказал свое мнение и относительно «бердяевских книг» — это «сложная система «сдвигов». Бердяев скорее полемичен, чем декларативен, и «гораздо сильнее там, где отталкивается от лжи, чем там, где влечется к истине»²⁹¹. Очень сильная характеристика как личности Бердяева, так и его идейных настроений. Это, в принципе, открывает возможность оценить бердяевскую критику книги Ильина более адекватно.

Степун отметил и психологическое состояние Бердяева, настроение которого изменчиво как изменчиво состояние эпохи: «в дни революции Бердяев жил исключительно отталкиванием от революции», но падение революционной стихии «отразилось в его книгах ненавистью не только ко всей русской интеллигенции в целом, но и ко всей гуманистической эпохе новой истории»²⁹². Прошло время, и настроение Бердяева изменилось: «все напечатанное им в четырех номерах «Пути» исполнено радикально иных настроений,

---

// И.А. Ильин: pro et contra // https://russianway.rhga.ru/upload/main/69_Stepun.pdf

²⁸⁹ Степун Ф.А. Об общественно-политических путях «Пути»

// И.А. Ильин: pro et contra // https://russianway.rhga.ru/upload/main/69_Stepun.pdf

²⁹⁰ Степун Ф.А. Об общественно-политических путях «Пути»

// И.А. Ильин: pro et contra // https://russianway.rhga.ru/upload/main/69_Stepun.pdf

²⁹¹ Степун Ф.А. Об общественно-политических путях «Пути»

// И.А. Ильин: pro et contra // https://russianway.rhga.ru/upload/main/69_Stepun.pdf

²⁹² Степун Ф.А. Об общественно-политических путях «Пути»

// И.А. Ильин: pro et contra // https://russianway.rhga.ru/upload/main/69_Stepun.pdf

чем «Философия неравенства». Пафос бердяевских писаний «уже не в борьбе с революционной интеллигенцией, а в борьбе с монархической реакцией» — на этом историческом этапе русский зарубежный монархизм мыслился Бердяеву «самым опасным для судеб православия общественно-политическим течением»²⁹³. И, соответственно, критик-Бердяев включается в борьбу уже «против всех идеологических и практических попыток восстановления дореволюционного отношения Церкви и государства»²⁹⁴.

Ни в этом ли мотиве заключаются все оценки книги Ильина «О несопротивлении злу силою», которые Бердяев, очевидно, сделал не с точки зрения анализа содержания и темы произведения, а, скорее, с точки зрения бердяевской идеологии, не разделяемой И.А. Ильиным. Собственно, ни об этом ли заявляет и Степун, когда утверждает, что «отповедь, данная Н.А. Бердяевым из глубины этих чувств И.А. Ильину (по поводу его увлечения «православным мечом»), превосходна и по своей личной страстности, и по своей объективной встревоженности, и по своей предметной существенности. Во всей — не новой, но с новой силою подчеркнутой историко-философской позиции Бердяева очень сильно звучит сейчас окончательный разрыв с «условно-символическим христианским государством» и убедительный, горячий призыв к созданию «реального христианского общества»»²⁹⁵. Степун с восторгом приветствует идеи Бердяева о создании «реального христианского общества», для которого необходимо лишь «пробуждение творческой активности самого христианского народа». Приветствуя

---

²⁹³ *Степун Ф.А.* Об общественно-политических путях «Пути» // И.А. Ильин: pro et contra // https://russianway.rhga.ru/upload/main/69_Stepun.pdf

²⁹⁴ *Степун Ф.* Об общественно-политических путях «Пути» // И.А. Ильин: pro et contra // https://russianway.rhga.ru/upload/main/69_Stepun.pdf

²⁹⁵ *Степун Ф.* Об общественно-политических путях «Пути» // И.А. Ильин: pro et contra // https://russianway.rhga.ru/upload/main/69_Stepun.pdf

идеологический уклон Бердяева «к народному и творческому пониманию христианства», Степун вопрос «о возможности народного христианского творчества» считал основным вопросом современной культуры²⁹⁶. И в качестве примера художественно-идеологического творчества приводит статью Бердяева о двух путях христианства — условно консервативном и творческом²⁹⁷. Может следует тогда взять и Л.Н. Толстого в единомышленники, у которого было свое видение — в чем смысл творческого подхода в рассуждениях о христианстве.

Относительно же рецензии Бердяева, следует сказать, что в ней, по существу, отсутствует полемика как таковая, автор рецензии рассуждает лишь о том, что ему самому понятно и интересно. Ни фактом, ни словом Бердяев не продемонстрировал, что уловил главное направление темы произведения Ильина. И уж тем более непонятно, как ему не очевидными оказались намерения Ильина обосновать с юридической точки зрения опасные для общества тенденции теории непротивления злу. Но, в принципе, Бердяеву удалось на том или ином основании сплотить вокруг себя не согласных по идейным мотивам с Ильиным. Критики приняли эстафету от Бердяева и те, кто читал, и те, кто может быть и не читал, столь сложное для понимания произведение, — оставим это на их совести, но в негативных оценках книги Ильина они — практически списали бердяевские выводы. Эстафету от Бердяева приняли — З.Н. Гиппиус, Ю.И. Айхенвальд... Не удостоив автора книги «О сопротивлении злу силою» подняться в анализе до высот ее глубокого содержания, они снизили лишь до разбора понятий «казнь», «убийство», «наказание» и мн. др., соответственно, их определений.

---

²⁹⁶ Степун Ф. Об общественно-политических путях «Пути» // И.А. Ильин: pro et contra // https://russianway.rhga.ru/upload/main/69_Stepun.pdf

²⁹⁷ Имеется ввиду статья Н.А. Бердяева «Два понимания христианства (к спорам о старом и новом христианстве)», опубликованной в ж-ле «Путь» в № 36.

Например, Ю.И. Айхенвальд писал, что понимает негодование Бердяева, когда тот испытывал «глубокое моральное оскорбление от той лестницы, которую с изящной архитектуричностью строит проф. Ильин, чтобы со ступеньки на ступеньку сойти по ней от высот христианского благоволения к человеку до казни над человеком, от Голгофы и до эшафота»²⁹⁸. Ильин идет на компромиссы: «он и Христа не хочет терять, и палача от его обязанностей не освобождает. И все силы своего философского таланта, всю изощренность своей диалектики тратит он на то, чтобы ореолом любви осенить виселицу, плаху и пулю»²⁹⁹. Логичный, но не любящий Ильин, в сущности, как утверждает и Бердяев, «ломится в открытую дверь, когда спорит с Толстым и проповедует о необходимости сопротивления злу силой. (...) Своевременно ли в наши жестокие дни опровергать Толстого — теперь, когда весь мир превратился в какое-то огромное антитолстовское общество? Неоригинален проф. Ильин, и не против течения плывет он, а наоборот, именно по течению, по кровавому течению нашей эпохи»³⁰⁰. По мнению Айхенвальда, ничего не измениться и после книги Ильина — «христианство остается само по себе, а государство — само по себе», потому что никому еще не удалось и вряд ли получится сочетать в высшей гармонии Кесаря и Галилеянина: государство не может и не хочет быть идеальным воплощением добра.

Книга Ильина вызывает протест еще и потому, что профессор, как считают критики, пытается в ней «добро со злом внутренне соединить, казнь пронизать любовью, палача осветить и освятить Христом»³⁰¹. Но «есть добро и есть зло» — и «каждое из них отдельно». А вот «злого

---

²⁹⁸ Айхенвальд Ю.И. Злое добро // И.А. Ильин: pro et contra / Сост., вступ. статья, примеч. И.И. Евлампиева. – СПб.: РХГИ, 2004. – 869 с. С. 682.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же. С. 683.

³⁰¹ Там же.

добра» — нет³⁰². Справедливости ради следует отметить, что на самом деле Ильин и не пытался соединить добро и зло, он лишь утверждал, что проблему сопротивления злу невозможно поставить правильно, не определив сначала «местонахождение» и сущность зла. «Зло», о сопротивлении которому здесь идет речь, есть зло не внешнее, а внутреннее. Зло начинается там, где начинается человек, и притом именно не человеческое тело, во всех его состояниях и проявлениях как таковых, а человеческий душевно-духовный мир — это истинное местонахождение добра и зла. И о каком «злом добре» в таком случае ведут речь аналитики творчества Ильина?

В целом полемика вокруг книги Ильина, развернувшаяся в зарубежье — имела в большей степени политические и идейные мотивы, — и часто очень поверхностно оценивала значение и содержание самой книги, ее основной темы, побудившей Ильина осуществить свой замысел спустя десять лет после выступления с докладом на заседании Московского Психологического Общества в 1914 году.

Характер полемики, общее впечатление от нее, можно сформулировать в тезисе о неприятии или не допущении идейных и политических взглядов Ильина, на темы о добре и зле, о войне, о наказании и о возмездии. Авторы полемики — Бердяев, Гиппиус, Айхенвальд — с «новых» христианских позиций с такой непримиримостью и жесткостью осуждают все не только написанное в книге, но и самого автора — Ильина. Но важно здесь отметить, что, осуждая Ильина за неверные интерпретации христианских канонів и принципов, сами критики уподобляются позиции Толстого, которую, собственно, и осуждал Ильин (правда, не только он) — вольная интерпретация христианских ценностей. Ведь именно Бердяев развивал идею создания «нового христианства» и «реального христианского общества» в своей статье «Два понимания христианства (к спорам о старом и новом христианстве)».

---

³⁰² Там же.

Содержание книги Ильина шире и тема, заявленная автором, не ограничивается раскрытием содержания понятий «казнь», «убийство», «наказание» и т.п. Возможно, эмоциональный настрой критиков и не связан вовсе с творчеством Ильина, а скорее, с той исторической реальностью, свидетелями которой они оказались: свежи еще были чувства утраты Родины, всего того, что было так дорого и что окружало, казалось, навеки. Поэтому все переживания собственных утрат, перемещены были на творчество Ильина, а в целом на самого автора книги «О сопротивлении злу силою», злободневность ее темы была очевидной.

Таким образом, по существу полемики, представленной в данной статье, можно сказать, что она не вполне объективна, т.к. круг проблем, выделенных оппонентами в качестве дискуссионных, носит в большей мере идеологический смысл и политические оценки, чем научный анализ, заявленных проблем именно автором книги «О сопротивлении злу силою».

III

Ильин, берясь за тему сопротивления злу силою, прекрасно осознавал всю трудность стоящей перед ним задачи, но с большой смелостью, вооруженный тщательным изучением избранной темы стремился раскрыть истинную сущность учения Л.Н. Толстого о непротивлении злу. Главное для Ильина было доказать с научной точки зрения, что писатель ложно истолковал учение Христа, поставив сентиментальность, жалостливость, размягченность души на место действительной христианской любви, требующей борьбы со злом. В истории отечественной мысли именно Ильин предпринял тщательный разбор толстовской теории «непротивления» в книге «О сопротивлении злу силою». Весь пафос критического анализа и теоретического размежевания с идеей Толстого о непротивлении злу, Ильин сосредоточил на выявлении главных пороков толстовского учения, которые он иллюстрировал конкретными примерами и выдержками из произведений русского писателя.

Важно здесь отметить также и то, что Ильин не отрицал и не критиковал идею «непротivления», а лишь пытался выявить все противоречия и неточности в интерпретациях, проповедуемого Толстым и его сторонниками принципа «непротivления злу».

Как известно, социальная позиция Толстого как моралиста была принципиальной, он отвергал насильственный способ борьбы за социальные идеалы, предлагая добиваться их осуществления мирными средствами и действиями. И будучи сторонником самой резкой и сокрушительной социальной критики, он, вместе с тем, настаивал на необходимости ненасильственного способа при решении социальных коллизий. Писатель подчеркивал, что насилие способно породить лишь новое насилие и больше ничего. Поэтому в своей общественной теории он противопоставлял социальному насилию непротivление, которое воспринималось им ни «как некое инертное отношение к насилию», а как учение о непротivлении, которое, по существу, составляло основу понимания как жизни, так и поведения человека.

В учении Толстого о непротivлении злу силой идея непротivления вытекает из дилеммы, что общественное протivостояние между людьми, принимающее форму нравственного протivостояния, трудно разрешимо. Как вообще можно разрешить конфликт или столкновение между людьми, когда люди не могут прийти даже к согласию по вопросу о добре и зле, когда то, что одни считают злом, для других является добром?

Ильин же обращал внимание на то, что Толстой и примыкающие к нему моралисты не призывали к полному несопротivлению, — это «было бы равносильно добровольному саморазвращению». Напротив, их идея состояла в том, что «борьба со злом необходима, но что ее целиком следует перенести во внутренний мир человека, и притом именно того человека, который сам в себе эту борьбу ведет»³⁰³.

---

³⁰³ Ильин И.А. О сопротivлении злу силою // И.А. Ильин. Почему мы верим в Россию: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – 912 с. С. 386.

Для такого борца со злом — в их писаниях и проповедях находились и полезные советы. «Непротивление», о котором они говорили и писали, не означало, как утверждает Ильин, «внутреннюю сдачу и присоединение ко злу; наоборот, оно есть особый вид сопротивления, т.е. неприятия, осуждения, отвержения и противодействия»³⁰⁴.

Цель толстовцев — преодоление зла, иногда в свою формулу они добавляли — «или злему», не задумываясь над тем, что по смыслу это не равнозначные понятия. Но, по сути, «непротивление злу, или злему», по-толстовски не есть конкретная установка к действию, она всецело зависит от выбора пути и средств в ее исполнении. И, как подчеркивает Ильин, «их учение есть учение не столько о зле, сколько о том, как именно следует его преодолевать»³⁰⁵. Толстой не определяет, что есть зло и не дает точного определения «зла», а рассуждает лишь о том, что обязательного для всех определения зла нет, и не может быть. Писатель лишь указывает на множество частных примеров зачастую различных и несоизмеримых с общим понятием «зла»: клятва — есть зло; война — тоже зло; суды — зло и мн. другое. Но, если общего определения зла нет, то есть совершенно определенная установка на то, что противиться злу, особенно насильственным способом (насилием), является делом недостойным и противным духу учения Христова.

В решении проблем непротивления злу Толстой ссылался на христианскую любовь. Но любовь, по Толстому, «не есть прорыв», а соответствует принципу аскетизма, умерщвления плоти и всех желаний. Свое понятие любви писатель растворяет в любви к жизни и людям. Именно этому понятию любви противопоставляет он понятие насилия, отождествляя его со злом. Собственно, в решении проблем сопротивления злу Толстой ссылается на любовь, понятие которой он во многом заимствует от Евангелия, но библейскую «христианскую любовь» он интерпретировал

---

³⁰⁴ Там же. С. 386-387.

³⁰⁵ Там же. С. 387.

по-толстовски: призывая к внутреннему преодолению зла, к самосовершенствованию. По сути, к тому, к чему активно стремился сам на протяжении всей жизни. Как известно, из его дневников, Толстой тщательно занимался самоанализом и боролся со своими недостатками³⁰⁶, его философские изыскания были сориентированы на поиск истины, добра, веры.

Писатель, воодушевленный поиском идеала — образа совершенной жизни и совершенного общества, проповедовал в своих произведениях стремление к абсолютному добру. Но в какой-то момент внезапно ему открылся ужас человеческого существования, и писателя охватило отчаяние, которое тесно переплелось с проблемой кризиса веры. Отречение от вероучения стало очень рано сознательным, и Толстой, осознав свое «отпадение» от веры в бога, пытался обрести веру в совершенствование, поэтому искал утешения в творчестве, в семье. Стремился понять, в чем смысл совершенствования и в чем его суть. Пытался совершенствовать себя, свое тело, учился «умственно» всему, чему мог и на что наталкивала его жизнь, затем «старался совершенствовать свою волю — составлял себе правила, которым

---

³⁰⁶ Об этом свидетельствуют его Дневники, которые он вел с 1847 года и до конца жизни, практически они стали первой его литературной школой, но также и своеобразным «психотерапевтом». Писатель, через саморефлексию подобного рода, выработал метод скрупулезного самоизучения, уловления тайных движений души, параллельно с этим он также «беспощадно» соблюдал и предписываемые самому себе правила жизни, а точнее, морали. Все это стало как бы предвестниками психологического анализа и нравственного пафоса, растворившихся, в его творчестве. По существу, Толстой заявляет себя «исследователем» человеческой природы, желающим понять сокровенные законы, по которым движется сознание. Саморефлексия и самоанализ, смутные ощущения острых противоречий жизни, сформировали в мыслителе жажду нравственного совершенствования и стремление найти общие правила поведения. Н.Г. Чернышевский выделил две характерные особенности таланта Толстого: «диалектику души», как особую форму психологического анализа, и «непосредственную чистоту нравственного чувства».

старался следовать; совершенствовал себя физически, всякими упражнениями изоощряя силу и ловкость и всякими лишениями приучая себя к выносливости и терпению»³⁰⁷. Но все, что он считал совершенствованием, не удовлетворяло его желание обрести веру. Именно в тот момент он обратился к нравственному совершенствованию, но и это скоро «подменилось совершенствованием вообще, т.е. желанием быть лучше не перед самим собою или перед Богом, а желанием быть лучше перед другими людьми»³⁰⁸.

Сущность произошедшего в его духовной жизни перелома определяется проблемой человеческого существования, которая заключается в разрешении главного вопроса жизни, вопроса без которого понятие жизни теряет свой смысл — «как устроить жизнь, когда она в нашей власти?»³⁰⁹. В 1884 году он написал книгу «В чем моя вера?», в которой действительно изложил то, во что на самом деле верил. Но уже в книге «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» — Толстой с позиции собственного видения мира и жизни предлагает читателям обрести счастье на земле через нравственность, веру и внутреннее «Я». Он показывает в чем истинный смысл жизни и, что настоящее счастье не зависит от внешних обстоятельств, а находится внутри нас. Толстой учит своих последователей полагать задачу жизни в устройении общего блага на земле, поэтому и место любви к ближнему занимает желание блага или счастья ему. При этом писатель считал, что любить человека — это значит его жалеть, уговаривать и не огорчать его.

Ильин, напротив, указывая не только на наивность утверждений писателя, но и на все неясности толстовской теории, постарался раскрыть истинное значение христианской любви. Да, Христос учил любить врагов и прощать обиды, но «призывая любить врагов, Христос имел в виду личных

---

³⁰⁷ Толстой Л.Н. Исповедь. СПб., 2009. – 284 с. С. 10.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Толстой Л.Н. О жизни. СПб., 2009. – 284 с. С. 92-93.

врагов самого человека, его собственных ненавистников и гонителей, которым обиженный, естественно, может простить и не простить. Христос никогда не призывал любить врагов Божьих, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, (...). Напротив, для таких людей, и даже для несравненно менее виновных, Он имел и огненное слово обличения, и грядущие вечные муки»³¹⁰.

Ильин, обратившись к заповеди о прощении обид, показал, что в соответствии с ней человек имеет призвание прощать только своим обидчикам и только наносимые лично ему обиды. Толстой именно на этом основании проблему непротivления злу свел, по мнению философа, «к прощению личных обид, к «моим» врагам, «моим» ненавистникам и к «моему» душевно-духовному преодолению этой обиженности»³¹¹. Но как раз это Ильин и считал сущим заблуждением. Только человек, лишенный надличностного мировоззрения, не видит добра и зла в «их более чем личном — общественном, общечеловеческом и религиозном измерении»³¹². Личное прощение, настаивает философ, угашает зло и разрешает проблему борьбы с ним. Но проблема в том, что «простить обиду — значит погасить в себе ее злотворящую силу и впустить в себя поток ненависти и зла», и — это «совсем не значит победить силу злобы и зла в обидчике»³¹³.

Важно отметить, что Ильин решение проблемы сопротivления злу строил на основе четкого различения зла личного и зла общественного. И поэтому суть полемики сводилась к выведению дефиниций «морали» и «права», когда из фактической стадии сопротivление переходит в стадию формального значения. Для Ильина, как правоведа, совершенно открытым оставался вопрос:

---

³¹⁰ Ильин И.А. О сопротivлении злу силою // И.А. Ильин. Почему мы верим в Россию: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – 912 с. С. 493.

³¹¹ Там же. С. 495.

³¹² Там же.

³¹³ Там же.

что же делать с человеком не просто меня обидевшим? Здесь кое-что ясно: ему может причитаться моя месть или «возмездие». Но проблема обидевшего гораздо шире и масштабнее. Что делать с человеком «нераскаявшимся» или «неисправляющимся» злодеем, насильником? Согласно Ильину, «бытие злодея», проблема не только «для одного пострадавшего и совсем не лишь в ту меру, в какую ему не удалось простить; это — проблема для всех; значит, и для пострадавшего, но не как для пострадавшего и непростившего, а как для члена того общественного единения, которое призвано к общественному взаимовоспитанию и к организованной борьбе со злом. Обиженный может и должен простить свою обиду и погасить в своем сердце свою обиженность». Но как быть с реальностью, согласно которой «в составе каждой неправды, каждого насилия, каждого преступления, кроме личной стороны «обиды» и «ущерба», есть еще сверхличная сторона, ведущая преступника на суд общества, закона и Бога; и понятно, что личное прощение частного лица не властно погасить эту подсудность и эти возможные приговоры»³¹⁴.

В самом деле, настаивает Ильин, кто дал мне право «прощать» *от себя* злодеям, творящим поругание святыни, или злодейское соблазнение малолетних, или гибель Родины? И каков может быть смысл этого *мнимого* «прощения»? Что означает оно: что «я» их не осуждаю и не обвиняю? Но кто же поставил меня столь милостивым судьей? Или что «я» примиряюсь с их злодеяниями и обязуюсь не мешать им? Но откуда же у меня может взяться такое *мнимое право на предательство*, на предателя, может быть, это «прощение» означает, что я воздерживаюсь от всякого суждения, умываю руки и предоставляю события их неизбежному ходу? Однако такая позиция безразличия, безволия и попущения не имеет ничего общего с христианским

---

³¹⁴ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // И.А. Ильин. Почему мы верим в Россию: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – 912 с. С. 495-496.

прощением и не может быть обоснована никакими ссылками на Евангелие...»³¹⁵.

Основная идея критики со стороны Ильина сориентирована на осмысление фундаментальных принципов общественной жизни, в частности, на основные нормативные принципы, вытекающие из онтологической природы общества, и которые, по существу своему, являются универсальными, а в своей исторической протяженности — вечными. Принцип «непротивление злу», который сформулирован был в рамках этики непротивления Толстого, рассматривается Ильиным в более широком контексте, — точнее, в рамках философско-правовой проблематики.

Напротив, идея непротивления в творчестве Толстого вытекает из установки, что «люди не могут прийти к согласию по вопросу о добре и зле»³¹⁶. И в целом толстовское учение о непротивлении злу основано на ряде предпосылок, принимаемых автором: никакого такого ужасного зла нет, а есть только безвредные для чужого духа заблуждения и ошибки, есть человеческие слабости и т.п.; если зло все же обнаруживается в других людях, то надо от него отвернуться и не обращать на него внимания, тогда его все равно что и нет; человеку, любящему людей, вопрос о сопротивлении злу силой и в голову не придет, ибо любить — значит *жалеть* человека, убеждать его в том, что следует любить людей, а в остальном не мешать ему, поэтому любовь исключает даже возможность мысли о физическом сопротивлении; проблема о сопротивлении злу силой — пустая, потому что нравственный человек заботится о собственном самоусовершенствовании, другим же он предоставляет свободу в их личном самоопределении; если уж бороться со злом, то следует прибегнуть к ненасильственным методам, которые всегда найдутся и будут более эффективными³¹⁷.

---

³¹⁵ Там же. С. 496.

³¹⁶ См.: Гусейнов А.А. Моралисты нашего времени. Толстой // Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. Учебник. М., 1998. С. 201.

³¹⁷ Гусейнов А.А. Моралисты нашего времени. Толстой // Гу-

Основная суть данного учения может быть кратко резюмирована в следующих положениях: «Первое: перестать самому делать прямое насилие, а также готовиться к нему. Второе: не принимать участие в каком бы то ни было насилии, делаемым другими людьми, а также в приготовлении к насилию. Третье: не одобрять никакое насилие»³¹⁸. В сущности, такие моральные требования вполне доступны человеческому сознанию. Однако, следует оговориться, доступны тем и тому, кто способен и склонен к умозрению.

Толстой хотел «создать мораль без догматов», поэтому отвергая догматы христианского вероучения «граф Толстой и высокие начала христианской нравственности, всецело обращенные к внутреннему человеку, переделывает в какие-то бездушные и механические правила внешней жизни и внешнего поведения»³¹⁹. Об этом свидетельствуют заповеди Толстого, которые он не просто вывел из фактических «требований евангельского нравственного закона», Декалога, но, по сути, сформулировал свои пять заповедей: 1) не гневайся; 2) не разрывай связи с женщиной, с которой раз сошелся; 3) не клянись; 4) не судись; 5) не воюй³²⁰. В конечном итоге эти пять заповедей объединяются им в более общей — «не противься злomu» — и в сущности «представляют из себя ничто иное, как приложение ее к разным

сейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. Учебник. М., 1998. С. 201.

³¹⁸ Толстой Л.Н. Полн. соб. соч.: в 90 т. М.: изд-во «Художественная литература», 1935. Т.38. С.93.

³¹⁹ Изюмов М.П. Учение графа Л.Н. Толстого о непротавлении злу / <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/uchenie-grafa-l-n-tolstogo-o-neprotivlenii-zlu/>

³²⁰ Для сравнения: «Десять Заповедей (речений)»: 1. «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исход 20:3); 2. «Не делай себе кумира» (Исход 20:4); 3. «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Исход 20:7); 4. «Помни день субботний, чтобы святить его» (Исход 20:8); 5. «Почитай отца твоего и мать твою» (Исход 20:12); 6. «Не убивай» (Исход 20:13); 7. «Не прелюбодействуй» (Исход 20:14); 8. «Не кради» (Исход 20:15); 9. «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исход 20:16); 10. «Не желай... ничего, что у ближнего твоего» (Исход 20:17).

случаям жизни»³²¹. Таким образом, понять толстовскую мораль, без раскрытия содержания заповеди о непротивлении злу, невозможно, как нельзя понять и христианской нравственности без учения о любви.

Ильин вообще считал, что проблема непротивления злу есть философская проблема, и, соответственно, требует продуманной «философической», беспристрастной постановки с привлечением зрелого духовного опыта. И совершенно справедливо акцентирует внимание на том, что для правильной постановки проблемы «непротивления злу», необходимо предварительно определить «местонахождение» и сущность зла»³²². Сама проблема сопротивления, по глубокому убеждению Ильина, имеет дело не с внешним, а именно внутренним проявлением зла, потому что внешнего зла не существует: «материальная природа как таковая, даже в самых, с виду, нецелесообразных проявлениях своих, не становится от этого ни доброю, ни злою»³²³, как и «никакое внешнее состояние человеческого тела само по себе, никакой внешний «поступок» человека сам по себе» не является ни добрым, ни злым³²⁴. Соответственно, и никакой внешний обряд доброты не делает человека добрым, он может вполне оставаться «нравственно мертвым фарисеем». Вполне правомерно и то, что «какой бы «праведности», или, вернее, моральной верности ни достиг человек в своих внешних проявлениях и делах, все его достижения, несмотря на его общественную полезность, не будут иметь изменения добра без внутреннего, качественного перерождения души»³²⁵. Зло начинается там, где начинается человек, и притом речь идет не о его физическом присутствии, во всех

---

³²¹ *Исюмов М.П.* Учение графа Л.Н. Толстого о непротивлении злу / <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/uchenie-grafa-l-n-tolstogo-oneprotivlenii-zlu/>

³²² *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – 912 с. С. 387.

³²³ Там же. С. 387.

³²⁴ Там же. С. 388.

³²⁵ Там же. С. 390.

его состояниях и проявлениях *как таковых*, а прежде всего о внутреннем состоянии человека, о его душевно-духовном мире. По Ильину, — это и есть истинное местонахождения добра и зла. По всему, «никакое внешнее состояние человеческого тела само по себе, никакой внешний «поступок» человека сам по себе, т.е. взятый и обсуждаемый отдельно, отрешенно от скрытого за ним или породившего его душевно-духовного состояния, — не может быть ни добрым, ни злым»³²⁶.

Итак, разбирая концепцию непротivления, Ильин обозначил ее проблемные зоны, акцентируя внимание, в частности, на том, что, с одной стороны, Толстой и его единомышленники не видели сложности в самом предмете, а, с другой, уравнивали термин насилие с термином заставление, которые, бесспорно, имеют существенные различия. Правовед обосновывает свои выводы, раскрывая, по сути, что на самом деле есть «принуждение» и что есть «насилие». Согласно Ильину, Толстой и его морализирующие единомышленники, выбрав для решения проблемы непротivления единственный термин — насилие, по определению, содержащий негативный смысл и оценку — практически обеспечили себе пристрастное отношение ко всей проблеме в целом. Понятно, что не надо быть сентиментальным моралистом, чтобы ответить отрицательно «на вопрос о «допустимости» или «похвальности» озлобленного безобразия и угнетения»³²⁷ насилием. Для Ильина вообще неправомерно доказывать кому бы то ни было «допустимость» или «правомерность» насилия — по сути, это означает доказывать «допустимость недопустимого» или «правомерность неправомерного». К тому же, называя насилием всякого рода отношения, не вписывающиеся в его моральные каноны, Толстой и заставление как «всякое внешнее понуждение и пресечение» определяет — как насилие. Однако в том,

---

³²⁶ Там же. С. 388.

³²⁷ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2008. – 912 с. С. 400.

что в практической жизни человек может и заставляет себя делать что-то, причем самостоятельно принуждая себя в этом, ничего противоестественного нет, считает Ильин. Человеку вообще свойственно заставлять себя, прилагая усилия, что-то делать. Такое состояние душевного самозаставления правовед обозначил термином — самопонужение. Также это может происходить и в общении с другим — люди могут заставлять друг друга делать что-то. Синонимом термина заставление у Ильина является термин самозаставление, или заставление других³²⁸. В принципе, вполне очевидно и то, что, независимо от того каково последнее решение вопроса, оно практически не может быть ни единым, ни одинаковым для всех. Бессмысленно требовать, например, «чтобы «все всегда» сопротивлялись злу силою или чтобы «никто никогда» не сопротивлялся силою злу»³²⁹.

Отстаивая свою гражданскую и мировоззренческую позицию, Ильин прежде всего стремился выявить и уточнить все концептуальные неясности и наивные утверждения писателя. И в первую очередь, он обращается к Нагорной проповеди, на моральные установки которой в основном ссылается Толстой. Ильин, к примеру, спрашивает: на что может распространяться щедрость? — если моральный смысл принципа непротивления, на котором акцентирует внимание Толстой, провозглашает лишь необходимость проявить «максимальную щедрость в отдаче того, чем другой желает завладеть». Очевидно, на то благо, которым владеет тот, кто проявляет щедрость. Однако, не понятно, как быть с ситуацией, когда кто-то стремится, например, лишить наш народ свободной самобытной жизни и насильственно подчинить

---

³²⁸ Понятно, что в отношениях такого рода задействованы мотивы, среди которых правовед выделяет психические (авторитарное указание, приказ, запрет, угрозу, бойкот и т.п.) и физические (толчок, удар, связывание, запираение, убийство и т.п.). Физическое заставление может быть направлено как на чужое делание, так и на чужое неделание.

³²⁹ Там же. С. 379.

его чуждым формам бытия? Как, в таком случае, вообще возможно «не противиться»? По мнению Ильина, это уже даже и «не щедрость», а духовное самоубийство. Щедрым, безусловно, можно быть, но «только в отдаче того, что принадлежит самому щедрому». Но, категорически, нельзя быть щедрым: «в отдаче чужого блага или чужой жизни; нельзя дать поработить себя; нельзя дать истребить свой народ и свое искусство; нельзя отречься от своих убеждений и верований»³³⁰.

В таком случае, главным вопросом при решении проблемы «сопротивления злу» остается вопрос о том, насколько вообще оправдано применение силы с нравственных позиций. И можно ли вообще общую проблему сопротивления злу рассматривать, например, с позиций самосовершенствования? Ильин в этой связи ставит вопросы, касающиеся того, что он называет «заставлением» (от слова «заставить», т.е. принудить): если одухотворенная любовь имеет способность преображать зло, то значит ли это, что в общем великом процессе сопротивления злу заставление совершенно неуместно, бессмысленно, вредно и губительно? Можно ли от необходимости добровольного совершенствования переходить — к необходимости предоставления злодеям добровольно и беспрепятственно злодействовать? И, если я обязан творить нравственное очищение внутри себя, то означает ли это, что злодей имеет право изживать свое зло во внешних проявлениях? Если «человек» и «зло в нем» не одно и то же, разве нельзя воздействовать на «человека» так, чтобы это воздействие благотельно передалось именно «злу», в нем живущему? Можно ли вообще одним заставлением победить зло? И выводимо ли в таком случае из этого полное отвержение заставления? И разве творческое преображение души возможно только при внешней не стесненности злодея?³³¹

---

³³⁰ Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Собр. Соч. в 10-ти т. Т. 5. С.27.

³³¹ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. По-

Перечень этих вопросов иллюстрирует не столько незавершенность исследовательской программы проблемы ненасилия, сколько раскрывает глубину самой проблемы непротивления.

IV

В творчестве Толстого концепция ненасилия, несомненно, является частью его моральной философии, моральная заповедь — о «непротивлении злу» — лежит в основе его представления о том, что она является высшей заповедью. В своей социальной концепции Толстой, выступая с проповедью — непротивления злу насилием, считал, что единственно разумными средствами борьбы со злом являются его публичное обличение и пассивное неповиновение властям. Непротивление, по Толстому, представляло собой целую систему мер, «нейтрализующих насилие государственной власти: неучастие в существующем строе, в том, что поддерживает его — в армии, судах, податях, «ложном учении» и т.п.»³³². В данном случае, следует вспомнить и то, что в прямой связи с его теорией о непротивлении злу насилием находится его учение *об прощении*, главной идеей которого является тотальная критика современных ему форм культуры и цивилизации. В защиту толстовского нигилизма в отношении культуры и цивилизации выступил мастер эпического романа Томас Манн, полагавший, что у русского писателя было обостренное чувство действительности. И, что фактически Толстой угадывал наступление новой эпохи, когда «искусство одного только воспевания жизни кажется уже недостаточно правдивым и когда ведущей, определяющей, просветляющей силой становится дух, связавший себя общественными интересами, отдающий себя на служение обществу и призванный руководить творческим гением подобно

чему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2008. – 912 с. С. 396.

³³² Сухов А.Д. Яснополянский мудрец. Традиции русского философствования в творчестве Л.Н.Толстого. М., 2001. С. 123.

тому, как нравственность и разум призваны направлять безумно-прекрасное»³³³.

Социальный нигилизм Толстого проявился и в оценке институализации общественной жизни, как и в оценке всякой правовой регуляции общественных отношений. Писатель принципиально отстаивал идею о том, что в «совершенном обществе», то есть в общине, по Толстому, не будет нужды ни в государстве, ни в праве — своеобразный анархизм. И поскольку общество накопило великое множество вредных привычек и потребностей, и слишком уклонилось от своего естественного — то есть патриархального — состояния, необходимо *волевым* усилием повернуть его развитие вспять, всецело опираясь на мораль как единственное в своем роде средство регуляции человеческих отношений. Установка такого рода является следствием того, что Толстой право считал наиболее изощренным способом издевательства общества над духовным существом человека. Важно подчеркнуть здесь то, что мораль не просто возвышается над правом, а иерархически предшествует ему. Она самым прямым и непосредственным образом ассимилирует его социальные функции, полностью изменяя привычный порядок общественной жизни, культуру и поведение людей.

Очевидно, что если «религиозные воззрения графа Толстого характеризуются огульным отрицанием догматов веры», то относительно его нравственно-практических принципов можно сказать, что они «представляют из себя сплошное отрицание всех существующих на земле порядков, всего государственного, общественного и даже частного быта»³³⁴. Именно поэтому в теории Толстого мы встречаемся не с этизацией права — весьма характерной для многих русских мыслителей, а с правовым нигилизмом, причем — особого рода, возникшим не вследствие неприятия социальной

---

³³³ Манн Т. Толстой (к столетию со дня рождения) // Томас Манн. Путь на Волшебную гору. М., Вагриус, 2008. С. 107.

³³⁴ Изюмов М.П. Учение графа Л.Н. Толстого о непротавлении злу / <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/uchenie-grafa-l-n-tolstogo-o-neprotivlenii-zlu/>

природы правосознания, а радикального отрицания права как избыточного продукта переразвившейся и потому ставшей аморальной цивилизации.

Нигилизм Толстого к праву, а соответственно, и всякой правовой регуляции общественных отношений, подводит его и к отрицанию правовой государственности вообще. Своей критикой «бездушного» права Толстой в целом определял общее настроение разочарования и сомнения в социальной ценности права. Он обосновывал правомерность исключительно нравственного подхода к общественной жизни и сводил содержание правовых предписаний к простейшим нравственным запретам: не убий, не укради и прочие. Право трактовалось как откровенно принудительная (запретительная) и карательная сила.

Относительно социальной позиции Толстого, отрицающей всякую институализацию общественной жизни, следует сказать, что такого рода подход не мог связать перспективу общественного развития России с правовой государственностью. Более того, логика морализирующего отношения к жизни подвела писателя к еще более парадоксальному выводу: политическая пассивность и правовая незащищенность русского человека рассматривается им как его преимущество, как способность к общинно нравственному устройству. По существу, развернутая в произведениях Толстого острая «моральная» критика права оборачивается своеобразной дискредитацией последнего. Такое типичное, доведенное до крайности отождествление нравственности с непротивлением злу насилем как важнейшей и единственной регулятивной основы достойного общественного жизнеустройства, отечественный правовед и социальный философ П.И. Новгородцев связал с недостатком правовой культуры в целом³³⁵. Он также считал, что принижение роли права опиралось прежде всего на нигилистические установки массового сознания в оценке статуса права,

---

³³⁵ *Новгородцев П.И.* Введение в философию права: Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. – 296 с.

и подчеркивал, что это определенный симптом и общая тенденция времени.

По поводу нигилизма Толстого высказался и философ В.С. Соловьев, выступив даже по этому поводу в защиту права. В этом вопросе принципиальная позиция Соловьева сводилась к тезису о том, что фактическое существование общества «зависит не от совершенства некоторых, а от безопасности всех»³³⁶. Поэтому существенной и практической целью права он считал — «осуществление в действительности определенного минимального добра или устранение известной доли зла»³³⁷. При отрицательном отношении к праву, как таковому, подчеркивал философ, «нравственная проповедь, лишенная объективных средств и опор в чуждой ей реальной среде», в лучшем случае может остаться «только невинным пустословием»³³⁸. Необходимо понимать, что именно «правом и его воплощением — государством — обусловлена действительная организация нравственной жизни в целом человечестве»³³⁹.

В свою очередь Ильин, как юрист, подошел к проблеме соотношения права и силы с юридической точки зрения. На самом деле, право обладает всеми признаками силы в «реальном» правопознании — в области психологического, социологического, исторического и политического принципов познания права. Однако — это не относится к юридическому определению права. По мнению мыслителя, «вопрос о том, влечет ли за собою всякая «правовая норма», как таковая, проявление и действие социально-принудительного аппарата или не влечет, есть вопрос, который может быть решен только описанием и типизацией реального процесса — индивидуального или социального

---

³³⁶ Соловьев В.С. Право и нравственность. Москва-Минск, 2001. – 190 с. С. 38.

³³⁷ Там же. С. 34.

³³⁸ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Соб. соч.: в 2 тт. Т.1. М., 1988. – 899 с. С 446.

³³⁹ Там же.

переживания права»³⁴⁰. Принуждение в этом смысле есть момент реального действия права, когда «само право перешло в состояние реальности, что оно реально действует, что оно — сила»³⁴¹.

В целом позиция Ильина сориентирована была на внешнюю, общественную форму сопротивления, поэтому он настаивал на том, что сопротивление злу — это, прежде всего, защита Божьего дела, своей культуры, государства. И как правовед и патриот отстаивал волевое служение Богу и Родине. По существу, мыслитель раскрывал необходимость духовного слияния церкви и государства, подчеркивая, что основой государства должно быть христианское самосознание. В ситуации, когда зло стоит на интеллектуальном уровне, подчеркивал Ильин, необходимо восстановить дух народа по отношению к этому торжествующему злу, а в государстве надо создать «должные» правовые законы и меч правосудия. В этих рассуждениях Ильина-правоведа только государство *имеет право* сопротивляться злу силой. Жизнь же человека есть активная борьба со злом, и подлинная победа над ним означает полную его трансформацию в добро, когда победитель «из глубины преобразует духовную слепоту в духовную зрячесть и силу каменеющей ненависти в благодать приемлющей любви»³⁴².

Непротивление — уже по своим последствиям означает принятие зла, подчинение и участие в нем, а затем и распространение этого принципа среди других людей. В конечном итоге, выбирать человеку, потому что именно ему, по мнению Ильина, дано две возможности: потакание злу или сопротивление.

В целом, следует отметить, что Л.Н. Толстой и И.А. Ильин, по сути, предложили не только россиянам,

---

³⁴⁰ Томсинов В.А. Мыслитель с поющим сердцем. Судьба и творчество Ивана Александровича Ильина // Ильин И.А. Теория права и государства. Изд. 2-е доп. М.: Зерцало, 2008. – 550 с. С. 38.

³⁴¹ Там же.

³⁴² Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2008. – 912 с. С. 387.

но практически всему миру, социальные концепции «непротivления»: первый — непротivление злу насилieм, второй — сопротivление злу силою. И, если взгляды Толстого развивались в стилистике моральных наставлений, то Ильин разработал тему «сопротivления злу силою» с философской точки зрения, рассмотрев ее в контексте философско-правовой проблематики. В принципе критика Ильиным теории ненасилия Толстого носит концептуальный характер научного обоснования принципа ненасилия в условиях войны и вооруженного насилieя. Мыслитель много внимания уделил философскому анализу войны, ее протivоречий, но в отличие от многих мыслителей рассматривал эти проблемы в контексте православной традиции России и ее истории. Толстой же в большей мере отталкивался от осмысления своего опыта непосредственного участника Крымской войны. Писатель отразил этот опыт в своем творчестве («Севастопольские рассказы»), описав и картины войны, и страдания, и поведение людей на войне. Прекрасно понимая, что собой представляет распространение зла в мире, Толстой пытался сформулировать картину жизни общества без насилieя.

Итог исканий Толстого заключается в тезисе о том, что только «Добро может быть Абсолютным, или оно не есть добро». По сути — таково «его завещание русскому сознанию»³⁴³. И не важно, что по мнению многих Толстой-писатель был «односторонним мыслителем» (В.В. Зеньковский)³⁴⁴, важно то, что значение его творчества в истории русской философской мысли все же огромно. Собственно, Толстому, благодаря его

---

³⁴³ Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Ч. 2. Гл. X. М., 2001. – 880 с. С. 388.

³⁴⁴ Точка зрения о том, что Л. Толстой более велик как художник, но «слаб» как мыслитель, сложилась и под влиянием статей В.И. Ульянова (Ленина): «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Л.Н. Толстой», «Л.Н. Толстой и его эпоха» и др. Такое восприятие творчества писателя стало господствующим в советской литературе (в т.н. советский период).

авторитету — писателя, моралиста, мыслителя — удалось как раз то, чего не смогли добиться его современники: Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров³⁴⁵. Именно толстовская концепция сопротивления социальному злу имела всемирный успех.

Таким образом, суть проблемы непротivления состоит не в том, как ее интерпретируют те или иные мыслители, а в том, насколько очевидным является смысл самого деяния непротivления.

Список литературы:

1. *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2 т. Ч. 2. Гл. X. М., 2001. — 880 с.

2. *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны. Вопросы философии и психологии. — М., 1914. — Год XXV, кн. 125 (V). — С. 797-826. Файл в формате Djvu взят с сайта <http://relig-library.pstu.ru> \ Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответствует оригиналу. С. 797.

3. *Ильин И.А.* Философия как духовное делание // *И.А. Ильин.* Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2008. — 912 с.

4. *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // *И.А. Ильин.* Почему мы верим в Россию: Сочинения. — М.: Эксмо, 2008. — 912 с.

5. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права: Кризис современного правосознания. М., 1996.

6. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия. Соб. соч.: в 2 тт. Т.1. М., 1988. — 899 с.

7. *Соловьев В.С.* Право и нравственность. Москва-Минск, 2001. — 296 с.

8. *Толстой Л.Н.* Исповедь. СПб., 2009 — 284 с.

9. *Толстой Л.Н.* Полн. соб. соч.: в 90 т. М.: изд-во «Художественная литература», 1935. Т.38.

---

³⁴⁵ Сухов А.Д. Яснополянский мудрец. Традиции русского философствования в творчестве Л.Н. Толстого. М., 2001. С. 122.

10. *Айхенвальд Ю.И.* Злое добро // И.А. Ильин: pro et contra / Сост., вступ. статья, примеч. И.И. Евлампиева. — СПб.: РХГИ, 2004. — 869 с.

11. *Бердяев Н.А.* Кошмар злого добра (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою») // И.А. Ильин: pro et contra / Сост., вступ. статья, примеч. И.И. Евлампиева. — СПб.: РХГИ, 2004. — 869 с.

12. *Билимович А.* Критикам И.А. Ильина // И.А. Ильин: pro et contra / Сост., вступ. статья, примеч. И.И. Евлампиева. — СПб.: РХГИ, 2004. — 869 с.

13. *Гусейнов А.А.* Моралисты нашего времени. Толстой // *Гусейнов А.А., Апресян Р.Г.* Этика. Учебник. М., 1998.

14. *Зеньковский В.В.* По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» / https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/o-soprotivlenii-zlu-siloyu/

15. *Изюмов М.П.* Учение графа Л.Н. Толстого о сопротивлении злу / <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/uchenie-grafa-l-n-tolstogo-o-neprotivlenii-zlu/>

16. Из писем Архиепископа Анастасия Иерусалимского к И.А. Ильину // http://krotov.info/library/04_g/ipp/ius2.htm

17. *Степун Ф.А.* Об общественно-политических путях «Пути» // И.А. Ильин: pro et contra // https://russianway.rhga.ru/upload/main/69_Stepun.pdf

18. *Струве П.Б.* Дневник политика <№> 82 // И.А. Ильин: pro et contra / Сост., вступ. статья, примеч. И.И. Евлампиева. — СПб.: РХГИ, 2004. — 869 с.

19. *Сухов А.Д.* Яснополянский мудрец. Традиции русского философствования в творчестве Л.Н.Толстого. М., 2001.

20. *Томсинов В.А.* Мыслитель с поющим сердцем. Судьба и творчество Ивана Александровича Ильина // *Ильин И.А.* Теория права и государства. Изд. 2-е доп. М.: Зерцало, 2008. — 550 с.

Сведения об авторе:

Кацапова Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИФ РАН (Москва).

E-mail: katsapova@gmail.com

About the author:

Katsapova Irina Anatolyevna — phd, senior researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: katsapova@gmail.com

Шарипов А.М.
Sharipov A.M.

ИЛЬИН И ГЕГЕЛЬ: ПУТЬ ПОЗНАНИЯ

ILYIN AND HEGEL: THE PATH OF KNOWLEDGE

*«Философ без духовного опыта —
выдумщик и комбинатор в пустоте»*

Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву, 22.08.1927

Аннотация:

С самого начала научной деятельности Ильин обращается к проблемам гносеологии, стремится показать объективность предмета философии. Ильин был уверен в предметности созерцательной способности Гегеля и шёл вслед за ним как методологом, погружаясь в его интеллектуально-созерцательный (спекулятивный) путь познания. Он пишет о реальном метафизическом опыте, обретаемом на пути интеллектуально-созерцательного погружения в предмет науки. Следуя за Гегелем Ильин начинает с разоблачения рационального мышления как форм эмпирического и абстрактного восприятия окружающей действительности. Уже логическое мышление, эстетическое восприятие окружающей действительности, этический выбор выходят за рамки как эмпирического так и абстрактного. По Ильину, в этических, эстетических, интеллектуальных переживаниях раскрывается новый уровень познания реальности — проявляется духовное бытие. При том, что душевное связано с телесным, материальным миром, духовное уже не связано с ним, но лишь привязано как инструментарий переживаний и мышления. Уже эмпирические науки приучают мысль к абстракции, а для философии конкретно-эмпирическое гибнет окончательно, так как в философии работает только мысль. Ильин раскрывает для себя интеллектуально-созерцательный метод познания Гегеля. В объёмной монографии

«Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» он следует интеллектуально-медитативному пути Гегеля, погружается в предмет познания, в ходе чего слой за слоем раскрывает три уровня бытия — эмпирический, абстрактный, интеллектуально-созерцательный (спекулятивный). Заслуга Ильина в том, что он научно-философским языком ясно указал характеристики уровней бытия и разделил их сущность, значение в личном бытии. В онтологическом, религиозном отношении Ильин не считал себя гегельянцем, но в предметном созерцании единство Гегеля и Ильина несомненно.

Ключевые слова: гносеология, спекулятивное, интеллектуально-созерцательное, интуиция, идеальное, реальное, И.А.Ильин, Г.В.Ф. Гегель.

Abstract: From the very beginning of his scientific activity, Ilyin addresses the problems of epistemology and seeks to show the objectivity of the subject of philosophy. Ilyin was confident in the objectivity of Hegel's contemplative ability and followed him as a methodologist, immersing himself in his intellectual and contemplative (speculative) path of knowledge. He writes about the real metaphysical experience gained on the path of intellectual and contemplative immersion in the subject of science. Following Hegel, Ilyin begins by exposing rational thinking as forms of empirical and abstract perception of reality. Already logical thinking, aesthetic perception of reality, and ethical choice go beyond both the empirical and the abstract. According to Ilyin, a new level of knowledge of reality is revealed in ethical, aesthetic, and intellectual experiences - spiritual being is manifested. While the mental is connected with the physical, material world, the spiritual is no longer connected with it, but is only tied as an instrument of experiences and thinking. Already the empirical sciences accustom thought to abstraction, and for philosophy the concrete-empirical perishes finally, since in philosophy only thought works. Ilyin reveals for himself Hegel's intellectual-contemplative method of cognition. In the voluminous monograph «Hegel's Philosophy as a Doctrine of the

Concreteness of God and Man» he follows Hegel's intellectual-meditative path, immerses himself in the subject of cognition, during which layer by layer he reveals three levels of being - empirical, abstract, intellectual-contemplative (speculative). Ilyin's merit is that he clearly indicated the characteristics of the levels of being in scientific-philosophical language and divided their essence, meaning in personal being. In the ontological, religious sense, Ilyin did not consider himself a Hegelian, but in objective contemplation the unity of Hegel and Ilyin is undeniable.

Key words: epistemology, speculative, intellectual-contemplative, intuition, ideal, real, I.A. Ilyin, G.V.F. Hegel, .

В начале своей научной деятельности Ильин обнаруживает кризис гносеологии: «*Понятие голодает по содержанию всё сильнее и сильнее; оно вспоминает те времена, когда в нём жило бесконечное богатство*»³⁴⁶. «*Пробраться сквозь чащу спекулятивных придумок и рассудочных построений, навязывающихся нашей ленивой мысли — вот первый и очень трудный этап*»³⁴⁷. И этот этап учёный прошёл ещё в студенческие годы, в немалой степени благодаря серьёзному обращению к творчеству Гегеля. Своевременная встреча с основоположником феноменологии Э. Гуссерлем утвердила Ильина в необходимости поиска верного пути научного познания: «*Главное во всём этом метод, ... в смысле живого творческого распоряжения внутренними силами души, могущего превратить “просто душу” в “духовное достижение объективного предмета”*»³⁴⁸.

Ильин писал: «Я никогда не был гегельянцем. Однако существует возможность и соответствующая способность правильно осознать акт чужого созерцания и размышления

---

³⁴⁶ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 27/14.05.1911 // Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. [Т. 11]. С. 46.

³⁴⁷ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 31.07/13.08.1911 [Т. 11]. С. 51.

³⁴⁸ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич 19.02.1915 [Т. 11]. С. 87.

и встать на творческую позицию философа в такой мере, что **начинаешь жить в ней и философствовать соответствующим образом: ощущаешь всё, как он ощущал**, “видишь” то, что видел он, не произнося “аминь” над *духовной очевидностью*³⁴⁹. Философ был уверен в предметности созерцательной способности Гегеля, потому что сам шёл подобным же путём *метафизического познания предметности мира*. Ильин был уверен, что *«философ без духовного опыта — выдумщик и комбинатор в пустоте»*³⁵⁰.

Свой путь к созерцательному (спекулятивному, интеллектуально-интуитивному) методу Гегеля Ильин начинает вместе с классиком — с разоблачения рационального мышления как формы эмпирического и абстрактного восприятия окружающей действительности.

*Эмпирическое чувствование — непосредственное соприкосновение с окружающим миром вещей и явлений через органы чувств, оно требует минимальных затрат, потому человеку легче оставаться в «наивном состоянии души»*³⁵¹.

Попытки мыслить в области «лишённого Разума и Духа» конкретно-эмпирического (т.е., единичного) не могут довести до вопроса об укоренённости явлений эмпирического. Возникает парадокс «небытия эмпирического»³⁵².

Всякая наука вынуждена абстрагироваться от конкретно-эмпирического. **Интеллектуальность процесса научного познания означает, что он протекает в области идеального**: мысль останавливается на одной стороне явления, отделяясь от других, и — начинается анализ, невозможный в сфере эмпирической³⁵³. Получается, что *мысль деформиру-*

---

³⁴⁹ Перевод даётся по книге: Гулыга А. Русская идея и её творцы. Путь к очевидности (Ильин). М., 1995. С. 238.

³⁵⁰ Ильин И.А. Письмо к И.С. Шмелёву 22.08.1927 // Ильин И.А. Переписка двух Иванов. [Т. 13. Кн. I]. М., 2000. С. 52–54.

³⁵¹ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 25.

³⁵² Ильин И.А. Философия Гегеля как учение... С. 35, 48.

³⁵³ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение... С. 38.

ет эмпирическое: но ценою неполноты абстракции сознание «покупает» мысленность и определённую³⁵⁴. Мысль ищет то, что устойчиво, устанавливает на основе сходных явлений «научные законы», в этих законах как бы показывает сущность вещей и явлений. Так, по слову Ильина, «душа отрывается от чувственной конкретности и научается жить в понятиях»³⁵⁵.

Таким образом, эмпирические науки изучают содержание «мыслимых единиц», науки философские — их форму. Уже эмпирические науки приучают мысль к абстракции. В философском познании, указывает Ильин, достигается высшая абстракция³⁵⁶. Для философии конкретно-эмпирическое гибнет окончательно, так как в философии работает мысль, а она враждебна мимолётности эмпирического. **Философская мысль готовит катарсис истинного познания.**

Ильин неудовлетворён незавершённостью абстракции, ибо она не имеет абсолютного бытия. Именно поэтому он не задерживается на позитивизме и следует за немецкой классической философией — Иммануилом Кантом и Георгом Гегелем — отстаивающих укоренение науки и философии в Абсолюте.

Вместе с Гегелем Ильин проходит путь раскрытия бытия эмпирического и абстрактного уровней, и обращается к *интуитивно-созерцательному* или *художественно-созерцательному* (*спекулятивному*). Спекулятивная философия Гегеля, по его мнению, есть высшее выражение пути истинного научного познания. **Сочетая в созерцании абстрактное мышление с интуицией**, исследователь касается предмета непосредственно, так, как это происходит в поэтическом и мистическом переживании — погружаясь в созерцаемый предмет: душа забывает о себе и живёт вне времени и пространства.

---

³⁵⁴ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение... С. 39.

³⁵⁵ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение... С. 44.

³⁵⁶ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение... С. 37.

Спекулятивная мысль пропитана работой *воображения* и не может быть понята логически-формальной мыслью: для спекулятивного мышления необходимы реальный душевный опыт и творческое воображение. Первое же, что необходимо созерцательному мыслителю, отмечает Ильин, — «это **смирение и способность к самоотвержению в познании**,.. чтобы *изолировать в душе нормальное пульсирование личных влечений и личного аффективного интереса от чистого объективного обстояния*, имеющего обнаружиться в предмете»³⁵⁷. Личное самочувствие нигде не должно заслонять Предмета³⁵⁸. В этом вся сложность интуитивно-созерцательного пути погружения в предмет мысли.

Для того чтобы верно понять этот основополагающий пункт гегелевского учения, вскрывающий одно из самых кардинальных его прозрений и указующий исток всей его философии, необходимо, указывает Ильин, «отказаться от привычного созерцания предметов»: «это необходимо выполнить по отношению к предмету, именуемому человеческой психикой»³⁵⁹. Для созерцательного мышления необходимо «уничтожение» (забвение) сознания, так как его чувственность мешает, искажает познание. «Сознание *передаёт себя предмету*», растворяется в нём, вмысливается в его сущность и предмет начинает господствовать в душе: в созерцательном мышлении происходит **тождество субъекта и объекта**³⁶⁰.

Мыслящая интуиция без влияния психологической чувственности *воспринимает сущность объекта*. Такое научное **созерцательное забвение в мыслимом предмете** мыслитель уподобляет *совпадению души с Богом в молитве*³⁶¹. Как и в религиозном отождествлении, в научном созерцании

---

³⁵⁷ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение... С. 50, 52.

³⁵⁸ Ильин И.А. Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. Т. II. Гл. 24. О смирении и трезвении. М., 2002. С. 114, 209.

³⁵⁹ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение... С. 364.

³⁶⁰ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение... С. 55.

³⁶¹ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение... С. 57.

душа сохраняет свою ограниченную природу, а отождествление происходит только *единым для всего сущего «абсолютно реальным составом»*, по причине чего **сознание становится объективным**³⁶².

Если имманентный мысли элемент сознания (исследователь Предмета) отрекается от чувственной субъективности, силой интуиции преодолевает психологизм, то этот элемент сознания (т.е. Субъект, исследователь) становится реальной частью объекта, и это единение Субъекта с Объектом означает, что **познание разворачивается внутри объекта**, самого смысла, который сам себя мыслит, созерцает и познаёт. *Сознание оказывается не вне смысла, а в нём самом, как присущий ему элемент*³⁶³. Мышление «общё человеку с Божеством» и оно «*превращает душу в Дух*»³⁶⁴. Из сферы души человек выходит в свободную сферу мысли. *Предмет находит себя в элементе сознания и мыслит себя им, ведёт его*: способом существования души человека становится «**самозабвенная жизнь в предмете**» — **созерцательное мышление**. Таков путь тождества Субъекта с Объектом.

Смысл сам себя созерцает — вот цель познающего духа и потому «элемент сознания», не отвергаясь мысли, должен смирить свой рациональный ум («нет более “моей души”, есть только сам смысл, само понятие») и научиться молитве³⁶⁵. Если мыслитель не имеет опыта молитвы — беседы с Богом, стремления выйти с Ним навстречу, то он не способен будет понять это ощущение Абсолюта, не сможет слить свой дух с духом познаваемого им Предмета. Только с признания наличие этого Предмета как Абсолюта начинается интуитивно-созерцательное слияние с ним. Для этого

---

³⁶² Ильин И.А. *Философия Гегеля как учение...* С. 57. Ильин отрицает всякую чувственность в акте религиозного отождествления, предупреждает: из чувственности складывается ложная религиозность, то, что христианские аскеты называют «прелестью» (там же, с. 60–61).

³⁶³ Ильин И.А. *Философия Гегеля как учение...* С. 56.

³⁶⁴ Ильин И.А. *Философия Гегеля как учение...* С. 62.

³⁶⁵ Ильин И.А. *Философия Гегеля как учение...* С. 70.

«необходимо самому духовно быть и организовать в себе духовный опыт»³⁶⁶.

Да, человеку невероятно трудно отрешиться от психологической зависимости, эгоистичной субъективности в оценке окружающей реальности, что непрестанно и порождает трагические конфликты личного и социального бытия. Но при отказе от психологизма эгоистичной субъективности, человек — Субъект познания, имеет возможность осознания, что «идеальное» (внутреннее) оказывается более реальным, чем «реальное» (внешнее), — заключает по своему опыту освоения спекулятивного метода Гегеля Ильин. — Внешние вещи, принимаемые наивными реалистами за подлинную реальность, лишены её; они суть только «субъективные явления»... **Идеальное есть средоточие абсолютной реальности**»³⁶⁷.

В онтологическом, религиозном отношении Ильин не считал себя гегельянцем, но в предметном созерцании единство Гегеля и Ильина несомненно. Мы уверены, что Ильин был созерцателем, способным как и Гегель к интеллектуально-интуитивному погружению в Абсолют Бытия. И в его трудах воплотилось реальное значение истинной философии, способной прозревать и социальную реальность.

Благодарю Бога, что он дал мне возможность погрузиться в творческую лабораторию великого учёного и получить возможность расширить пути познания истины.

Список литературы:

1. Гулыга А. Русская идея и её творцы. Путь к очевидности (Ильин). М., 1995.
2. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Тт. I-II. М., 2002.

---

³⁶⁶ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. III. О возрождении философского опыта // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994. С. 67–68.

³⁶⁷ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение... С. 73.

3. *Ильин И.А.* Переписка двух Иванов. 1927-1934. М., 2000.

4. *Ильин И.А.* Религиозный смысл философии // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994.

5. *Ильин И.А.* Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903—1938). М., 1999.

6. *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994.

Сведения об авторе:

Шарипов Алексей Михайлович — кандидат исторических наук, член Союза писателей России (Москва)

Почта: alexshariff@mail.ru

About the author:

Sharipov Alexey Mikhailovich — phd, member of the Union of Writers of Russia (Moscow)

Mail: alexshariff@mail.ru

Рощин В.В.
Roshchin V.V.

ОБРАЗ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЛЬИНА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE IMAGE OF IVAN ALEXANDROVICH ILYIN IN POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY

Аннотация: В статье рассматривается трансформация восприятия философа и публициста Ивана Александровича Ильина в контексте российской исторической науки после распада Советского Союза. Автор рассматривает, как изменилось отношение к философу и политическому мыслителю после распада Советского Союза, когда его идеи начали активно переосмысляться и реинтерпретироваться. Рассматривается, как изменились интерпретации его идей, а также их влияние на современное российское общество и политическую мысль. Особое внимание уделяется различным подходам к оценке его взглядов на консерватизм, национальную идентичность и правоведение. Автор подчеркивает, что Ильин стал символом для ряда идеологических течений, что привело к росту дискуссионности вокруг фигуры мыслителя и его популяризации в постсоветский период. Исследование включает сравнение различных историографических подходов к интерпретации образов русского мыслителя и акцентирует внимание на дискуссиях вокруг сформировавшихся представлений об Ильине. Автор подчеркивает, что образ Ильина стал символом более широкой дискуссии о русской идентичности и национальной идее. В заключение автор делает вывод о значимости Ильина для понимания современных культурных и политических процессов в России, а также о необходимости дальнейшего исследования его философских концепций в контексте современной обстановки.

Ключевые слова: Ильин, политическая мысль, постсоветская историография, историческая интерпретация, религиозные взгляды, социальная мысль, русский консерватизм.

Abstract:

The article examines the transformation of the perception of the philosopher and publicist Ivan Aleksandrovich Ilyin in the context of Russian historical science after the collapse of the Soviet Union. The author considers how the attitude towards the philosopher and political thinker changed after the collapse of the Soviet Union, when his ideas began to be actively rethought and reinterpreted. The article examines how the interpretations of his ideas have changed, as well as their influence on modern Russian society and political thought. Particular attention is paid to various approaches to assessing his views on conservatism, national identity and jurisprudence. The author emphasizes that Ilyin became a symbol for a number of ideological movements, which led to increased controversy around the figure of the thinker and his popularization in the post-Soviet period. The study includes a comparison of various historiographic approaches to interpreting the images of the Russian thinker and focuses on the discussions around the formed ideas about Ilyin. The author emphasizes that the image of Ilyin has become a symbol of a broader discussion about Russian identity and the national idea. In conclusion, the author draws a conclusion about the importance of Ilyin for understanding contemporary cultural and political processes in Russia, as well as the need for further research of his philosophical concepts in the context of the modern situation.

Keywords: Ilyin, political thought, post-Soviet historiography, historical interpretation, religious views, social thought, Russian conservatism.

Русская философия конца XIX — начала XX вв. богата на имена и идеи. Несмотря на всю внутривосточную сложность, вызванную системным кризисом и революционными событиями внутри России, многие мыслители продолжали создавать и развивать свои концепции как внутри страны, так и за границей. Как отмечал в своей фундаментальной работе «История русской философии» Василий Васильевич Зеньковский: «В XX веке русская философия

не только развивается рядом с западноевропейской философией, но начинает постепенно, особенно после русской революции, выходить на путь мирового влияния»³⁶⁸.

Многие русские мыслители после октябрьского переворота были высланы из страны в начале 1920-х гг.³⁶⁹. Среди эмигрантов оказались такие умы русской мысли, как Николай Александрович Бердяев, Николай Онуфриевич Лосский, Лев Платонович Карсавин, Сергей Евгеньевич Трубецкой и многие другие. Россию был вынужден покинуть и Иван Александрович Ильин — русский философ, вокруг которого последнее время неустанно идет полемика, затрагивающая политические воззрения и предпочтения мыслителя.

В СССР работы Ивана Александровича, по ясным причинам не пользовались популярностью. Стоит отметить, что не только явно прослеживаемая антикоммунистическая тема в работах философа сыграла роль в отношении к нему со стороны советской власти. Идеи, транслируемые Ильиным в целом, шли в разрез с основной политической, культурной и социальной идеологией Советского правительства. Однако уже в период перестройки начинается обращение к наследию Ильина на родине. Большая заслуга в этом таких исследователей, как В. И. Белов³⁷⁰ и Вашестов А.Г.³⁷¹.

Активизировались же исследования мысли и личности Ивана Александровича в России уже после распада Советского Союза. С 1993 г., в совместной работе таких исследователей, как Ю. Т. Лисица, И. И. Евлампиев, И. Н. Смирнов, в России были переизданы основные труды Ивана Ильина.

---

³⁶⁸ *Зеньковский В. В.* История русской философии. М.: Академический Проект, 2001. С. 28.

³⁶⁹ *Чумаков А. Н.* «Философский пароход»: 100 лет без покаяния: монография. М.: Проспект, 2022. С. 11.

³⁷⁰ *Белов В. И.* [Предисловие] // Ильин И. А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции / И. А. Ильин. М.: Искусство, 1993. С. 6–16.

³⁷¹ *Вашестов А. Г.* Критика феноменологического метода И. А. Ильина // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1984. № 5. С. 46–56.

С изданием полного собрания сочинений И. А. Ильина под редакцией Ю. Т. Лисицы также активизируется исследовательская деятельность вокруг его наследия. Издание работ философа и ввод в оборот новых источников привели не только к расширению горизонтов исследования мыслей Ильина, но и к активному интересу со стороны политической власти. Однако в научной среде в 90-е годы Ивана Ильина чаще всего рассматривают как философа и автора исследования «Учение Гегеля о конкретности Бога и человека» (1918 г.), составившего его докторскую диссертацию³⁷², одну из крупнейших и подробнейших работ о философии немецкого мыслителя. Важно отметить, что при этом публицистические работы Ильина также не остаются без внимания. В этот же период, помимо публикации основного собрания сочинений философа, активизируется интерес к анализу духовного пути философа. Среди особо ярких трудов выделяются исследования Игоря Ивановича Евлампиева, обратившегося к идейным концепциям Ивана Александровича Ильина³⁷³. В это же время публикует свои исследования Д. Б. Цыганков, рассматривавший социальные и политические воззрения философа³⁷⁴.

Явный интерес научного сообщества к личности Ивана Ильина в постсоветский период предоставляет возможность детально изучить его жизнь и творчество с учетом современных исследований, а также проанализировать

---

³⁷² Лисица Ю. Т. Иван Александрович Ильин // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; <<<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH016ac362b16e2b7b0addf56a>>> (14.07.2023).

³⁷³ Евлампиев И. И. Концепция «сопротивления злу силою» Ивана Ильина против этики «непротивления» Льва Толстого // Русская философия: новые решения старых проблем. СПб: СПбГУ, 1993. Ч. 2. С. 53–55.

³⁷⁴ Цыганков Д.Б. Политическое завещание Ивана Ильина // Российская социология: межвузовский сборник. СПб: Изд-во СПб ун-та, 1993. С. 129–133.

формирование образа мыслителя в постсоветской историографии.³⁷⁵

В начале XXI века продолжают публиковаться исследования, посвящённые работам Ивана Ильина и его личности в целом. Эти исследования отличаются глубоким анализом Ильина как философа³⁷⁶, политика³⁷⁷, историка³⁷⁸ и педагога³⁷⁹. Благодаря этим публикациям можно с уверенностью говорить о росте интереса к идеям и концепциям Ивана Ильина в этот период, что привлекает всё больше исследователей. Этому росту способствовало и то, что в 2006 году Мичиганский университет передал Научной библиотеке МГУ личный архив И. А. Ильина³⁸⁰ при содействии Российского фонда культуры. Это значительно обогатило источниковую базу для новых исследований оригинальными работами, часть из которых на тот момент ещё не была опубликована в России.

В 2010-х годах историография пополняется рядом монографий, посвящённых непосредственно личности и творчеству Ильина. Среди них — книга уже упомянутого выше Александра Михайловича Шарипова³⁸¹, которая была переиздана с изменениями и дополнениями в 2020 году³⁸². Также

---

³⁷⁵ Яблоков С. А. И. А. Ильин в общественной и научной жизни Московского университета (1905 - 1915) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право., N. 4 /2002: N. 4 /2002. С. 98.

³⁷⁶ Евлампиев И. И. Философские и правовые взгляды И. А. Ильина. Правоведение. М., 1992. №3. С. 81-93.

³⁷⁷ Гусев В. А. Политическая теория И. А. Ильина // Политическая наука. 2001. N 1. С. 92-106.

³⁷⁸ Лисица Ю. Т. Иван Александрович Ильин: историко-библиографический очерк // Ильин И. А. Собр. соч. Т. I. М., 2006. 270 с.

³⁷⁹ Азаров Ю. Пророческая педагогика И. А. Ильина // Родительское собрание. 2004. N 3. С. 3-19.

³⁸⁰ Шарипов А. М. Их истории публикации творческого наследия И. А. Ильина // Отечественные архивы. 2012. №1. С. 26.

³⁸¹ Шарипов А. М. Русский мыслитель Иван Александрович Ильин. Творческая биография / Александр Шарипов; М.: Изд-во Главвархива Москвы: Деловой ритм, 2008. 304 с.

³⁸² Шарипов А. М. Русский мыслитель Иван Ильин. Жизнь и творчество. М.: Русь Триединая, 2020. 364 с.

в этом ряду интересна работа Владимира Алексеевича Томсинова с броским названием «Мыслитель с поющим сердцем», отсылающая к практически одноимённой работе Ивана Ильина. Эта публикация вышла в 2012 году³⁸³.

В указанных выше работах значительное внимание уделяется патриотической теме в трудах русского мыслителя: анализируются размышления Ивана Александровича о национальных³⁸⁴, консервативных³⁸⁵, культурных идеях³⁸⁶. Однако стоит отметить, что на данный момент опубликованы ещё не все труды философа. Существует ряд работ, написанных на немецком языке и до сих пор не переведённых на русский³⁸⁷.

Среди ключевых фигур постсоветской историографии, занимавшихся изучением наследия Ильина, можно выделить таких исследователей, как А. М. Шарипов, Ю. Т. Лисица, И. И. Евлампиев, А. Ф. Киселёв.

Анализируя основные образы Ивана Александровича Ильина, важно подчеркнуть, что каждый из них играет значимую роль в формировании представления об Ильине и отнесении его к определённой категории. Как уже отмечалось ранее, основные работы мыслителя начали публиковаться с 1990-х годов.³⁸⁸ Рост интереса к личности Ильина можно объяснить распространённым представлением об Иване Александровиче как об антибольшевике, которое

---

³⁸³ Томсинов В. А. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин. Русский идеолог эпохи революций. М., 2012 192 с.

³⁸⁴ Хрипков О. Иван Ильин и его программа национального возрождения России // Континент. 1998. N 1. С. 211-220.

³⁸⁵ Аверьянов В. В. Русская историческая традиция в неоконсерватизме И.А. Ильина // История философии. 2002. № 9. С. 110-119.

³⁸⁶ Сохряков Ю. И. И. А. Ильин как литературный критик. Литература в школе. М., 2000. С. 48 - 54.

³⁸⁷ Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М.: Эскимо, 2003. С. 341.

³⁸⁸ Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / Сост. и коммент. Лисица Юрий Трофимович. М.: Русская книга, 1993.

формировалось в ходе полемики вокруг его работ и продолжает привлекать внимание научного сообщества.

Ивану Ильину как философу всегда уделялось значительное внимание как минимум за границей. Так, например, один из его учеников, И. И. Евлампиев, ведущий исследователь творчества Ивана Ильина, в своих исследованиях рассматривает философскую составляющую работ мыслителя. Автор пишет, что для Ильина ценность гегелевской философии заключается в первую очередь в том, что в ней с максимальной полнотой реализовался основной духовный акт непосредственного слияния с божественным объектом, который является целью философского исследования³⁸⁹.

Важнейшим постулатом интерпретации гегелевской системы во всей работе Ильина является идея о том, что главной целью Гегеля была разработка строгой философской концепции пантеизма, причём возможность достижения этой цели была напрямую связана с возможностью согласования религиозной веры и научного мышления³⁹⁰. Анализ фундаментального труда Ивана Ильина, проведённый Евлампиевым, приводит к утверждению, что нерасторжимое единство философии и жизни являлось самым важным принципом Ильина, позволяющим причислить его к ряду самых ярких представителей экзистенциальной философии XX века³⁹¹.

Нельзя обойти вниманием и иную, достаточно дискуссионную тему, заключающуюся в интерпретации образа Ивана Ильина как приверженца радикально националистических взглядов. Например, А. В. Поповкин в своей статье о взаимосвязи между русскими философами и фашизмом характеризует воззрения Ильина как увлечение нацизмом «в силу отвлечённого, абстрактного характера их размышлений о национальном вопросе», указывая на понимание философом негативной реакции

---

³⁸⁹ *Евлампиев И. И.* Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб: Наука, 1998. С. 109.

³⁹⁰ Там же. С. 127.

³⁹¹ Там же. С. 14.

общественности на национал-социализм. При этом указывается, что мыслитель «пытается сохранить объективность, но его симпатии явно на стороне немецких националистов».³⁹²

Дискуссионности к поставленному вопросу добавляют два достаточно важных и часто цитируемых в данном вопросе сочинения Ильина — «О русском фашизме» (1928) и «О фашизме» (1948). В первом случае он рассматривает Белое движение под призмой данной идеологии, во втором же подводит «итоги» в становлении фашистской идеологии. Значимыми являются и комплиментарные высказывания Ильина о Муссолини, сделанные до начала Второй мировой войны и после её начала.

Таким образом, до того, как увеличилось количество исследовательских публикаций, посвящённых наследию Ивана Александровича Ильина, в русскоязычной историографии преобладали следующие образы мыслителя: философа-антибольшевика, который дополнялся представлениями об Ильине, как значимом философе XX века, идеологе Белого движения, философе-правоведе фашисте-эмигранте, русском патриоте. Доминирующими в этой череде образов можно назвать образы философа, патриота и фашиста, вступающие друг с другом в глубокую конфронтацию, формирующие, таким образом, дискуссионную тему. Постараемся уделить каждому из выделенных основных образов русского мыслителя отдельное место.

Говоря об образе Ильина как философе-патриоте, нельзя не упомянуть ряд значимых работ в историографии. Среди них выделяются уже упомянутые труды А. М. Шарипова и В. А. Томсинова. Большим упущением было бы не упомянуть И. И. Евлампиева. Говоря о последнем, огромный интерес представляет альманах «Pro et contra», посвященный философу, с вступительной статьей непосредственно И. И. Евлампиева, подробно рассматривающего творческое наследие Ивана Ильина.

---

³⁹² Там же. С.44.

Эти авторы внесли значительный вклад в изучение работ Ивана Ильина. Так, в своей статье «Иван Ильин в современной России: к 130-летию философа» А. М. Шарипов упоминает доклады С. А. Шаракшанэ «Идеи И. А. Ильина и современная задача преодоления в России идеологии либерального фундаментализма с её опорой на „экономического человека“» и В. В. Блохина «Русская идея в условиях кризиса. Проблемы национального самосознания и культуры в творчестве Ивана Ильина: современная парадигма». В этих докладах акцентируется внимание на научно-дискуссионном подходе, который доминирует в отношении наследия Ильина³⁹³.

В постсоветской историографии формируется не менее важный образ. Одна из ключевых работ философа, переосмысливающая философскую концепцию немецкого идеалиста, становится новым базисом со своей собственной системой. Эта система разработана с учётом всех ключевых принципов немецкого и французского неогегельянства. В ней «переоценка гегелевского наследия привела к созданию совершенно нового и оригинального философского мировоззрения, описывающего трагическую судьбу человека в мире, трагическую судьбу всего мироздания».³⁹⁴

Наиболее значимой попыткой анализа понимания философии Гегеля Иваном Ильиным можно назвать труд И. И. Евлампиева «Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина». Исследователь подчёркивает важность магистерской диссертации И. А. Ильина, отмечая, что Ильин оказал непосредственное и существенное влияние на развитие западноевропейского неогегельянства и экзистенциализма. Поэтому назвать труд философа проходным и не оказавшим влияния просто невозможно, учитывая огромный резонанс, который он вызвал в научной среде после выхода в свет.³⁹⁵

---

³⁹³ Там же. С. 176-180.

³⁹⁴ *Евлампиев И. И.* Указ соч. С.78.

³⁹⁵ *Баринов В. А., Баринова К. В.* И. А. Ильин и Россия // *Культурологический журнал.* 2015. №4(22). С. 6.

Большое внимание этапу формирования философских воззрений Ивана Ильина уделяет В. А. Томсинов. Формируя образ глубокого мыслителя, учёный также делает акцент на выборе Ильиным пути изучения немецкой идеалистической философии³⁹⁶. Томсинов отмечает: «Ильин обратился к произведениям Гегеля в то время, когда философия последнего вновь начала притягивать к себе внимание немецких учёных»³⁹⁷. Безусловно это добавило актуальности исследованию молодого учёного.

Хотя главные работы Ивана Александровича Ильина относятся к области философии и правоведения, он традиционно считается активным сторонником Белой идеи³⁹⁸. Исследователи, цитируя мыслителя, обращаются к понятию «национальный», что также связано с использованием в историографии по отношению к Ильину характеристики «идеолог Белого движения»³⁹⁹. В своей статье, посвящённой жизни и деятельности Ильина в эмиграции, Ю. Т. Лисица затрагивает эту тему и указывает на то, что среди виднейших представителей русской философии И. А. Ильин был единственным безоговорочным сторонником Белого движения⁴⁰⁰. При этом важны так же и замечания исследователя, в которых он отмечает, что в русской эмиграции

---

³⁹⁶ Томсинов В. А. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин. Русский идеолог эпохи революций. М., 2012. С. 38-39.

³⁹⁷ Там же. С. 39.

³⁹⁸ Гольцов В. И. Первая мировая война и формирование мировоззрения русских интеллектуалов консервативного направления XX века (на материалах творчества И. А. Ильина) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. №2. С. 184.

³⁹⁹ См. напр.: Шарипов А. М. Русский мыслитель Иван Александрович Ильин. Творческая биография / Александр Шарипов; М.: Изд-во Главархива Москвы: Деловой ритм, 2008. С. 130.; Киселев А.Ф. Идеолог Белого движения (И. Ильин) // Высшее образование в России. 2005. №7. С. 144.; Лисица Ю. Т. Жизнь и деятельность И. А. Ильина в эмиграции // Русское зарубежье. 2011. №1. С. 124.

⁴⁰⁰ Лисица Ю. Т. Жизнь и деятельность И. А. Ильина в эмиграции. // Русское зарубежье. 2011. №1. С. 124.

не было единого мнения об этом движении.⁴⁰¹ Некоторые исследователи и вовсе указывают на то, что Ильин подходил критически даже к фигуре А. И. Деникина⁴⁰².

В этом вопросе невозможно прийти к однозначным выводам. Так, в статье, посвящённой Ивану Ильину как идеологу Белого движения, А. Киселёв замечает, что мыслитель считал ошибкой идеализацию движения, подкрепляя свой тезис примерами разнородного состава участников. Среди них были люди «с различными жизненными мотивами: и те, кто был одухотворён высокими идеями, и те — с жизненными инстинктами грабежа и жажды вольницы; подлинные бессребреники и стяжатели; глубоко верующие и далёкие от православия»⁴⁰³.

Для Ивана Ильина, Белое движение было реакционным ответом на октябрьский переворот, который нес в себе идею целостности России, без классовых и прочих политических излишеств. «По Ильину, «белые» реабилитировали Россию за мерзость разгула революции, предательство национального долга, своекорыстного малодушия перед лицом общенациональной беды»⁴⁰⁴, — замечает исследователь. Часто положительные оценки Ильина в адрес деятелей Белого движения отождествляются с его политическими воззрениями, касающимися фашистской идеологии. Данная тема является одной из наиболее дискуссионных в контексте анализа биографии философа и его наследия⁴⁰⁵.

А. М. Ипатов, в своей статье, посвященной деятельности Ивана Ильина в период Второй Мировой войны, выделяет три лагеря в среде эмигрантов - разделяющие симпатии к фашистам, приверженцы антифашистского лагеря

---

⁴⁰¹ Там же. С. 125.

⁴⁰² Шарунов А. М. Указ. соч. С. 94.

⁴⁰³ Киселев А. С. Идеолог Белого движения (И. Ильин) // Высшее образование в России. М., 2005. №7 С. 139.

⁴⁰⁴ Там же. С. 141.

⁴⁰⁵ Ипатов А. М. События второй мировой войны в публицистике И. А. Ильина 1939–1945 гг. // Культурный код. М., 2022. №2. С. 99.

и отрицающие обе стороны. Он отмечает, что с точки зрения одной из групп нападение Третьего рейха на Советский Союз было катастрофой, ибо «граждане СССР вынужденно подчинились советской власти, чтобы отстоять границы государства от внешнего врага»⁴⁰⁶. По мысли автора, таких воззрений придерживался и Ильин.

Ипатов также указывает, что «когда Красная армия стала сражаться против многочисленной европейской коалиции, возглавляемой Третьим рейхом, риторика И. А. Ильина в отношении солдат и офицеров меняется»⁴⁰⁷. Под изменением риторики понимается активная поддержка Ильиным армии СССР, связанная с правом русского народа на отстаивание собственных земель перед лицом врага, вне зависимости от того, под чьим флагом они в данный момент выступают⁴⁰⁸. Однако, есть мнение и о прямом сотрудничестве Ильина с нацистами. Но в подобных работах не учитывается факт преследования философа гестапо⁴⁰⁹.

Работы Ивана Александровича Ильина охватывают широкий спектр областей знания. Помимо философии и права, его научные интересы включали историю, политологию и другие сферы исследований. По словам В. И. Копалова, «будучи специалистом в области философии права, Ильин в своём творчестве проявил себя как философ, правовед, государствовед, литературовед, историк, искусствовед, а также публицист, оратор, лектор, педагог и редактор. За свою жизнь Ильин написал около 30 книг и несколько сотен статей»⁴¹⁰.

---

⁴⁰⁶ *Ипатов А. М.* Указ. соч. С. 99.

⁴⁰⁷ Там же. С. 101.

⁴⁰⁸ Там же. С. 106.

⁴⁰⁹ *Петер Х. Р.* Иван Ильин и фашизм // *Альтернативы.* 2012. No 4. С. 154.

⁴¹⁰ *Копалов В. И.* Творческая идея русской культуры в философии истории И. А. Ильина: К 120-летию со дня рождения // *Судьба России: национальная идея и ее исторические модификации. Доклады Пятой Всероссийской конференции:* Екатеринбург, 14—15 октября 2003 г. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 8.

Говоря об Иване Ильине как о правоведе, следует упомянуть работы таких исследователей, как С. А. Яблоков (автор статьи об Ильине как студенте юридического факультета), Н. Ф. Медушевская и Л. М. Миронов (авторы статей об Ильине как философе-правоведе). Стоит отметить, что на данный момент нет монографий, посвящённых исключительно анализу Ильина как правоведа.

Ильин написал более десяти работ, посвящённых правоведению, в которых рассматриваются как вопросы права⁴¹¹, так и проблемы государственного устройства.⁴¹² По словам С. А. Яблокова, Ильин создал новые идейно-философские подходы к изучению государства и права⁴¹³. Исследователи анализируют взгляды Ильина на право, опираясь на такие понятия, как «справедливость», «личное достоинство»⁴¹⁴ и «государственное благо»⁴¹⁵. Таким образом они связывают эти концепции и выделяют интерпретацию Ильина, согласно которой право является «выражением человеческой свободы»⁴¹⁶.

---

⁴¹¹ *Ильин И. А.* Основные задачи правоведения в России // Русская мысль. Париж, 1922. Вып. 8-12. С. 162 - 188.

⁴¹² *Ильин И. А.* Наша государственная задача // Русский Колокол. Берлин, 1927. № 1. С. 32-40.

⁴¹³ *Яблоков С. А.* Указ. соч. С. 108.

⁴¹⁴ *Семенов Н. С. И. А. Ильин и русское самосознание // Учение И.А. Ильина о праве, власти и социальной культуре России: материалы научно-практической конференции, посвященной 125-летию выдающегося правоведа и философа И.А. Ильина, 19 июня 2008 г. / Совет Федерации Федерал. Собрания РФ, Ком. Совета Федерации по конституц. законодательству, Соц.-инновац. центр России; [под. общ. ред. А.И. Александрова и др.]. – Москва, 2008. С. 102.*

⁴¹⁵ *Медушевская Н. Ф.* Учение И. А. Ильина о духовных основаниях права и его роль в становлении правовой культуры современной России. // Учение И.А. Ильина о праве, власти и социальной культуре России: материалы научно-практической конференции, посвященной 125-летию выдающегося правоведа и философа И.А. Ильина, 19 июня 2008 г. / Совет Федерации Федерал. Собрания РФ, Ком. Совета Федерации по конституц. законодательству, Соц.-инновац. центр России; [под. общ. ред. А. И. Александрова и др.]. – Москва, 2008. С. 87.

⁴¹⁶ Там же. С. 88.

Исследователь Н. Ф. Медушевская, рассматривая концепцию правового государства, приходит к выводу, что, по мнению Ильина, такое государство полностью основывается на признании человеческой личности — духовной, свободной, наделённой определёнными полномочиями и способной управлять собой. Это проявляется в лояльном правосознании. Кроме того, Медушевская отмечает, что Ильин напрямую связывает уровень правосознания в государственном строительстве с силой власти⁴¹⁷. С ней соглашаются и другие исследователи, которые также отмечают зависимость между правосознанием, формой государственного устройства и историческо-политическим опытом⁴¹⁸.

Анализируя духовные основы права и выделяя три аксиомы правосознания (чувство собственного достоинства, внутренняя свобода, взаимное уважение и доверие — В. Р.), исследователи приходят к выводу, что непонимание права как духовной, внутренней потребности способствовало появлению в современной правовой культуре России⁴¹⁹ глубокой политизированности права и правосознания. По мысли Ильина, лучшая государственная форма — это демократия. Она привлекает народ к участию в управлении страной и черпает из него лучшие силы⁴²⁰. Этот принцип работает благодаря постоянному отбору лучших представителей, что является проявлением меритократии. Идеи Ивана Ильина в правоведческой среде характеризуются как глубокие, духовные и патриотические. Иногда их называют

---

⁴¹⁷ Медушевская Н. Ф. Указ. соч. С. 89.

⁴¹⁸ Миронов Л. М. О государственной форме по И. А. Ильину // Учение И.А. Ильина о праве, власти и социальной культуре России: материалы научно-практической конференции, посвященной 125-летию выдающегося правоведа и философа И.А. Ильина, 19 июня 2008 г. / Совет Федерации Федерал. Собрания РФ, Ком. Совета Федерации по конституц. законодательству, Соц.-инновац. центр России; [под. общ. ред. А.И. Александрова и др.]. – Москва, 2008. С. 91.

⁴¹⁹ Медушевская Н. Ф. Указ. соч. С. 90.

⁴²⁰ Миронов Л. М. Указ соч. С. 99.

радикальными, что подразумевает видение вещей в корне, то есть познание их своеобразия и предназначения⁴²¹.

Возможно, самым дискуссионным и крупным образом Ильина является представление философа, как политической фигуры. В ряде исследований появляются такие характеристики Ивана Ильина как «истинный либерал» или «настоящий демократ»⁴²² (чаще всего эти работы связаны с темой современного геополитического положения Российской Федерации — В. Р.)⁴²³.

С мнением о убежденности Ильина в необходимости установления демократической формы правления солидарны не все исследователи его наследия Ильина.

Так С. Стародубец, указывая на разочарование в демократии Ивана Александровича, отмечает, что демократию философ «связывал с революционным преобразованием общества»⁴²⁴. Уже упомянутый выше С. А. Яблоков так же замечает, что Ильин был сторонником ненасильственного реформирования русского самодержавия в сторону конституционной монархии, хотя и не вел, в отличие от многих коллег, активной политической деятельности, оставаясь в стороне от политических партий⁴²⁵.

С подтверждением тезиса о том, что русский философ не являлся безоговорочным апологетом демократии, выступает и А. М. Ипатов. Исследователь приводит слова Ильина

---

⁴²¹ Семенов Н. С. Указ соч. С. 102.

⁴²² Оганисян, Ю. С. Запад и Россия. От фашистской агрессии до цветных революций // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж: Научная книга, 2015. С. 261

⁴²³ Шестаков С. А. Иван Ильин и современная Россия: политико-правовой аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. С. 4-9.

⁴²⁴ Стародубец С. Мифические символы в работах И. А. Ильина. // Высшее образование в России. М., 2005. №12. С. 138

⁴²⁵ Яблоков С. А. И. А. Ильин в общественной и научной жизни Московского университета (1905 - 1915) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право., N. 4 /2002: N. 4 /2002. С. 109.

о том, что рассматриваемая форма правления «может быть “посредственной”, “туманным и запутанным слепком” с истинной демократии»⁴²⁶.

Таким образом, большинство исследователей приходят к выводу, что Ильин придерживался монархических взглядов, которые он отстаивал в своих работах.

Л. А. Мурзанова в своей статье, посвящённой особенностям консерватизма Ивана Александровича, утверждает, что для России единственно возможной формой правления была монархия с авторитарным режимом и социальным неравенством⁴²⁷. При этом, рассматривая Ильина как учёного и философа, исследователи отмечают, что он был скорее «непредрешенцем»⁴²⁸.

Многие исследователи также обращаются к интерпретациям мыслей Ивана Ильина в контексте либеральной идеологии. Е. В. Виноградова в своей статье, посвящённой теме России в творчестве философа, выражает надежду на то, что в наше смутное время, окутанное ядовитыми туманами соблазнов, в период упадничества, потоков уныния и безверия, всё же возникнет потребность в идеях истинных патриотов России, таких как И. А. Ильин. Эти идеи могут стать двигателями нашей эпохи⁴²⁹.

Важно также отметить справедливое замечание ряда авторов, которые считают своевременной историческую оценку личности И. А. Ильина, особенно в контексте сегодняшнего осмысления демократических перемен⁴³⁰. Другие имеют кардинально противоположное мнение, подчёркивая

---

⁴²⁶ Там же. С. 103.

⁴²⁷ Мурзанова Л. А. Особенности консерватизма русской эмиграции (И.А. Ильин, И. Л. Солоневич) // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2017. № 2. С. 106.

⁴²⁸ Лисица Ю. Т. Жизнь и деятельность И. А. Ильина в эмиграции. // Русское зарубежье. 2011. №1. С. 127.

⁴²⁹ Виноградова Е. В. Тема России в творчестве И. А. Ильина // Вестник Российского философского общества. – 2006. N 3. С. 123.

⁴³⁰ Стародубец С. Мифические символы в работах И. А. Ильина. // Высшее образование в России. М., 2005. №12. С. 138

актуальность наследия Ильина для сегодняшнего дня в контексте его размышлений о взаимоотношениях России и Европы, его призывов не обольщаться западноевропейскими ценностями и иллюзиями о вхождении в единый космополитичный мир⁴³¹.

Затронутая выше тема православия, её место в системе нравственных координат Ивана Александровича, занимает особое место в его наследии, что является вполне закономерным, если мы характеризуем Ильина как религиозного философа.

В этом контексте надо отметить ряд работ, посвящённых вопросу взаимоотношения таких социальных институтов, как церковь и государство. Говоря о взаимоотношении между религией и политикой, отмечая социальный характер первого и его влияние на второе, упор делается на идеалистическое представление о государственном устройстве, основанном на Божественном Откровении при соблюдающем заповеди социуме. Эти условия не мешают существовать политической форме, однако вместо уже указанного идеалистического государственного устройства приходится иметь дело с политикой формальной, против которой выступали многие религиозные философы, в том числе и Иван Ильин⁴³².

Рассматривая данную тему, невозможно пройти мимо одного из главных трудов Ильина «О сопротивлении злу силою», поднимающего вопрос о монополии на насилие, которое имеется у государства, и его воздействия на религиозную, христианскую почву. Ю. Т. Лисица, обращаясь к данному труду Ильина отмечает, что «в настоящее время книга “О сопротивлении злу силою” получает неожиданное новое звучание в связи с проблемами мирового терроризма»⁴³³.

---

⁴³¹ Мурзанова Л. А. Указ соч. С. 106.

⁴³² Михайленко М. В. Взаимоотношение религии и политики в дискуссии И. А. Ильина и Н. А. Бердяева о сопротивлении злу силой // Труды Перервинской православной духовной семинарии. 2012. № 5. С. 97.

⁴³³ Лисица Ю. Т. Жизнь и деятельность И. А. Ильина в эмигра-

Можно заключить, что в постсоветской историографии Ивана Александровича Ильина как политическую личность рассматривают многогранно, а его труды актуальны в большинстве гуманитарных сфер по сей день. Исследования политических трудов философа можно охарактеризовать как амбивалентные и указывающие на плюрализм и глубокую дискуссионность ряда вопросов. Среди них: идеологическая принадлежность философа, государственное устройство, отношение к ключевым событиям истории России начала XX века. Исходя из этого, можно сделать вывод, что образ Ильина как политической фигуры вызывает наибольшие дискуссии.

Наследие Ивана Александровича Ильина, безусловно, многогранно и широкопрофильно. Работы, написанные русским мыслителем, можно применить в различных научных дисциплинах, обращая внимание на широкий кругозор и профессионализм Ильина не только как правоведа, но и как политолога, философа, культуролога и т. д.

Постсоветская историография внесла значительный вклад в развитие идей русского философа. За последние десятилетия количество научных работ, публикаций, конференций, посвящённых Ивану Александровичу, значительно увеличилось, а многогранность образов Ильина отражает непрекращающуюся полемику вокруг личности философа и его наследия.

Особенно интересным представляется существование наиболее спорных образов философа, связанных с его политической принадлежностью, которые были определены исследователями напрямую. В этом образе выделяются две ключевые дискуссионные составляющие — фашистская и патриотическая. Эти точки зрения можно назвать основными, особенно если связать вторую с идеологической принадлежностью Ильина к Белой армии.

Важно отметить, что со временем образ Ивана Александровича Ильина в постсоветской историографии меняется. В настоящее время в исследованиях преобладает образ

Ильина как патриота и «защитника» Родины, который, несмотря на критику в её адрес, сохраняет верность, ссылаясь на духовную связь с ней. Подобная тенденция может быть обусловлена в том числе политическим запросом на обращение к личностям прошлого, которые могут поднять общественно-национальный дух в условиях вызовов современности. В этом контексте образ Ильина, в своей патриотической ипостаси, становится полезным идеологическим инструментом. Однако нельзя сказать, что подобный подход является доминирующим.

Несмотря на официально утвержденную положительную характеристику философа и его наследия, надо отметить и постоянно фигурирующее в полемике мнение об Ильине как мыслителе, позитивно воспринимавшем фашистскую идеологию и поддерживавшим режимы Муссолини и Гитлера. Эта особенность влияет на историографию, связанную с изучением личности и наследия Ильина, которая характеризуется дискуссионностью и плюрализмом мнений. Это, в свою очередь, повышает интерес к творчеству философа. Несмотря на многогранность представленных образов Ивана Ильина и специфику полемики вокруг них, необходимо подчеркнуть целостность личности философа. Разнообразие образов Ильина, формирующихся в контексте историографии, связанной с его наследием, создаёт диалектическое своеобразие изучаемой личности, что открывает возможности и перспективы для дальнейших исследований и дискуссий.

Список литературы:

1. *Аверьянов В. В.* Русская историческая традиция в неоконсерватизме И.А. Ильина // История философии. 2002. № 9. С. 110—119.

2. *Азаров Ю. П.* Пророческая педагогика И. А. Ильина // Родительское собрание. 2004. N 3. С. 3—19.

3. *Баринов В. А., Баринова К. В.* И. А. Ильин и Россия // Культурологический журнал. 2015. №4(22). С. 1—13.

4. Белов В. И. [Предисловие] // Ильин И. А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции / И. А. Ильин. М.: Искусство, 1993. С. 6—16.

5. Вашестов А. Г. Критика феноменологического метода И. А. Ильина // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1984. № 5. С. 46—56.

6. Виноградова Е. В. Тема России в творчестве И. А. Ильина // Вестник Российского философского общества. 2006. № 3. С. 119—125.

7. Гольцов В. И. Первая мировая война и формирование мировоззрения русских интеллектуалов консервативного направления XX века (на материалах творчества И. А. Ильина) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. №2. С. 174—184.

8. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М.: Эскимо, 2003. 448 с.

9. Гусев В. А. Политическая теория И. А. Ильина // Политическая наука. 2001. №1. С. 92—106.

10. Евлампиев И. И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб: Наука, 1998. 512 с.

11. Евлампиев И. И. Концепция «сопротивления злу силою» Ивана Ильина против этики «непротивления» Льва Толстого // Русская философия: новые решения старых проблем. СПб.: СПбГУ, 1993. Ч. 2. С. 53—55.

12. Евлампиев И. И. Философские и правовые взгляды И. А. Ильина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 3. С. 81—93.

13. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, 2001. 880 с.

14. Ильин И. А. Наша государственная задача // Русский Колокол. Берлин, 1927. № 1. С. 32—40.

15. Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России // Русская мысль. Париж, 1922. Вып. 8-12. С. 162—188.

16. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / Сост. и коммент. Лисица Юрий Трофимович. М.: Русская книга, 1993.

17. *Лисица Ю. Т.* Жизнь и деятельность И. А. Ильина в эмиграции. // Русское зарубежье. 2011. №1. С. 118—142.

18. *Лисица Ю. Т.* Иван Александрович Ильин // Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс]: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH016ac362b16e2b7b0addf56a> (дата обращения: 18.08.2024).

19. *Лисица Ю. Т.* Иван Александрович Ильин: историко-библиографический очерк // Ильин И. А. Собр. соч. Т. I. М., 2006. 270 с.

20. *Медушевская Н. Ф.* Учение И. А. Ильина о духовных основаниях права и его роль в становлении правовой культуры современной России. // Учение И.А. Ильина о праве, власти и социальной культуре России: материалы научно—практической конференции, посвященной 125—летию выдающегося правоведа и философа И.А. Ильина, 19 июня 2008 г. / Совет Федерации Федерал. Собрания РФ, Ком. Совета Федерации по конституц. законодательству, Соц.—инновац. центр России; [под. общ. ред. А. И. Александрова и др.]. М., 2008. С. 87—90.

21. *Миронов Л. М.* О государственной форме по И. А. Ильину // Учение И.А. Ильина о праве, власти и социальной культуре России: материалы научно—практической конференции, посвященной 125—летию выдающегося правоведа и философа И.А. Ильина, 19 июня 2008 г. / Совет Федерации Федерал. Собрания РФ, Ком. Совета Федерации по конституц. законодательству, Соц.—инновац. центр России; [под. общ. ред. А.И. Александрова и др.]. М., 2008. С. 91-100.

22. *Михайленко М. В.* Взаимоотношение религии и политики в дискуссии И. А. Ильина и Н. А. Бердяева о сопротивлении злу силой // Труды Перервинской православной духовной семинарии. 2012. № 5. С. 91-100.

23. *Мурзанова Л. А.* Особенности консерватизма русской эмиграции (И.А. Ильин, И. Л. Солоневич) // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2017. №2. С. 104—110.

24. *Оганисьян Ю. С.* Запад и Россия. От фашистской агрессии до цветных революций // Актуальные пробле-

мы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10—11 марта 2015 г.). Воронеж: Научная книга, 2015. С. 261-289.

25. *Полторацкий Н. П.* Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение / Н. Полторацкий. Тенафлау: Эрмитаж, 1989. 320 с.

26. *Поповкин А. В.* Русские философы и фашизм: к проблеме интеллектуального соблазна национализма // Россия и АТР. 2015. №2 (88). С. 40—41.

27. *Семенов Н. С.* И. А. Ильин и русское самосознание // Учение И.А. Ильина о праве, власти и социальной культуре России: материалы научно—практической конференции, посвященной 125—летию выдающегося правоведа и философа И.А. Ильина, 19 июня 2008 г. / Совет Федерации Федерал. Собрания РФ, Ком. Совета Федерации по конституц. законодательству, Соц.—инновац. центр России; [под. общ. ред. А.И. Александрова и др.]. М., 2008. С. 101-105.

28. *Сокина И. Л.* Антропологические концепции Н. А. Бердяева и И. А. Ильина: точки пересечения и отторжения // Самарский научный вестник: научный журнал. Самара, 2016. С. 153—157.

29. *Сохряков Ю. И.* И. А. Ильин как литературный критик. Литература в школе. М., 2000. С. 48—54.

30. *Стародубец С. Н.* Мифические символы в работах И. А. Ильина. // Высшее образование в России. М., 2005. №12. С. 138—141.

31. *Томсинов В. А.* Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин. Русский идеолог эпохи революций. М., 2012 192 с.

32. *Хрипков О.* Иван Ильин и его программа национального возрождения России // Континент. 1998. №1. С. 211-220.

33. *Цыганков Д.Б.* Политическое завещание Ивана Ильина // Российская социология: межвузовский сборник. СПб: Изд—во СПб ун—та, 1993. С. 129—133.

34. *Чумаков А. Н.* «Философский пароход»: 100 лет без покаяния: монография. М.: Проспект, 2022. 456 с.

35. *Шарипов А. М.* Иван Ильин в современной России: к 130-летию философа // Вопросы философии, №10. 2013. 175-180.

36. *Шарипов А. М.* Из истории публикации творческого наследия И. А. Ильина // Отечественные архивы. 2012. №1. С. 23-29.

37. *Шарипов А. М.* Русский мыслитель Иван Александрович Ильин. Творческая биография / Александр Шарипов; М.: Изд-во Главархива Москвы: Деловой ритм, 2008. 304 с.

38. *Шестаков С. А.* Иван Ильин и современная Россия: политико-правовой аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. С. 4-9.

39. *Яблоков С. А.* И. А. Ильин в общественной и научной жизни Московского университета (1905 - 1915) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право, №4. 2002. С. 98-109.

Сведения об авторе:

Рощин Валентин Валерьевич — Студент 1-го курса магистратуры исторического факультета Государственного Академического Университета Гуманитарных Наук (ГАУГН).

Почта: roshhin.v@gmail.com

About the author:

Roshchin Valentin Valerievich — 1st year master's student of the Faculty of History of the State Academic University of Humanities (GAUGN).

Mail: roshhin.v@gmail.comT

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ	4
<i>Володихин Д.М.</i>	
И.А. ИЛЬИН И ТЕНДЕНЦИЯ К КОНСЕРВАТИВНОМУ ПОВОРОТУ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУЧНЫХ ДИСЦИ- ПЛИНАХ (ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ) ..	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ГОСТИ КОНФЕРЕНЦИИ	11
<i>Смолин М.Б.</i>	
РУССКИЕ: МОНАРХИСТЫ ИЛИ РЕСПУБЛИКАНЦЫ ПО ИВАНУ ИЛЬИНУ?	11
<i>Смолин М.Б.</i>	
ПОЧЕМУ НЕВОЗМОЖНО ПОДДЕРЖАТЬ ДУГИНА? ..	22
<i>Холмогоров Е.С.</i>	
УРОКИ ИВАНА ИЛЬИНА	27
<i>Даренский В.Ю.</i>	
ЗАЩИТА И.А. ИЛЬИНА ОТ ДУРАКОВ	42
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ	47
<i>Вакулинская А.И.</i>	
«УВЕДИ МЕНЯ ИЗ ПОЛИТИКИ, ДАЙ МНЕ ВЕРНУТЬ- СЯ НАВСЕГДА К ФИЛОСОФИИ»: ПУБЛИЦИСТИКА И.А. ИЛЬИНА И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ГЕРМАНИИ	47

<i>Лисица Ю. Т.</i> ГЛАВНЫЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФИЛО- СОФИИ И. А. ИЛЬИНА (НОМО SPIRITUALIS VS НОМО SAPIENS)	102
<i>Закунов Ю.А.</i> ТРИАДЫ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ И.А. ИЛЬИНА	135
<i>Чернова А.Е.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ МЫСЛЬ О РОССИИ: ОТ ДОСТОЕВСКОГО К ИЛЬИНУ	157
<i>Кацапова И.А.</i> НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ (СИЛОЮ) ИЛИ МНИМОЕ ПРАВО НА ПРЕДАТЕЛЬСТВО: Л.Н. ТОЛСТОЙ — И.А. ИЛЬИН (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ).....	169
<i>Шаринов А.М.</i> ИЛЬИН И ГЕГЕЛЬ: ПУТЬ ПОЗНАНИЯ	210
<i>Роцин В.В.</i> ОБРАЗ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЛЬИНА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	219

ПУТЬ ДУХОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ – ИМПЕРАТИВ
РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ.

Чтения памяти И.А. Ильина

Обложка: *Юлия Голуб*

Издательство «Снежный Ком»
ИП Штепин Дмитрий Вадимович
ОГРНИП 318774600524067
skomm.ru
Email: contact@skomm.ru

Подписано в печать 30.11.2024. Формат 84×108^{1/32}
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 12,8. Тираж 500 экз.